

А. И. ПУШКАШ

ВНЕШНЯЯ
ПОЛИТИКА
ВЕНГРИИ

Апрель 1927 г. — февраль 1934 г.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
И БАЛКАНИСТИКИ

А. И. ПУШКАШ

ВНЕШНЯЯ
ПОЛИТИКА
ВЕНГРИИ

Апрель 1927 г. — февраль 1934 г.

МОСКВА 1995

Ответственный редактор
доктор исторических наук И. И. Поп

Рецензенты

кандидат исторических наук М. Д. Ерещенко

доктор исторических наук Л. Н. Нежинский

Данная работа автора является продолжением его монографии, посвященной внешней политике Венгрии в 1918–1927 гг.

На основе архивных материалов в книге освещаются основные направления внешнеполитической деятельности правительства Венгрии, в том числе взаимоотношения с Италией, Чехословакией, Румынией, Югославией, Австрией, Германией. Автор исследует комплекс проблем, связанных с установлением дипломатических отношений Венгрии с СССР.

Для историков и тех, кто интересуется международными отношениями в Европе накануне второй мировой войны.

ISBN 5-75-76-0011-x

© Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995

Введение

В дни распада Австро-Венгрии в 1918 г. произошла буржуазно-демократическая революция, обеспечившая образование самостоятельной Венгрии. Коалиционное правительство либералов во главе с Михаем Каройи и социал-демократов просуществовало всего неполных пять месяцев. Сменившая его в марте 1919 г. Советская власть продержалась и того меньше — 133 дня. В результате контрреволюционного переворота, как официально он именовался теми, кто его свершил, была предпринята безуспешная попытка восстановить порядки дореволюционного периода. Новая власть в лице земельных магнатов, промышленной, банковской аристократии и правящей бюрократии подписала в 1920 г. в Трианонском дворце в окрестностях Парижа мирный договор, по которому участвовавшая в первой мировой войне на стороне Четверного союза Венгрия потеряла две трети довоенной территории и более половины населения. К тому же побежденные должны были платить репарации.

После свержения власти рабочего класса сторонники пришедшего к власти Миклоша Хорти, стремясь упрочить свое положение, выдвинули лозунг пересмотра статей трианонского договора и возвращения утерянных в войну территорий. С такими планами страна долгие годы находилась во внешнеполитической изоляции, пока не нашла себе союзника в лице диктатора Муссолини, выразившего готовность на международной арене поднять голос в поддержку Венгрии и ее требований к соседям.

В конце 20-х годов великие державы продолжали ожесточенную борьбу за влияние в Центральной и Юго-Восточной Европе, где Венгрия, учитывая ее геополитическое положение, занимала особое место. Противоречия между великими державами время от времени то затухали то вновь разгорались, при этом раздавались призывы к объединению и сплочению сил в борьбе с Советской Россией. Недостатка в инициаторах “крестового похода” против нее не было. Не желал отставать от

других и диктатор Венгрии регент Миклош Хорти. Он обратился к главам государств или правительств 23 стран с призывом объединиться против Советской России в целях “удушения адской власти”¹.

Западные державы — Италия, Франция и Германия — в разное время рассматривали Венгрию с ее авторитарным диктаторским режимом в качестве подходящего партнера в своих внешнеполитических планах. Международные монополистические союзы также стремились подчинить экономику богатой природными ресурсами страны своим интересам. К началу 1927 г. в борьбе за Венгрию победительницей оказалась фашистская Италия, сохранившая доминирующее влияние здесь на долгие годы, но позднее вынужденная уступить первенство более сильному сопернику и одновременно единомышленнику и союзнику гитлеровской Германии.

Правящие круги Венгрии, в свою очередь, открыто провозгласили целью своей политики захват территорий соседних государств и порабощение других народов, выступили под лозунгами ревизии Трианонского мирного договора и восстановления “Великой Венгрии”, или “империи св. Иштвана”. Они видели в фашистских правителях Италии и Германии союзников и идеологических единомышленников и шли на поводу у них, жертвуя национальными интересами страны. Поставив венгерскую экономику на службу захватническим устремлениям фашистских государств, эти круги в союзе с Италией, а затем Германией и Японией объективно способствовали подготовке и началу новой мировой войны.

Стремясь скрыть истинные цели своей реакционной внутренней и явно агрессивной внешней политики, хортисты в течение 25-летнего господства вели активную шовинистическую пропаганду против окружавших Венгрию стран, где проживали венгерские национальные меньшинства.

Долгое время Венгрия находилась в политической и экономической изоляции. Наконец 5 апреля 1927 г. в Риме был подписан венгеро-итальянский Договор о дружбе, консультации и арбитраже — соглашение двух “родственных” режимов, отражавшее намерения и цели как итальянского главы прави-

тельства Бенито Муссолини, так и венгерского премьера Иштвана Бетлена. В результате в конце 20-х — начале 30-х годов во внешней политике хортистской Венгрии преобладающую роль играла проитальянская ориентация. Разразившийся в 1929-1933 гг. мировой экономический кризис обострил борьбу великих держав за гегемонию в Центральной и Юго-Восточной Европе и новые рынки сбыта. Возникали различные планы и комбинации союзов на Балканах и в Центральной Европе. Италия намеревалась усилить собственное влияние в этом регионе, в частности в Венгрии. Франция со своей стороны также хотела укрепить позиции в странах Малой Антанты, а также Австрии и Венгрии. С этой целью в начале 30-х годов французский премьер-министр Андрю Тардье разработал специальный план, который был отвергнут не только Италией и Германией, но и Венгрией. Принятие этого плана привело бы к отказу последней от реваншистских притязаний.

Приход к власти гитлеровцев обострил борьбу за гегемонию в дунайском бассейне между Италией и Германией. Правители обеих стран рассчитывали на поддержку Венгрии, прежде всего, в противоборстве, развернувшемся вокруг Австрии. Б. Муссолини первоначально хотел сдерживать проникновение Германии в юго-восточную Европу путем сохранения самостоятельности Австрии, Гитлер же, наоборот, предполагал, осуществив аншлюс этой страны, двигаться по избранному пути.

Венгерские правители очутились в сложной ситуации, особенно в период пребывания на посту главы правительства Дюлы Гёмбёша. Итальянские фашисты, добиваясь реализации своих планов, стремились оформить союз Италии, Венгрии и Австрии. Их усилия завершились подписанием так называемых Римских протоколов в марте 1934 г. Д. Гёмбёш, как и прежние премьеры, не упускал из виду основную цель внешней политики хортистской Венгрии, поэтому приход к власти Гитлера был расценен им весьма положительно. Он первым из глав правительств Европы нанес визит Гитлеру в июне 1933 г. Руководители двух стран с полуслова поняли друг друга и договорились о взаимодействии, тогда же Гитлер пообещал

Гембёшу поддержать венгерские территориальные требования к Чехословакии. Премьер-министр, нуждавшийся в благосклонности как со стороны фашистской Италии, так и со стороны нацистской Германии, пытался посредничать между Римом и Берлином, однако безуспешно. Муссолини, добиваясь от Гитлера уступок, пошел на сближение с Францией и Англией. Этот шаг противоречил агрессивным замыслам итальянских фашистов и вскоре, как только Италия напала на Эфиопию, наступил конец периода так называемой профранцузской и проанглийской ориентации дуче.

Подобный поворот событий больше всего устраивал хортистов. В конечном итоге он привел к созданию оси "Рим—Берлин" и присоединению Венгрии к этому агрессивному союзу.

Анализу этого пути хортистов и посвящена данная работа, написанная на основе архивных источников различных хранилищ Венгрии, прежде всего, министерства иностранных дел и венгерских миссий за рубежом, архивов Польши, Германии, Австрии, Советского Союза.

¹ Horthy Miklós titkos iratai. Bp. 1963. 121-127. old.

Глава первая. Активизация внешнеполитической деятельности правительства Бетлена

Договор о дружбе, арбитраже и консультациях, подписанный главой венгерского правительства с Муссолини весной 1927 г., положил начало так называемой активной фазе внешнеполитической деятельности Иштвана Бетлена.

К этому времени, с начала апреля 1927 г., Советом послов постоянный контроль Военной комиссии Лиги наций был заменен системой выборочных проверок в Венгрии. Они могли проводиться по решению Совета Лиги наций комиссией, создаваемой для каждого отдельного случая. Тем самым хортисты получали возможность обойти предписания Трианонского мирного договора в области вооружения, без чего правители Венгрии не мыслили достигнуть пересмотра границ. Пока же хортисты собирали силы и для обмана общественного мнения распределяли между собой роли. Так, общественная организация Лига защиты территории (позднее Ревизионистская лига) вела шумную кампанию за пересмотр Трианонского договора под лозунгами: "Нет, нет, никогда!", "Все обратно!", "Урезанная Венгрия — не страна, Великая Венгрия — небесный рай!", и постоянно разрабатывала планы отвоеванных тех или иных территорий, потерянных в годы войны.

После ряда совещаний, в том числе у регента М. Хорти, правители Венгрии пришли к заключению, что насильственным путем собственными силами или при поддержке одной лишь Италии они не смогут достигнуть поставленной цели. Учитывая это обстоятельство, они продолжали делать заявления о том, что стоят на позиции ревизии договора мирным путем. Венгерское правительство при каждом удобном случае афишировало эту временную и вынужденную позицию, выдавая ее за основное и даже единственное направление во внешней политике. Стремясь придать ей более достоверный вид,

оно присоединилось в 1929 г. к пакту Бриана—Келлога¹, названного именами французского министра иностранных дел и государственного секретаря США.

В условиях резкого обострения противоречий между ведущими капиталистическими странами Франция хотела упрочить свое внешнеполитическое положение и сеть союзов в Европе, направленных на сохранение статус-кво. С этой целью французское правительство предложило в июне 1927 г. правительству США заключить договор “о вечной дружбе” и об отказе от войны в качестве средства национальной политики. Однако США, не желая содействовать росту французского влияния в Европе, в ответ выдвинули проект многостороннего пакта об отказе от войны как средства урегулирования международных конфликтов. 13 апреля 1928 г. государственный секретарь США Френк Биллингс Келлог направил этот проект правительствам Англии, Франции, Германии, Италии и Японии, а уже через несколько месяцев, 27 августа, пакт был подписан 15 государствами. Всего к нему присоединились 59 из 63 независимых стран, существовавших в то время. Поскольку этот пакт первоначально имел антисоветскую направленность, правительству СССР пришлось приложить немало усилий, чтобы изменить такое положение². В результате Советский Союз также был приглашен принять участие в пакте, он не только подписал этот документ, но и предложил досрочно ввести его в действие, так как ратификация его затягивалась. 9 февраля 1929 г. в Москве по инициативе СССР представители ряда соседних государств подписали протокол о досрочном введении в действие пакта Бриана—Келлога³. Венгрия присоединилась к этому пакту 14 февраля 1929 г.⁴.

Если проанализировать документы МИД Венгрии, в которых были зафиксированы действительные намерения и действия хортистов, то можно вполне определенно констатировать: присоединение к пакту Бриана—Келлога — это тактический маневр, временное отступление с целью собрать силы для осуществления главной цели их внешней политики восстановления “империи св. Иштвана”.

Позднее, накануне краха хортистского режима, в МИД Венгрии был составлен документ, отпечатанный всего в шести экземплярах, один из которых был направлен венгерскому посланнику в Берне Яношу Веттштейну. Тот зарегистрировал его как совершенно секретный, в описи он назван так: “Объяснение внешней политики, проводившейся Венгрией с 1919 г.” В марте 1943 г. посланник получил от заместителя министра иностранных дел Андора Сент-Миклоши сопроводительное письмо, в котором указывалось, что в беседах с “нейтралами” внешнюю политику Венгрии следует интерпретировать по приложенной схеме, т. е. по составленной в МИД инструкции, преследуя цель спасти хортизм в послевоенный период. В “Объяснении” говорилось, что расчленение монархии (имелась в виду Австро-Венгрия) уничтожило Центральную Европу и открыло путь “влиянию самого могущественного соседа Германии”. Далее в документе отмечалось, что “Малая Антанта, как эрзац-монархии, не могла оправдать себя”, поскольку желала защищать “европейский порядок” не против Германии, а, “прикрываясь европейским порядком”, хотела держать Венгрию в состоянии 1919 г. “Решающим примером отсутствия чутья к европейским интересам являлся ее лозунг: лучше аншлюс, чем реставрация, хотя реставрация могла быть мостом к средневропейскому сотрудничеству, залогом консолидации Центральной Европы”.

Версальская система, подчеркивалось в документе, применяла по отношению к Венгрии репрессии, поэтому “после Версаля и детронизации остался открытым единственный путь — путь ревизии”, который “стал национальной программой вследствие несправедливых решений” великих держав-победительниц. Попытки этих стран, направленные на изменение сложившегося положения, даже заем Лиги наций, “ставились в зависимость от подтверждения признания Трианонского мира”⁵. Так обосновывали хортистские дипломаты внешнеполитический курс Венгрии в 20—30-е годы, они надеялись с помощью западных стран оправдать его и сохранить власть и в послевоенный период. Из позиции хортистов вытекало, что в основе внешней политики Венгрии после подписания Дого-

вора о дружбе и арбитраже оставалась проитальянская ориентация.

Дипломатические материалы и практическая деятельность МИД Венгрии свидетельствуют о том, что итальянские фашисты не имели возможности, да и не очень-то хотели оказать существенную помощь Венгрии. Тем не менее, хортисты и позже не предпринимали важных внешнеполитических шагов, даже в отношении гитлеровской Германии, предварительно не проконсультировавшись с Римом⁶. Впрочем, на практике договор с Италией повлек за собой конкретные действия в военной области, имевшие целью вооружить венгерскую армию и подготовить ее к возможным военным акциям.

Надежда хортистов, как можно быстрее вооружиться, подогревалась политическими событиями, происходившими в Англии. Там, как и в ряде других стран Европы, активизировались консервативные силы. Политика правительства Стенли Болдуина привела к разрыву дипломатических отношений с Советским Союзом. Министр иностранных дел Великобритании Остин Чемберлен предпринимал попытки организовать антисоветский блок. Однако замыслы эти были сорваны, а вместе с ними и надежда хортистов под звуки антисоветской шумихи незаметно ввести в страну оружие, что запрещалось статьями Трианонского мирного договора. Вслед за подписанием итало-венгерского договора о дружбе и арбитраже власти Венгрии пытались наладить с Италией сотрудничество в военной области, прежде всего, в ускорении вооружения венгерской армии, чтобы сделать ее боеспособным союзником в случае войны (конкретно против Югославии). 12 декабря 1927 г. на встрече И. Бетлена с Дино Гранди, государственным секретарем Италии, венгерский премьер просил успокоить дуче: Венгрия действительно ведет с Югославией переговоры "по 16—17 вопросам", но среди них нет ни одного политического; она не подпишет с ней даже арбитражного соглашения, о чем в свое время упоминал Бетлен в беседе с Муссолини как о возможном шаге. Д. Гранди, в свою очередь, по поручению Муссолини заявил, что подписанный с Венгрией в Риме весной 1927 г. договор о дружбе Италия готова "в

любое время и в любой форме преобразовать в далеко идущий политический договор или дополнить его". Причем, согласно записи И. Бетлена, вопрос о том, когда и в какой форме она это сделает, дуче ставил в полную зависимость от решения венгерского премьера. Одновременно Муссолини довел до сведения главы правительства Венгрии, что Италия сознательно порвала с политикой ориентации на Малую Антанту, поэтому она рассчитывает на то, что и Венгрия воздержится от заключения политического соглашения с Югославией⁷.

Эта встреча свидетельствовала о том, что дальнейшее сближение обоих государств требует новых переговоров. Но прежде произошло событие, вызвавшее международный скандал: стало известно о тайных поставках Италией оружия Венгрии.

Скандал в Сентготхарде

До 1 апреля 1927 г. на основе предписаний Трианонского мирного договора в Венгрии действовала военная контрольная миссия Лиги наций. Упразднение постоянного военного контроля, однако, не означало, что страна получила право на неограниченное вооружение; запреты мирного договора оставались в силе. Вопрос о тайном вооружении Венгрии в обход статей Трианонского мирного договора в принципе был согласован между Б. Муссолини и И. Бетленом 6 апреля 1927 г.⁸, но практическое выполнение его несколько затянулось.

1 января 1928 г. в Сентготхарде австрийские таможенники (по договоренности австрийской и венгерской сторон таможенный досмотр проводился уже на венгерской стороне) обнаружили в поезде, следующем транзитом через Австрию в Венгрию, пять вагонов (591 ящик) автоматического оружия, в том числе пулеметов в разобранном виде⁹. По документам они числились как запасные части к сельскохозяйственным машинам; отправлены были вагоны частным предприятием из Вероны (Италия) в Польшу (Львов или Краков) через Нове-Место — пограничную станцию в Чехословакии. Как выяснилось, ни

обозначенного в документах отправителя, ни получателя в природе не существовало.

Замысел заключался в том, что по прибытии в Венгрию вагоны следовало разгрузить. Однако тайное стало явным, и австрийские таможенники потребовали вернуть вагоны на территорию Австрии. Ссылаясь на отсутствие указаний вышестоящих органов, начальник станции Сентготхарда отказал им. Вагоны перегнали на запасную станцию Ратот и по некоторым данным содержимое в них было заменено. Разразился международный скандал.

О происшедшем почти одновременно сообщили телеграфные агентства Австрии и Венгрии. Но, поскольку они передали противоречивые сведения, в частности об адресате (в австрийском варианте — Нове-Место, а в венгерском — Варшава), МИД Венгрии 3 января направил своим посланникам в Берлине, Париже, Лондоне, Риме, Женеве, Варшаве, Белграде, Праге, Бухаресте и Вене шифрованные телеграммы, в которых неуклюже пытался разъяснить эти расхождения и информировал их о предстоящих действиях венгерского правительства: если в течение определенного времени владелец груза не объявится, то задержанные вагоны вскроют, содержимое их конфискуют и затем распродадут на аукционе¹⁰.

Венгерский посланник в Лондоне Иван Рубидо-Зичи в ответ сообщал, что изложенную им версию здесь “воспринимают с насмешкой”¹¹, но МИД советовал ему неизменно придерживаться прежней позиции¹². В то же время в английском Форин оффисе венгерскому дипломату дали понять, что во избежание осложнений груз следует вернуть отправителю. Венгерское правительство, пытаясь уклониться от контроля со стороны Лиги наций, воспользовалось этим советом и обратилось по дипломатическим каналам (венгерский посланник Лайош Амбрози по этому поводу был принят канцлером Австрии Игнацем Зайпелом) с просьбой пропустить упоминавшиеся пять вагонов через Австрию в Италию. Однако австрийская сторона, располагая сведениями своей разведки о том, что содержание вагонов заменили, а первоначальный груз отправили на хутор Лугош, отказала в просьбе¹³. Поступить так

у австрийских правящих кругов было достаточно причин как внутреннего, так и внешнеполитического характера. Они не хотели из-за этого инцидента портить отношений ни с Францией, ни со странами Малой Антанты. 22 января венгерский министр иностранных дел Лайош Валко информировал итальянское правительство через посланника в Риме А. Хори об отказе Австрии, одновременно он высказал предположение, что в создавшейся обстановке вряд ли удастся избежать проверки на месте со стороны Лиги наций. Министр конфиденциально сообщил, что английский премьер О. Чемберлен обратился к французскому политическому деятелю Аристиду Бриану, чтобы тот оказал влияние на Малую Антанту, однако Бриан отклонил его предложение¹⁴. Это еще больше обеспокоило И. Бетлена, предполагавшего, что проблема будет вынесена на заседание Совета Лиги наций в марте.

Между тем венгерский военный атташе сообщал из Рима, что и возвращать вагоны по железной дороге через Австрию нет смысла, поскольку нет гарантии, что они не будут вскрыты австрийскими властями или контролерами Лиги наций, которые еще не выехали из Австрии, хотя контроль и отменен. А раз содержимое нельзя переправить через эту страну, то «нет иного выхода, кроме уничтожения материала». Атташе отмечал, что в Италии против возврата отправленного еще и потому, что анонимный отправитель не обнаружен, а «вовлекать в это дело правительство не хотят»¹⁵.

1 февраля 1928 г. правительства государств Малой Антанты передали общую ноту в Лигу наций по делу контрабандного ввоза оружия в Венгрию и потребовали местного расследования. В этой ситуации отпал и вариант итало-венгерского обращения к Австрии, осталась последняя возможность: привести в негодность то, что к тому времени находилось в вагонах, чтобы контролеры Лиги наций могли осмотреть только металлолом.

22 февраля было опубликовано официальное коммюнике Венгрии о том, что детали оружия из сентготхардских вагонов превращены в непригодность и будут распроданы с молотка¹⁶. Это вызвало недовольство в странах Малой Антанты, и по их

просьбе руководство Лиги наций сделало предупреждение: отложить аукцион, поскольку Совет Лиги в ближайшее время намерен рассмотреть сентготхардский инцидент. Венгерский премьер И. Бетлен, стремясь хоть как-то успокоить общественное мнение, ответил: предотвратить аукцион уже нет возможности, но он попросит покупателей не увозить приобретенные ими детали¹⁷.

Венгерское правительство больше всего боялось проверки на месте, хотя и знало, что комиссия не сможет установить ни отправителя, ни адресата, но допущено было столько неосмотрительных шагов, что ни у кого не возникало сомнений: началось вооружение Венгрии в обход предписаний Трианонского мирного договора. И. Бетлен боялся, что может быть восстановлен снятый в апреле 1927 г. контроль Лиги наций. Зондируя этот вопрос окольными путями через представителей Италии, Германии и некоторых других стран, венгерские руководители выяснили, что Франция, заинтересованная в упрочении контроля над побежденными странами через проверочные комиссии Лиги наций, тем не менее, не хотела бы в данном случае доводить дело в Сентготхарде до международного скандала, учитывая, что он может повредить Италии, сближение с которой намечалось в ближайшем будущем. Правящие круги Великобритании симпатизировали Венгрии, но дальше советов, как себя вести, да и то в завуалированной форме, не шли. Югославия и Румыния, начав переговоры с Италией, не хотели ставить их под угрозу из-за возможного наказания Венгрии.

В конце февраля венгерской дипломатии стало ясно, что в начале марта вопрос все-таки будет поставлен в повестку дня Совета Лиги наций. Являлось очевидным и то, что в Совете (в то время в нем было 14 членов) Италия будет всячески поддерживать Венгрию, хотя открыто она предпочитала “не вмешиваться”¹⁸. Венгерское правительство рассчитывало на поддержку другого члена Совета — Германии, надеясь, что она не допустит прецедента, который может быть впоследствии использован и против нее. Действительно, так оно и произошло, однако в тот период Германия добивалась вывода

французских войск из Рейнской области, поэтому, сочувствуя Венгрии, она открыто возражать против направления комиссии Лиги наций в Сентготхард не решалась¹⁹.

Выступая 4 марта на собрании в Дебрецене, И. Бетлен вольно оперировал фактами, намечая линию поведения венгерского правительства, заявил, что достижение соглашения с соседними странами будет зависеть от решения в Женеве сентготхардского дела, а поскольку венгерская сторона не скрывает, что в вагонах находились детали автоматического оружия, то нет необходимости высылать туда комиссию и оснований обвинять Венгрию в том, будто она уничтожила содержимое вагонов с целью замести следы. Бетлен жаловался на мировую печать, шумевшую, по его словам, по поводу того, что Венгрия якобы вооружается, и сравнил ее с сельским петухом, который своим криком нарушил ночную тишину.

7 марта в Женеве началось обсуждение сентготхардского инцидента. Венгерскую делегацию на заседании Совета Лиги наций возглавил Л. Валко. И. Бетлен сперва планировал приехать в Женеву, но затем отказался от поездки, не было на заседании и министров иностранных дел Чехословакии и Югославии. А румынский коллега Н. Титулеску (Румыния была членом Совета) выступил сдержанно. Он заявил, что не Малой Антанте, а Лиге наций предстоит решать поставленный вопрос, хотя в странах Малой Антанты, по его словам, "не питают ни малейшего чувства неприязни" в отношении Венгрии²⁰. Между ним и венгерским представителем развернулась острая дискуссия. По предложению О. Чемберлена для изучения вопроса была создана "комиссия трех" из представителей Голландии, Чили и Финляндии.

Она не выезжала на место, а изучала документы, в том числе и представленную Венгрией "Синюю книгу", а в Сентготхард была послана комиссия экспертов, которая в течение трех дней знакомясь на месте с содержимым пяти вагонов, нашла в документации неточности, в частности в инвентаризации числилось 282 пулеметных ствола, а комиссия обнаружила 374²¹.

Возвратившийся из Женева Л. Валко 19 марта в комиссии верхней палаты парламента разъяснил позицию по данному вопросу представителей отдельных стран, в том числе Англии, Франции, Италии, Германии, Чехословакии, Югославии, Румынии. Он подчеркнул, что представители других стран вели себя нейтрально, стремясь не вмешиваться в сентготхардское дело, причем это касалось не только нейтральных в годы войны государств, но и Польши, например²².

Доклад Л. Валко был составлен так, чтобы засвидетельствовать успех внешней политики Венгрии. И хотя оппозиция не часто выступала против внешнеполитической линии правительства Бетлена, на этот раз лидер Национальной либеральной партии, редактор газеты "Эшти курир" Карой Рашпай, выступая в палате представителей парламента, задал вопрос: каковы же эти внешнеполитические успехи, о которых постоянно говорят? По его мнению, вражеское кольцо Малой Антанты, как и прежде, окружает страну, "Германия проявляет безразличие к нам. Франция совсем холодна. Англия руководствуется только своими интересами. Единственный результат это дружба с Италией, которая блистает... но представляет собой опасность"²³. Карой Рашпай высказался за сближение с Францией, ибо "путь ревизии идет через Париж".

В начале мая "Комиссии трех" завершила подготовку доклада, в котором отмечалось, что произошла попытка тайной перевозки оружия, но содержимое не имело большого военного значения и отсутствовали необходимые составные части автоматического оружия. Комиссия подчеркивала, что венгерское правительство не придало значение выявлению адреса военного груза и удовлетворилось его уничтожением²⁴.

5 июня доклад комиссии обсуждался на закрытом заседании Совета Лиги наций, а через несколько дней уже на открытом заседании было принято решение: Совет принимает к сведению содержание доклада и одновременно выражает сожаление, что пункт назначения задержанного в Сентготхарде груза не удалось установить и что "венгерское королевское правительство рассматривало это дело лишь с точки зрения таможенной и железнодорожной". Министр иностранных дел

Л. Валко на заседании комиссии по иностранным делам палаты представителей парламента с удовлетворением доложил, что в постановлении Совета Лиги наций в адрес Венгрии иной критики не содержится. Так завершилась эта авантюра правительства Бетлена. И как бы успокоительно ни звучало принятое решение, оно все же означало потерю престижа как Венгрии, так и Италии и не потому, что осуществляли контрабандную перевозку оружия, а потому, что правительство Бетлена, по мнению венгерского исследователя Элека Каршан, “оказалось даже неспособным достойно скрыть его следы”²⁵.

Как показали последующие события, акция тайного переевоза оружия из Италии в Венгрию еще более сплотила страны Малой Антанты против Венгрии. Эти события заставили итальянских и венгерских правителей искать другие пути вооружения Венгрии. В феврале—марте 1928 г. удалось достигнуть договоренности о месте и дате тайной встречи на высшем уровне Бетлена и Муссолини. Ее планировалось провести 2 апреля в Милане.

Встреча Бетлена и Муссолини в Милане

Венгерский посланник в Риме Андраш Хори был обеспокоен кругом вопросов, которые предполагалось обсудить и которые итальянская сторона хранила в секрете. В донесении заместителю министра иностранных дел Шандору Куен-Хедервари он высказал убеждение в том, что после случая в Сент-готхарде Италия не сможет вооружать Венгрию до тех пор, пока не будет установлена общая граница между двумя странами. Венгерская сторона в конце марта внесла свои предложения и высказала просьбу обучить в Италии венгерский военный персонал по тем видам оружия, которые Венгрии было запрещено иметь по Трианонскому договору, главным образом летчиков. Эту просьбу итальянская дипломатия отклонила, хотя военные пообещали найти приемлемый для всех выход²⁶. Вместе с тем итальянцы согласились, несмотря на запрет, поставить Венгрии истребители, поскольку их можно переправить по воздуху и нельзя остановить на какой-либо

станции. 30 марта 1928 г. венгерский консул в Милане получил от министра иностранных дел Л. Валко шифrogramму, в которой сообщалось о прибытии 1 апреля И. Бетлена скорым поездом в Милан и необходимости встретить его на вокзале. При этом подчеркивалась важность строгого сохранения инкогнито премьер-министра даже перед сотрудниками консульства. В связи с этим не рекомендовалось проводить каких-либо приготовлений, например, съем квартиры; следовало категорически отрицать прибытие в Италию венгерского премьера²⁷.

И. Бетлен прибыл в Милан в назначенный срок и дважды 2 и 6 апреля встречался с Б. Муссолини. Согласно сохранившейся записи этих бесед, венгерский премьер-министр начал речь с того, что цель своей поездки обозначил в двух пунктах: 1) обсудить новое военное положение, создавшееся после инцидента в Сентготхарде; 2) вернуться к посланию Д. Гранди. Смысл его состоял в том, что итальянское правительство готово преобразовать заключенный в 1927 г. договор о дружбе в далеко идущее соглашение и что способ и время его осуществления будут поставлены в зависимость от решения венгерской стороны, а точнее, лично И. Бетлена.

Смысл изложенной позиции венгерского премьера заключался в следующем: необходим союзнический или гарантийный договор по отдельному вопросу или по комплексу проблем. Такое соглашение можно заключить уже сейчас, но обязательства, которые Венгрия возьмет на себя, вступят в силу, если: 1) будет создано иное политическое положение, чем сегодня, когда Малая Антанга едина против Венгрии и последняя в случае самого незначительного инцидента может очутиться сразу против трех врагов и оказаться небоеспособной, 2) будет завершено довооружение Венгрии, поскольку в настоящее время она небоеспособна, 3) подписанный договор будет оставаться в тайне до тех пор, пока не окажутся реализованными два предыдущих условия, ибо обнародование такого договора способно осложнить политическое положение Венгрии, да и Италии причинило бы только неприятности. Впрочем, обязательство сохранения тайны не распространя-

лось на Англию, которой, по мнению Бетлена, следовало заранее сообщить в общих чертах об этом плане, учитывая тот факт, что Венгрия находилась в финансовой зависимости от нее и нуждалась в ее благосклонности. Венгрия открыто не могла проводить политику, которую в принципе Англия не одобрила бы*. И. Бетлен проявил осторожность в вопросе принятия предложений Италии, он хотел сначала обсудить общее положение и договориться о совместных целях, о политических средствах и путях их реализации и уже потом обсуждать вопрос о военном сотрудничестве.

Венгерский премьер предложил проводить совместную внешнеполитическую деятельность в отношении Австрии и Румынии. Венгрии и Италии необходимо согласовывать свои усилия, направленные против существовавшего в Австрии правительства Игнаца Зайпела, одного из руководителей Христианско-социалистической партии, профессора факультета теологии Венского университета. И. Бетлен опасался того, что правительство Зайпела будет проводить неудобную для Венгрии дружественную политику с Чехословакией и Малой Антантой вообще. По мнению премьера, австрийский канцлер Зайпел настроен против аншлюса и желал бы создать если не Дунайскую федерацию, то, по меньшей мере, какой-нибудь экономический блок, в который Венгрии можно было бы заставить войти только силой. Подобная политика делала Зайпела чехофилом. Поэтому Бетлен предлагал помочь прийти к власти в Австрии правым с помощью хаймвера, т. е. путем военного путча. Новое правое правительство, по его мнению, опиралось бы на Италию и Венгрию. Италия в этом случае получала преимущество, ибо правый кабинет, во-первых,

* К этому времени наблюдалось охлаждение в венгерско-английских отношениях, вызванное шумной кампанией, направленной на пересмотр установленных Трианонским мирным договором границ. Поводом для начала этой кампании послужили венгерско-итальянский договор от 1927 г., пропаганда лорда Герольда Сиднея Ротермира в Англии, о чем будет сказано ниже, а также скандал в Сентготхарде.

меньше муссировал бы тирольский вопрос, а во-вторых, проводя иную внутреннюю политику, отказался бы и от аншлюса, учитывая, что после выборов в Германии может прийти к власти более левое правительство. Венгрия также получала преимущество: через австрийскую территорию могли бы осуществляться взаимные поставки и ввоз в страну оружия.

И. Бетлен сообщил Б. Муссолини, что он имеет прямую связь с хаймвером, укрепление которого продолжается. Однако для завершения подготовки выступления против правительства ему нужны еще 300 тыс. шиллингов и дополнительное оружие, которые могла бы предоставить Италия при посредничестве Бетлена.

Второй территорией, где по замыслу венгерского премьер-министра Италии и Венгрии следовало достичь политических перемен, являлась Румыния. Венгрия готова была в отношении этой страны проводить более дружественную политику и после сближения с ней даже заключить далеко идущее соглашение о нейтралитете в случае, если бы Советская Россия напала на Румынию. Однако все это обставлялось следующими условиями: 1) Румыния меняет свое отношение к венгерскому меньшинству и удовлетворяет все требования трансильванских венгров; 2) Венгрия и Румыния улаживают нерешенные вопросы, в том числе вопрос о возмещении убытков оптантам, т. е. за конфискованные земли в Трансильвании; 3) Румыния берет на себя обязательство нейтралитета в случае конфликта Венгрии с другим соседом (имелись в виду Чехословакия и Югославия).

По мнению И. Бетлена, Польша также заинтересована в достижении соглашения между Венгрией и Румынией, чтобы Румыния в случае нападения Советского Союза не подвергалась опасности удара с тыла, т. е. с венгерской стороны. Поскольку Польша единственный верный союзник Румынии против Советской России, она, по словам венгерского премьера, может оказать давление на Румынию, пригрозив Румынии в противном случае искать соглашения с Россией. Пилсудский, будучи личным другом венгров, по убеждению Бетлена, "также не любит чехов, как и мы", и поэтому должен быть заинтере-

ресован в обеспечении Румынии свободы действий против России. Обеспечить ей эту свободу может Венгрия, а не Чехия и Югославия; гарантировать же нейтралитет Румынии и Венгрии способны Италия и Польша. В связи с этим Бетлен предлагал Муссолини переговорить с прибывавшим в Рим Августом Залеским, министром иностранных дел Польши, но вести беседу от своего имени, а не раскрывать позицию Венгрии. В случае если Польша оказала бы влияние на Румынию, Муссолини пообещал бы, в свою очередь, предпринять нажим в этом направлении на Венгрию.

И. Бетлен понимал, что основной целью итальянского руководства являлось образование на Балканах и в Центральной Европе блока государств под собственным контролем. Исходя из этого, венгерский премьер пытался склонить Б. Муссолини к поддержке его планов. Установление в Австрии правого режима и сближение Венгрии с Румынией благодаря заключению обоюдного нейтралитета создавали, по мнению Бетлена, в Центральной Европе совершенно иную ситуацию: Малая Антанта распадается (Румыния выходит из нее) и образуется новый блок под руководством Италии, состоящий из Австрии, Венгрии и Румынии. Это положение обеспечило бы Венгрии свободу действий в отношении южного и северного соседей.

Таким образом, И. Бетлен надеялся при помощи Муссолини использовать чехословацко-польские противоречия и при поддержке Пилсудского развалить Малую Антанту. Правда, на том этапе речь не шла о вовлечении Польши в задуманный блок, поскольку не были улажены германско-польские отношения. Территориальные претензии Германии к Польше ("Данцигский коридор", Силезия, окрестности Вроцлава и Познани) могли помешать сближению Италии и Венгрии с Германией.

Все эти планы могли быть осуществлены только в том случае, если бы руководители стран, о которых шла речь во время переговоров, были бы такими наивными, какими хотел их видеть венгерский премьер.

По мнению И. Бетлена, создание новой ситуации будет иметь значение лишь в том случае, если наряду с

дипломатическими шагами Италия поможет Венгрии в вопросе вооружения. Но, поскольку после провала операции в Сент-готхарде продолжать перевозку оружия наземным путем в ближайшее время не представлялось возможным, Бетлен предложил Муссолини: передаваемое его стране вооружение отремонтировать и держать на складе готовым к отправке до начала переворота в Австрии. А поскольку время этого переворота было трудно предвидеть, венгерский премьер просил у Муссолини заем на три года по 100 млн пенгё ежегодно для тайного вооружения, что позволило бы венгерской промышленности оснастить армию всем необходимым, кроме авиации. Бетлен просил Италию изготовить для Венгрии 400 самолетов, которые были бы готовы в нужный момент перелететь туда, а также обучить венгерский летный персонал и разрешить Венгрии уже сейчас купить несколько военных самолетов.

В военном отношении Венгрия была действительно слаба. По мирному договору она имела право содержать армию численностью в 35 тыс. человек, но стремилась в обход договора путем увеличения жандармерии, полиции, финансовой службы и т. п. довести ее хотя бы до 55 тыс. На военные расходы в 1927–1929 гг. тратилось 10 – 10,5% госбюджета, а со средствами, проведенными по другим министерствам, и все 15%²⁸. Но для авантюристских военных приготовлений этого было мало, поэтому Бетлен и просил у Муссолини заем.

Дуче считал необходимым разъяснить И. Бетлену: в декабре 1927 г., когда он передал послание через Гранди, предполагалось, что переброска оружия из Италии в Венгрию через Австрию будет осуществлена беспрепятственно и что Италия заключит с Венгрией тайное военное соглашение. Но теперь обстановка изменилась, и Венгрии не следует брать на себя непосильные и неосуществимые обязательства. Когда наступит благоприятное время, он внесет предложение, а пока важно периодически обсуждать политические вопросы. Сейчас, по словам Муссолини, для Венгрии должно быть ясно, что Италия сознательно отвернулась от Малой Антанты и намеренно желает действовать в Центральной Европе в гармонии с Венгрией.

Муссолини изложил Бетлену свой план создания Балканского блока и сказал, что с этой целью он вел переговоры с министрами иностранных дел Греции и Турции (Элефтерносом Венизелосом и Тевфиком Рюштю-беем), в результате которых был заключен пакт трех о нейтралитете, который предполагается дополнить соглашениями о ненападении и арбитраже. Италия хотела бы, по словам дуче, чтобы Греция и Турция заключили такой же договор между собой, в итоге чего в восточной части Средиземноморья образовалась бы группа государств под итальянским руководством. По планам Муссолини позднее к этой группе должны присоединиться сначала Болгария, с которой он уже договорился, а затем и Румыния. Таким образом, замысел Бетлена в отношении Румынии вполне вписывался в план Муссолини, над осуществлением которого тот работал. Греция и Румыния к этому времени уже заключили между собой договор.

И. Бетлен сообщил Муссолини, что турецкая сторона предложила ему заключить пакт об арбитраже и ненападении, но он пока уклоняется от ответа. Дуче рассеял сомнения собеседника, сказав, что после подписания договора Турции с Италией желательно заключить такой договор и Венгрии с Турцией. (Венгерский премьер вскоре встретился там же в Милане с Тевфиком Рюштю-беем и вел с ним переговоры по этому вопросу.) Муссолини разделял мнение Бетлена о том, что после Сентготхарда невозможно поставлять оружие в Венгрию по старому плану и необходимо подождать перемен в Австрии.

На следующей встрече 6 апреля дуче согласился дать правым австрийским организациям, прежде всего, их вооруженным формированиям — хаймверу, 1 млн лир (что было на 70 млн. шиллингов больше, чем просил Бетлен) и оружие, а когда те возьмут власть в Австрии, провести переговоры с новым правительством об улучшении положения немецкого национального меньшинства Южного Тироля. Муссолини дал положительный ответ на все конкретные вопросы, поднятые венгерской стороной, в том числе касавшиеся Румынии и воо-

ружения Венгрии (подготовка оружия для Венгрии и заказы на военную авиацию)²⁹.

Содержание записи этой беседы содержалось в строгой секретности. Министр иностранных дел ознакомил с ним полностью лишь венгерского посланника в Риме А. Хори, и тот получил право информировать о нем только посланника барона Андора Водианера. Посланники же Венгрии в Берлине, Анкаре, Белграде и Лондоне получили из МИД информацию о состоявшейся встрече в Милане и те части записи, которые касались их стран. О планах относительно Австрии и о вооружении Венгрии министерство не сообщало никому³⁰.

В МИД сохранилась записка, составленная в конце апреля руководителем политического отдела бароном Габором Апором, в которой карандашом помечено, что после встречи глав правительств в Милане обсужденный там план продвинулся вперед; оправдали себя итало-турецкий и итало-греческий договоры, и Венгрия заключила договор с Турцией. После обмена мнениями в Будапеште с Тевфиком Рюшту-беєм установилось, по словам Апора, очень хорошее и доверительное сотрудничество с Турцией, но беда заключается в греко-турецких отношениях, которые способствовали заключению договора между Грецией и Югославией, "причиняющих нам боль".

Как полагал руководитель политического отдела, первым шагом на пути к сближению с румынами являлась ликвидация вопроса об опгантах. Поляки несколько раз дружески советовали румынам установить хорошие отношения с венграми. Для того, чтобы в этом направлении имелись положительные результаты, необходимо постоянное влияние Италии в Румынии и Польше³¹.

История с обещанной Муссолини военной помощью в последующем развивалась таким образом. 8 июня 1928 г. итальянский посланник в Будапеште граф Эрколе Дурины ди Монза посетил И. Бетлена и сообщил "об определенных трудностях" с предоставлением займа Венгрии и о просьбе Муссолини набраться терпения, готовиться и не настраивать общественное мнение против себя, делая упор в основном на мир-

ную ревизию границ. Неделю спустя Муссолини принял А. Хори и заявил, что он призвал И. Бетлена к умеренности не потому, что “хотел потушить нужный вам огонь”, который необходимо поддерживать в руководителях, а потому, что народ не следует “волновать преждевременными надеждами”. В конце октября дуче сообщил Хори, что обещанный Венгрии займ можно предоставить открыто только в том случае, если он будет предоставлен не для военных, а для других целей³².

В мае 1929 г., в дни пребывания в Будапеште Д. Гранди, вопрос о военном займе вновь встал, однако на этот раз итальянская сторона отговорила, уже ссылаясь на финансовые трудности. В период третьей встречи Бетлена с Муссолини в Риме в апреле 1930 г. последний сказал об обещанном военном займе, что “он осуществим” и что Рим постарается, увеличив военный бюджет, включить в него и предназначенную Венгрии долю³³. Через три месяца Бетлен через венгерского посланника в Риме торопил с выполнением обещания. Муссолини откладывал решение этого вопроса до сентября. Когда в Италию прибыл министр финансов Венгрии Тибор Сцитовски, с займом опять ничего не вышло, хотя дуче и обещал дать хотя бы половину. 9 декабря 1930 г. Л. Валко ушел в отставку, и в марте следующего года в Рим отправился новый министр иностранных дел Дюла Каройи. Муссолини, ссылаясь на финансовые трудности, тем не менее, посулил оказать заем. Подготовленное к отправке в Венгрию оружие, по его мнению, посылать пока было рискованно.

Пропаганда ревизии границ и акция лорда Ротермира

После подписания договора о дружбе и арбитраже с Италией в 1927 г. усилилась отрывтая пропаганда пересмотра границ, установленных мирным договором в Трианонском дворце в Париже в 1920 г. Венгерское правительство сочло возможным выступить с требованием восстановления Венгрии в границах государства св. Иштвана, т. е. фактически добиваться возвращения потерянных в войну и отошедших к соседним

странам территорий, по величине в 2 раза превышавших саму Венгрию. Правда, возникала проблема, какие земли требовать: занимать ли позицию этнического принципа и добиваться возвращения лишь тех земель, на которых компактно в пограничных районах проживало около 3 млн венгров или требовать все. В первой половине 20-х годов правительство молчало с этим вопросом, однако с выходом Венгрии из внешнеполитической изоляции оно сочло возможным выдвинуть претензии к соседним странам, прежде всего, к Чехословакии, Югославии и Румынии, которые к концу 20-х годов фактически имели военный союз — Малую Антанту, выступавшую единым фронтом против венгерских притязаний. В конце 20-х — начале 30-х годов Венгрия в союзе с Италией вела военные приготовления для достижения своих целей, но, “чтобы не дразнить соседей”, выступала с идеей “мирного” осуществления намеченных устремлений.

В связи с этим общественные организации, специализировавшиеся на пропагандистской шумихе вокруг Трианонского договора, например, Ревизионистская лига, к 1927 г. начали было свертывать свою деятельность, как вдруг произошло событие, всколыхнувшее широкие слои венгерской общественности. 21 июля 1927 г. в английской газете “Дейли мейл” появилась статья “Место Венгрии под солнцем”. В ней владелец газеты лорд Гарольд Сидней Ротермир писал о необходимости пересмотра Трианонского мирного договора, подчеркивая, что безопасность Центральной Европы может быть обеспечена лишь путем изменения границ, установленных этим договором. Он высказался за присоединение к Венгрии части чехословацких, румынских и югославских территорий с населением около 2 млн человек.

Ротермир родился в семье шотландского учителя, в которой было 14 детей. Четверо из них впоследствии попали в палату лордов. Старший брат Гарольда Альфред Чарльз Уильямс, он же лорд Портклифф, стал основателем современной английской печати, начав издавать в 1896 г. бульварную газету “Дейли мейл”, которая через четыре года уже выходила миллионным тиражом, т. е. самым большим в мире. Позднее

он основал “Дейли миррор” и авторитетный еженедельник “Обсервер”, а с приобретением “Таймс” стал самым могущественным магнатом печати Великобритании. Его младший брат Герольд, обладавший даром предприимчивости, был у него менеджером. В 1919 г. он получил титул лорда. С 1922 г. после смерти Альфреда вся газетная империя перешла к брату, что явилось началом ее упадка. В 30-е годы лорд Ротермир поддерживал фашистское движение в Англии, встречался с Муссолини и Гитлером. Полностью скомпрометировав себя на родине, он в конце 30-х годов переселился в Канаду.

Непопулярный в Англии, Ротермир в 1927 г. прославился в Венгрии, когда включился в пропаганду ревизии Трианонского договора с расчетом, что он сам или его сын сможет занять “свободный” королевский трон в Венгрии. Безусловно, в начале кампании Ротермир свои карты не раскрывал, рассчитывая на то, что венгерские сторонники монархии сами предложат ему престол. Вопрос о том, кто окажется на троне, периодически возникал в правящих кругах. Лагерь легитимистов не был единым: группа магнатов, в частности Дюла Андраши, Дьердь Паллавичини, Иван Раковски, ждала, когда “законный” престолонаследник Отто Габсбург достигнет совершеннолетия. Но в нем не нуждались ни Хорти, ни Бетлен, другое дело эксгерцог Альбрехт, “домашний” Габсбург, который поддерживал хортистов. Бетлен считал его кандидатуру вполне приемлемой и даже зондировал у Муссолини возможность женить Альбрехта на дочери итальянского короля.

Борьба вокруг претендентов на венгерский престол (а имелось предостаточно — в том числе и Иосиф Габсбург) вынудила И. Бетлена заявить, что данный вопрос пока неактуален. Это было связано и с планами премьера на сближение Италии с Германией, что предполагало аншлюс Австрии. Опасность его осознавали как во Франции, так и в Англии. Правительство Венгрии вынуждено было учитывать подобные внешние факторы, а также решительные возражения со стороны Малой Антанты.

С появлением в “Дейли мейл” статьи Ротермира в редакцию газеты стало поступать из Венгрии множество телеграмм

с выражением благодарности. Свою признательность выразили не только И. Бетлен, крайне правый консерватор Алберт Аппони и многие другие, но и обе палаты парламента. По инициативе Ференца Херцега (писателя, журналиста, академика, члена верхней палаты парламента, который с 1919 г. принимал активное участие в движении за пересмотр границ Венгрии и с 1927 г. стал председателем Ревизионистской лиги) общественность развернула кампанию по сбору благодарственных подписей в адрес лорда. Более 1 млн переплетенных в 26 альбомов подписей были доставлены специальной делегацией на рабочий стол Ротермира³⁴.

Ездивший в составе венгерской делегации в Англию Эмил Надь (юрист, депутат парламента, публицист, сотрудничавший в газете “Будапешти хирлап”, бывший министр юстиции в 1923—1924 гг. в правительстве Бетлена) призвал интеллигенцию Венгрии (газета “Будапешти хирлап” от 22 июля 1927 г.) “не завтра, а сегодня” начать движение за ревизию границ, которые “назвать линией Ротермира”. 27 июля фабриканты, помещики и банкиры создали Венгерскую ревизионистскую лигу, общественную организацию, впоследствии сыгравшую большую роль в формировании общественного мнения в пользу пересмотра границ, установленных согласно Трианонскому договору. Под влиянием пропаганды Ротермира часть венгерского общества готова была довольствоваться исправлением границ по этническому принципу.

Ротермир развернул кампанию по пересмотру границ после того, как английское правительство Болдуина разорвало дипломатические отношения с Советским Союзом и консервативные круги призвали к новому “крестовому походу” против СССР. Печатный магнат готов был оказать поддержку своему правительству в усилении правых сил в Центральной Европе, однако оно не считало позицию и действия Ротермира обоснованными и посоветовало венгерским руководителям не слушать его обещаний. Точка зрения правительства Великобритании нашла отражение как в донесениях и полуофициальных письмах венгерского посланника в Лондоне, так и в записи бе-

седы И. Бетлена с британским министром иностранных дел О. Чемберленом.

29 июля 1927 г. министр иностранных дел Венгрии Лайош Валко направил посланнику в Лондоне Ивану Рубидо-Зичи шифрованную телеграмму. В ней говорилось о том, что высказывания лорда Ротермира больше, чем ожидалось, взбудоражили общественное мнение, которое переоценивает значение и силу Ротермира, питает чрезмерные надежды. Он просил содействовать тому, чтобы не все интервью, даваемые Ротермиром венгерской прессе, доходили до Будапешта³⁵.

2 августа в ответ на телеграмму И. Рубидо-Зичи сообщил Л. Валко, что в состоявшейся беседе с О. Чемберленом им было доведено до сведения английского правительства следующее: официальные венгерские круги далеки от акции лорда Ротермира. Он также предупредил своего министра, что недавно воссозданная на родине Ференцем Херцегом Лига может вызвать неблагоприятные отклики за рубежом³⁶.

Действительно, из Праги, Бухареста и Белграда дипломатические представители Великобритании сообщали в Лондон о беспокойстве, которое вызвала там опубликованная в "Дейли мейл" статья. Представители Чехословакии, Румынии и Югославии в Англии посетили Форин оффис, английские дипломаты отрицали свою связь с Ротермиром. Вскоре была опубликована статья в газете "Таймс". В английском МИД сохранилась составленная для внутреннего пользования записка, в которой отмечалось, что венгерский посланник в Лондоне И. Рубидо-Зичи решительно отрицал причастность венгерского правительства к развертыванию названной кампании. Он же отмечал, что находившийся в Лондоне бывший министр юстиции Эмил Надь действовал как частное лицо. В том же документе подчеркивалось, что венгерский посланник считает нужным время от времени напоминать общественности о несправедливости Трианонского мирного договора³⁷.

Записи, сделанные по этому поводу в МИД Великобритании в те дни, свидетельствуют о том, что они сомневались в искренности заявлений как венгерского посланника, так и правительства его страны. В начале августа 1927 г. заведую-

ший отделом Центральной Европы Александр Жорж Кадоган отметил, что статья и беспокойство вокруг нее “вводят венгров в опасное заблуждение и в то же время вызывают злобу в соседних странах”, и дал указание откровенно сообщить барону Зичи, что если он желает “ловить рыбу в мутной воде и с этой целью сам мутит воду, то он не может рассчитывать ни на помощь, ни на сочувствие со стороны британского правительства”. По мнению Кадогана, трудно представить себе более невыгодную политику, которую проводит Венгрия, явно противопоставляя себя всей Европе³⁸. Заявления венгерского правительства о своей непричастности к кампании Ротермира опровергало и донесение английского посланника в Будапеште Корвилла Баркляя. В беседе с ним Л. Валко отрицал причастность венгерского правительства к статье в “Дейли мейл”, но сделал замечание, которое разоблачило его. Венгерский министр не был против всей этой кампании, считая ее “хорошей и дешевой пропагандой”³⁹.

В Форин оффисе стало известно и то, что связи Ротермира с организациями, ратовавшими за ревизию границ, осуществлялись с использованием официального кодированного шифра⁴⁰, которым пользовалось венгерское министерство иностранных дел. Печать и документы того времени свидетельствовали, что ни правительство, ни лейбористская партия не поддерживали кампанию Ротермира, и лидер лейбористов Рамсей Макдональд заявил, что не поддержал бы ее в случае возвращения к власти⁴¹.

Австрийский посланник в Будапеште в своем донесении канцлеру И. Зайпелу писал: “Опубликованная в “Дейли мейл” статья лорда Ротермира оказала влияние на фантазию легко возбудимого местного общественного мнения с такой силой, как будто бы содержала официальное заявление о ревизии мирного договора в ближайшее время”⁴².

Вся венгерская печать, за исключением коммунистической (а та выходила в Вене и была внутри страны почти недоступна), умилялась поступком Ротермира и всячески поддерживала его кампанию. В записи беседы венгерского премьер-министра Иштвана Бетлена с министром иностранных дел

Англии Остином Чемберленом, состоявшейся в Женеве в конце декабря 1927 г., глава венгерского правительства утверждал, что не может оказать влияние на печать, ибо в ней ведется соревнование, кто более патриотичен, и если часть печати (как это делает оппозиционная, с удовольствием используя обстоятельства) превозносит акцию Ротермира, то газеты, близко стоящие к правительству, не могут молчать или выступать против этой акции⁴³.

И. Бетлен довел до сведения Чемберлена, что правительство не связано с акцией лорда Ротермира, не предпринимало и не собирается предпринимать никаких шагов для ее развития. Вместе с тем он подчеркнул “позитивные стороны этой акции”, которая еще больше раскрыла перед венгерской и мировой общественностью несправедливости Трианонского мирного договора. Правда, венгерский премьер признал, что она, с одной стороны, возбудила в стране чрезмерные надежды, которые правительство не может удовлетворить, а с другой стороны, вызвала беспокойство соседей, что, естественно, не способствует улаживанию их отношений с нами. “Несмотря на это, мы не можем дезавуировать эту акцию, — заключил Бетлен —, ибо венгерское общественное мнение желает и настаивает на ускорении мирной ревизии”, оно посчитало бы дезавуирование акции Ротермира как непатриотический поступок⁴⁴.

О. Чемберлен назвал лорда Ротермира авантюристом и выразил удовлетворение тем, что венгерское правительство держится в стороне от этой акции, которую он осудил, как вызвавшую беспокойство в Европе без шансов на позитивные результаты, и рекомендовал и впредь так поступать.

Указанная запись свидетельствовала о том, что в основе политики Иштвана Бетлена лежала нереальная задача ревизии границ, т. е. восстановления территориального единства “Великой Венгрии”, что в достижении этой цели он связал Венгрию с самыми радикальными правыми режимами в Европе — Италией и Германией.

Регент Хорти и премьер Бетлен, в руках которых была сосредоточена вся полнота власти, с самого начала со смешан-

ным чувством встретили затею Ротермира. С точки зрения внешнеполитической она вписывалась в их концепцию, и поэтому они приветствовали ее как любой шаг, связанный с ревизией Трианона. Но у них имелись опасения в отношении внутривнутриполитических событий. Хотя венгерские активисты в поддержку Ротермира — Эмил Надь, Виктор Ракоши и Ференц Херцег — и были близки к правительству, они, тем не менее, пытались осуществить внутри страны перераспределение власти в свою пользу: критиковали правительство Бетлена, его внутреннюю политику и устанавливали связи с оппозиционными буржуазно-либеральными кругами. Во внешней политике эти деятели настаивали на сближении с Англией, в то время как правительство Бетлена активизировало свою деятельность в другом направлении, стремясь взять под свой контроль движение в поддержку акции Ротермира.

Сам лорд Ротермир, которому было присвоено звание почетного профессора Сегедского университета, решил воспользоваться случаем и послал в Венгрию своего сына Эсмонда Сесила Хармсворта, прошедшего там “чудесную неделю”. Официальной целью поездки являлось получение диплома отца, а неофициальной — показать еще одного кандидата на венгерский престол. Его готовились встретить в Будапеште как принца, и это несмотря на предупреждение Рубидо-Зичи, что в Форин оффисе были бы довольны, если бы в Венгрии ему отказали в приеме. Британские дипломаты просили Валко, чтобы программа пребывания Хармсворта — депутата палаты представителей английского парламента — свидетельствовала о том, что организовали ее не официальные круги. 16 мая 1928 г. венгерский министр иностранных дел дал указание И. Рубидо-Зичи сообщить в Форин оффис, что Хармсворт гость не правительства, а столицы и общественных организаций, а отказать ему в последнюю минуту “по техническим причинам” не представлялось возможным⁴⁵.

В Будапеште Хармсворта встречали бывшие премьер-министры Пал Телеки и Карой Хусар, хранитель короны Жигмонд Перени, мэр Будапешта Енё Шипец. Перед гостиницей

“Геллерт”, где остановился молодой англичанин, на протяжении двух часов проходили с приветствиями представители общественных организаций. Затем последовали торжественные ужины, обеды и завтраки. В честь Э. Хармсворта обед дал в узком кругу регент Хорти, а ужин — премьер И. Бетлен с супругой. В венгерском казино его принимали 126 человек, в том числе герцоги, графы, бароны. Англичанину был оказан прием как главе государства; в 20-е годы в Венгрии никто не удостоивался такой чести.

Нет смысла описывать весь сценарий приема, достаточно привести выдержку из донесения И. Рубидо-Зичи о том, как его восприняли в Лондоне: “Очень сожалею, что, несмотря на мои private письма и телеграммы, в Пеште наделали столько шума с приемом молодого господина... здесь, в Англии, по крайней мере, на какое-то время, Венгрия выглядела смешной”. Это наблюдалось в печати, в обществе и, “к сожалению, в Форин оффисе, где с усмешкой и пожиманием плечами говорят о “короле Эсмонде””. Посланник оказывался в затруднительном положении. Он не мог объяснить позицию венгерского правительства в отношении чисто частной деятельности Ротермира. На свои попытки отстаивать инструкции правительства посланник получал стереотипные ответы в Форин оффисе: регент не может давать частные обеды, и политическое руководство столицы Венгрии не может рассматриваться в качестве частного лица⁴⁶.

Пребывание Хармсворта в Венгрии было использовано правыми силами для разгара националистических страстей и усиления реваншистских притязаний. Ряд группировок в правящих кругах страны соревновались между собой за возможность первыми политически вознаградить Ротермира за его акцию.

Собравшаяся 21 июня 1928 г. в Бухаресте конференция министров иностранных дел стран Малой Антанты заявила о своей готовности использовать все средства “против попытки, направленной на территориальное изменение статус-кво, установленного Трианонским мирным договором”⁴⁷.

Сторонники Ротермира в Венгрии — Эмил Надь, Енё Ракоши и др. — продолжали печатать статьи в его поддержку, посещали в Великобритании и за рубежом английского лорда, обсуждали с ним дальнейшие планы. Редактор газеты “Пешти хирлап” Енё Ракоши 5 августа 1928 г. писал о том, что Ротермир просил поддержать его и “объединять венгерское общественное мнение под флагом ревизии”. Ракоши выполнял не только эту просьбу, спустя месяц он стал поднимать и вопрос о короле⁴⁸. Редактор “Пешти хирлап” отказывался от своих прежних легитимистских взглядов, хвалил сторонников свободного выбора короля, в том числе Д. Гёмбёша, который в те дни с депутатами своей Партии защиты расы вернулся в правящую Партию единства. Енё Ракоши пытался заручиться поддержкой некоторых депутатов правящей партии, а также Муссолини, которого он вместе с Ротермиром посетил в Риме в октябре. По утверждению Ракоши, дуче считал, что осью венгерской политики должны стать ревизия и вопрос о короле, ведь это довольно странно — королевство без короля, тем более что проблема потерявшей престол династии давно решена⁴⁹. При этом Е. Ракоши приводил антигабсбургские высказывания английского лорда.

Премьер И. Бетлен также высказал свою точку зрения. 13 октября в Надьценке он заявил, что нация в будущем решит вопрос о короле, и вновь подтвердил, что ревизию Трианонского мирного договора официально ставить в повестку дня преждевременно⁵⁰. Подобными высказываниями были недовольны лидеры Христианской партии (Янош Зичи и др.), которые критиковали премьера за его позицию в вопросе о короле (свободные выборы короля, а не легитимизм) и за нежелание открыто ставить перед Лигой наций территориальные претензии к соседним странам. Одновременно они решительно выступили и против Енё Ракоши за его попытку удовлетворить “зарубежные мечты в отношении нашей короны”⁵¹. За границей появились разоблачительные статьи о стремлении Енё Ракоши и Эмила Нады посадить на венгерский престол сына Ротермира — Эсмонда Хармсворта⁵².

Борьба между сторонниками Габсбургов и приверженцами свободного выбора короля происходила во всех партиях, в том числе и в правящей. 14 ноября 1928 г. один из лидеров умеренной оппозиции в палате представителей Государственного собрания — Карой Рапшай подал интерпелляцию, в которой излагал события в стране и за рубежом. На основании его интерпелляции у общественности сложилось впечатление, что правительство или определенные круги стремятся уже в ближайшее время решить вопрос о короле, даже с помощью путча. И. Бетлен тут же отреагировал, дав заверение, что правительство не допустит осуществления подобных планов⁵³.

Тем временем Отто Габсбургу исполнилось 16 лет, и легитимисты по этому случаю устроили ряд пропагандистских собраний. 19 ноября Союзом венгерских женщин святой короны было проведено торжественное собрание, в президиуме которого находились Дюла Андрашши, Йожеф Хуняди, Янош Зичи и другие графы. Они демонстрировали верность “законному королю”. С основным докладом выступила Каройне Одесгалки. Она подчеркнула, что венгерская корона не может быть предметом торга по принципу “кто больше даст”. Кандидатуру Отто Габсбурга поддержали бывший министр иностранных дел Густав Грац и граф Алберт Аппони⁵⁴. Последний на торжественном ужине по поводу дня рождения Отто в гостинице “Геллерт” заявил, что детронизация в 1921 г. была осуществлена под давлением извне и незаконна, что венгерская корона принадлежит Отто Габсбургу и никому иному. Речь, безусловно, шла не только о Хармсворте, ведь в те дни открыто претендовал на корону и “домашний” молодой эрцгерцог Албрехт Габсбург (Отто жил в США), о котором поднимался вопрос в парламенте⁵⁵.

22 ноября, выступая перед членами Партии единства, И. Бетлен коснулся и заявления А. Аппони. Пытаясь успокоить своих приверженцев, премьер сказал, что вопрос о короле не столь значителен, чтобы из-за него так волноваться. Вместе с тем он подчеркнул, что, если кто-то попытается перевести его из области пропаганды в практическое русло, “это положит конец нашему терпению”⁵⁶.

Сторонники И. Бетлена, с одной стороны, открыто выступали против плана Эмила Надя посадить на венгерский престол Э. Хармсворта и, с другой стороны, дали понять лорду Ротермиру, что его надежды основать собственную династию в Будапеште нереальны, прося его при этом оставаться знаменосцем в борьбе венгров за ревизию Трианонского договора.

Через некоторое время лорд Ротермир подверг критике правительство И. Бетлена, предлагая осуществить демократизацию Венгрии и заручиться официальной поддержкой тех, кто победит на предстоящих выборах в Англии, т. е. лейбористов и либералов в лице Макдональда и Ллойд Джорджа, после поражения консерваторов. Для проведения в жизнь замыслов Ротермира в Венгрии была создана еще одна партия, на этот раз Дежё П. Абрахама — последнего премьер-министра сегедского «контрправительства» 1919 г. Она получила название Венгерская партия свободы и стояла на позиции избрания «национального короля», т. е. исключала из претендентов на престол Габсбургов⁵⁷. Эта партия, как и сторонники Эмила Надя и Енё Ракоши, заботилась о том, чтобы их либерализм не вызывал сомнения у общественности и не давал повода для обвинения их в консерватизме. Бетлен и его правительство стремились отмежеваться от их требований ревизии Трианонского мирного договора.

Лорд Ротермир продолжал выступать в печати против Габсбургов — своих потенциальных конкурентов. В феврале 1929 г., когда умер Енё Ракоши, он воспользовался случаем и вновь заявил о себе. Поскольку Ревизионистская лига под руководством Ференца Херцега и Жигмонда Перени не оправдала надежд Ротермира, он, ссылаясь на Е. Ракоши, выдвинул идею создания новой лиги. В результате в марте того же года Ф. Херцег, пытаясь отрицать свою связь с правительством И. Бетлена⁵⁸, заявил об отставке, которая, однако, не была принята. Замыслы Ротермира и на этот раз потерпели крушение. Позднее, когда он понял нереальность своих планов, его нападки против Габсбургов прекратились.

Кандидатура Хармсворта на венгерский престол со временем также отпала, хотя борьба вокруг пустующего престола продолжалась, что не могло не вызывать беспокойства правительства, особенно действия легитимистов. В октябре 1929 г. с поста военного министра был уволен генерал Карой Чаки, которого легитимисты считали своим человеком в правительстве. На его место М. Хорти назначил одного из самых видных сторонников свободного выбора короля, расиста Дюлу Гёмбёша.

Венгерско-итальянские отношения и Австрия

В Австрии в результате апрельских выборов 1927 г. к власти пришла коалиция трех буржуазных партий, среди которых ведущую роль играла Партия христианских социалистов. Ее представитель прелат Игнац Зайпел стал канцлером и возглавил правительство. Социал-демократическая партия Австрии (СДПА), руководимая в то время Фридрихом Адлером и Отто Бауэром (на правом крыле ее стоял Карл Зайц) находилась в оппозиции к правящему альянсу, имея в палате представителей парламента только на два мандата меньше, чем христианские социалисты. Она располагала Союзом республиканской защиты — хорошо вооруженными военизированными отрядами, насчитывавшими несколько десятков тысяч человек. Кроме того, позиции СДПА и профсоюзов сильны были в армии и полиции.

Правительство Зайпела решило ограничить влияние СДПА и начало нападки на ее вооруженные формирования — шутцбунд. Одновременно оно дало зеленый свет для создания и деятельности крайне правых политических сил. Летом 1927 г. самой значительной их организацией, функционировавшей в основном в альпийских провинциях, являлся хаймвер. В окрестностях Вены и в Бургенланде большим влиянием пользовался Союз фронтовиков (Фронткампфер ферайнигунг). Правительство деньгами и оружием поддерживало эти организации, но их лидерам этого казалось мало, и они попросили как политической, так и еще большей материальной поддержки у

своего правительства, а также у правительства Италии. Вместе с тем для реализации этих планов необходимо было преодоление итало-австрийских и венгеро-австрийских противоречий, возникших на националистической почве. Кроме того, хаймверу следовало отказаться от пропаганды возвращения Австрии Южного Тироля, большинство населения которого было австрийцами (согласно Сен-Жерменскому мирному договору, его присоединили к Италии). Вопрос о Южном Тироле стал камнем преткновения в австро-итальянских отношениях. От бургенландских фронткампферов (фронтовиков) Бетлен требовал признания ими претензий Венгрии на Бургенланд.

В страхе перед рабочим движением, особенно перед массовыми выступлениями в Австрии в июле 1927 г., правые не решались выдвигать националистические требования. Главной задачей их являлось разоружение шутцбунда, лишение Вены автономии и назначение правительственного комиссара. В середине июля об этих планах рассказал венгерскому дипломату, посланнику в Праге Силарду Маширевичу (он по заданию МИД ездил в Вену) Йоханнес Шобер, начальник австрийской полиции, политический деятель Партии христианских социалистов⁵⁹. Он был пессимистически настроен, опасался всеобщей забастовки, высказывался против излишнего оптимизма канцлера Зайпела.

15 июля в Вене собрался 100-тысячный митинг протеста у здания управления юстиции. Рабочие выражали недовольство решением суда, оправдавшего налетчиков на собрание социалистов в Шаттендорфе 30 января. Полиция не могла справиться с демонстрантами и вызвала войска, которые применили оружие, в результате чего оказались убитыми 100 рабочих⁶⁰. Боявшемуся гражданской войны, полной хозяйственной анархии и ввода в страну иностранных войск Отто Бауэру удалось удержать шутцбунд от ответных действий⁶¹. Австрийские рабочие потребовали отставки правительства и начальника полиции Шобера. В этой обстановке правящие круги Австрии проявили готовность оказать существенную материальную помощь хаймверу и Союзу фронтвиков.

Австрийские события вызвали в венгерском обществе неодинаковый резонанс — от сочувствия рабочих своим братьям по классу до готовности помещиков и капиталистов оказать помощь правым силам соседней страны.

Фашистские организации Австрии — хаймвер, Союз фронтовиков во главе с Рихардом Штайндле, Эрнстом Рюдигером-Штарембергом и др. — были благодарны Муссолини и Бетлену за обещание помощи. Венгерская печать открыто писала, что Италия показала пример, которому стоит следовать, а Вена высветила опасность выступления рабочих, “которую раз и навсегда нужно исключить”⁶².

5 августа 1927 г. командующий венгерской армией генерал Кочард Янки принял своего венского представителя, который передал ему просьбу хаймвера и Союза фронтовиков установить политическое сотрудничество с венгерским правительством⁶³. Для осуществления этого им требовалась поддержка в 300 тыс. шиллингов, по 50 тыс. ежемесячно, и создание в районе Шопрона склада оружия и боеприпасов, которым мог бы воспользоваться Союз фронтовиков (на родине эта организация не могла вооружаться из-за сильного противодействия социал-демократического шутцбунда)⁶⁴.

Представители хаймвера обратились за помощью и к итальянским правящим кругам. В сентябре 1927 г. статс-секретарь министерства иностранных дел Италии Дино Гранди на встрече с министром иностранных дел Венгрии Лайошем Валко в Женеве на очередном заседании Лиги наций предложил тесное сотрудничество двух стран по австрийскому вопросу, прежде всего обмениваться информацией. По словам Гранди, Италия чрезвычайно заинтересована в том, чтобы в Австрии пришли к власти силы, способные оттеснить социалистов. В этом отношении итальянский представитель считал очень важным кооперацию с Венгрией. Условились, как отметил Валко в своей записи о встрече, постоянно обмениваться сведениями о развитии событий в Австрии⁶⁵.

Выполняя эту договоренность, венгерский министр иностранных дел направил своему коллеге в Рим по дипломатическим каналам подробную информацию о хаймвере. Согласно

этой информации, в Штаере и Тироле вооруженные отряды хаймвера имели 20–25 тыс. человек, проводилось определенное сотрудничество с аналогичными формированиями в Баварии⁶⁶. Как свидетельствуют документы венгерского МИД, эта информация не была полной. Конкретные связи венгерского правительства с фашистскими военизированными организациями в Австрии скрывались даже от итальянского союзника.

На тайной встрече в Милане 2 апреля 1928 г. венгерский премьер-министр И. Бетлен предложил Б. Муссолини установить итальянскую гегемонию в Центральной Европе. Этого можно было добиться в случае достижения (при посредничестве Италии) соглашения между Румынией и Венгрией и прихода к власти в Австрии правого правительства. В результате мог быть создан блок Австрии, Венгрии и Румынии, и с распадом Малой Антанты у Венгрии были бы развязаны руки в отношении южного и северного соседей, она получала условия для вооружения.

Запись об этой встрече И. Бетлен составил лично. Необходимость прихода к власти при помощи хаймвера в Австрии правого правительства он мотивировал тем, что внешнеполитические цели тогдашнего правительства этой страны не во всем совпадали с целями венгерского правительства: первое начало проводить неприемлемую для Венгрии дружескую политику со странами Малой Антанты. Зайпел продолжал политику, которая “более или менее соответствовала” идеям министра иностранных дел Чехословакии Эдварда Бенеша. Будучи противником аншлюса, Зайпел мечтал об образовании в Дунайском бассейне если не конфедерации, то, по крайней мере, некоего хозяйственного блока, и эта политика делала его другом чехов, но не давала преимуществ для становления сильной и независимой Венгрии. Правое правительство в Австрии устраивало как Италию, так и Венгрию: оно не поднимало бы вопроса о Южном Тироле, сделало бы ненужным аншлюс и позволило бы Венгрии беспрепятственно получать оружие из Италии через австрийскую территорию.

Учитывая тесные связи хаймвера с начальником полиции в Вене Шобером и некоторыми руководителями австрийской

армии, насчитывавшей по Сен-Жерменскому мирному договору до 30 тыс. человек, И. Бетлен полагал, что наступило удобное время для проведения правого переворота. Он считал, что хаймвер после получения финансовой помощи (300 тыс. шиллингов) и оружия готов действовать. Венгерский премьер предложил Италии также оказать помощь хаймверу и в дальнейшем для переговоров использовать его как посредника⁶⁷.

Через четыре дня Муссолини согласился передать австрийским правым организациям 1 млн лир через Бетлена и нужное количество оружия при условии, что они возьмут на себя обязательство в ближайшее время захватить власть в свои руки. Более того, он готов был начать переговоры с правым правительством об улучшении положения немецкого населения в Южном Тироле⁶⁸.

Таким образом, имелось предварительное соглашение, оставалось лишь его осуществить, что, впрочем, оказалось не так просто. Основную силу хаймвера составляли тирольские отряды, во главе которых стоял Рихард Штайдле, депутат бундесрата — одной из палаты парламента — от провинции Тироля. Он поддерживал постоянную связь с военным атташе в Вене Белой Янки, братом главнокомандующего венгерской армией Кочарда Янки. 23 мая 1928 г. Штайдле направил И. Бетлену меморандум, в котором просил о посредничестве с Италией, жаловался на свое правительство, поддерживавшее хаймвер лишь отчасти, как силу, противостоящую социал-демократическому шутцбунду. На этот раз он запросил материальную помощь более внушительную — 1 млн 474 тыс. шиллингов⁶⁹.

Вскоре И. Бетлен лично встретился с автором меморандума, о чем свидетельствует сохранившаяся запись. Штайдле сообщил о своих связях с военным министром Австрии Карлом Фаугойном и на вопрос Бетлена о том, когда можно ожидать начала выступления, ответил: не ранее осени. Согласно записи, гость произвел на премьера хорошее впечатление⁷⁰.

Венгерский посланник Андраш Хори в Риме передал меморандум и запись беседы Бетлена со Штайдле итальянским

руководителям. Муссолини принял Хори и обещал деньги передать через посланника Италии в Будапеште Эрколе Дурини де Монза, а оружие складировать на австрийской границе в том месте, которое укажут лидеры хайвера. Дуче верил в успех задуманной акции, его увлекла идея государственного переворота в Австрии при помощи хайвера⁷¹.

Некоторые венгерские и итальянские дипломаты выражали сомнения по поводу планов хайвера. Так, 26 июня Андраш Хори направил заместителю министра иностранных дел Венгрии Шандору Кузну-Хедервари доверительное полуофициальное письмо о беседе со статс-секретарем итальянского МИД Дино Гранди. В письме сообщалось, что тот отнюдь не воодушевлен этой идеей и не исключает возможности фиаско и в конце концов, скандала. Гранди заявил, что приказ он выполнять будет, но все это дело считает фантастическим и чрезвычайно опасным⁷². По его мнению, правый режим в Австрии окажется пангерманским и для Италии будет не лучше, чем теперешний режим. Но это уже говорилось в официальном сообщении А. Хори в венгерский МИД, направленном в тот же день.

Поскольку его страна идет на риск скандала, по словам Гранди, она должна иметь гарантию, что новое правительство в Австрии не станет создавать для Италии трудностей в отношении Южного Тироля. Именно поэтому хотелось бы получить гарантии в форме письменной декларации. Венгерский посланник заметил по этому поводу: Муссолини заверил Бетлена, а тот передал Штайдле, что если в Австрии будет установлен правый режим, дуче готов пойти на уступки в национальном вопросе в Южном Тироле. Это замечание привело в замешательство статс-секретаря итальянского МИД, поскольку его слова расходились с заявлением итальянского премьера по вопросу о Южном Тироле. Гранди в связи с этим решил переговорить с Муссолини, поскольку ничего не знал о данном заявлении дуче. Статс-секретарь заметил с улыбкой, что у Муссолини нет времени излагать ход подобных бесед на бумаге, поэтому случается, что во вред практическому осуществле-

нию внешнеполитических дел у палаццо Киджи* не всегда есть подробная информация о важнейших заявлениях.

По этим вопросам Гранди имел беседу с Муссолини, и оба пришли к выводу: поскольку австрийцам доверять нельзя, нужно взять от них письменное обязательство, прежде чем оказывать им помощь⁷³. 28 июля И. Бетлен вновь встретился со Штайдле в Венгрии на вилле Белателеп в Фоноде, где удалось разрешить этот вопрос. Последний не возражал против подписания предложенного ему текста декларации, но просил, чтобы Италия немедленно после переворота признала новое австрийское правительство, чего Бетлен пообещал добиться. Кроме того, Штайдле сообщил о своем сближении с канцлером Зайпелом, который согласился более энергично выступать против “красных”⁷⁴, т. е. социал-демократов. Собеседники затронули вопрос подготовки митинга и проведения демонстрации правых сил 7 октября в Винер-Нойштадте, где собирались провести свою манифестацию социал-демократы. Штайдле полагал, что если произойдет столкновение, то этот день может стать началом “похода на Вену” (по примеру “марша на Рим” в 1922 г.), развертывания гражданской войны, захвата столицы и установления правого режима.

Муссолини приступил к финансированию (“первая посылка”) и довооружению хаймвера. 25 августа секретарь итальянской миссии в Будапеште Де Астис передал заведующему политическим отделом венгерского МИД барону Габору Апору два чека на сумму 500 тыс. и 1 млн 200 тыс. лир и просил взять у Штайдле расписку в их получении.

К этому времени выяснилось, что канцлер Игнац Зайпел дал согласие в случае столкновения между шутцбундом и хаймвером встать на сторону последнего. Он только просил, чтобы хаймвер не совершал провокаций и не дал повода для возбуждения против себя общественного мнения Австрии⁷⁵. В связи с запланированными на 7 октября событиями венгерская

* Во дворце Киджи размещалось министерство иностранных дел Италии.

печать подогревала страсти. Подготовка к этой дате не прошла незамеченной и в соседней Чехословакии.

Демонстрация в Винер-Нойштадте прошла мирно. По договоренности до обеда на улицы города вышли сторонники хаймвера (10–12 тыс.), а в 12 час. социалисты (20–25 тыс.)⁷⁶. Не было ни начала гражданской войны, ни кровавых столкновений, что вызвало разочарование в правящих кругах Рима и Будапешта. Надежды Муссолини и Бетлена не сбылись: вместо столкновений и борьбы состоялась демонстрация с песнями. В одном из газетных отчетов отмечалось, что, хотя демонстрация хаймвера и была импозантным выступлением национальных фашистских военных союзов, ему, тем не менее, не удалось 7 октября покорить Винер-Нойштадт; контрдемонстрация же “не смогла показать всю силу социал-демократов Австрии”⁷⁷. В другой газете говорилось, что стянутым к городу войскам не пришлось применять оружие⁷⁸.

9 октября временный поверенный в делах Венгрии в Риме Андор Водианер посетил Гранди и затронул, в частности, вопрос о событиях 7 октября. В донесении Г. Апору в МИД Венгрии он писал: “Гранди внешне выглядел подавленным из-за прошедшей без помех демонстрации, он приводил параллель между “маршем на Рим” и воскресной манифестацией и пренебрежительно отзывался о руководителях хаймвера”. Водианер пытался успокоить Гранди тем, что еще только начало осени и что во время одной из намечавшихся манифестаций может все произойти. Гранди согласился, что “в настоящее время не остается ничего иного, как надеяться на лучший исход в будущем”⁷⁹.

В новых условиях хаймвер желал упрочить позиции путем привлечения на свою сторону канцлера Зайпела, поддерживая его стремления изменить конституцию. В то же время, и Бетлен надеялся установить с австрийским канцлером более тесные связи. В ноябре 1928 г. последний беседовал с венгерским посланником в Австрии графом Лайошем Амбрози, которого он посвятил в свои планы изменения конституции (президента избирать не парламентом, как прежде, а прямым всеобщим голосованием и урезать права самоуправления

Вены). Социал-демократия была против, видя в этом поворот в политике Наполеона III⁸⁰. Будучи противником аншлюса, Зайпел высказывал свои легитимистские взгляды, но сторонников Бетлена, которые считали данные взгляды неосуществимыми и фантастическими, это особенно не беспокоило.

В начале декабря 1928 г. в Австрии президентом избрали Вильгельма Микласа из партии христианских социалистов, который должен был после реформы конституции распустить парламент. А 15 декабря Иштван Бетлен, возвращаясь из Швейцарии, где он участвовал в заседании Лиги наций, остановился в Вене и навестил Игнаца Зайпела. В беседе с глазу на глаз они затронули спорный для обоих правительств вопрос Бургенланда. В интересах обеих стран И. Бетлен предложил подождать с решением этого вопроса и пообещал в ближайшее время его не поднимать. Зайпел поблагодарил Бетлена, но не дал гарантии в отношении того, что с австрийской стороны не повторятся претензии на г. Шопрон⁸¹.

24 февраля 1929 г. в Вене состоялись демонстрации сторонников хаймвера и шутцбунда. Погода не способствовала массовому движению, но прошедшая демонстрация (около 4 тыс. участников) хаймвера выдавалась за победу, в то время как "красные", по мнению правых, лишились безраздельного господства в столице Австрии. Выступивший на митинге Рихард Штайдле заявил, что хаймвер уже способен преподать политический урок марксистам, смысл которого состоял в том, что улица больше не является их монополией⁸². 4 марта 1929 г. Штайдле составил подробный отчет о расходовании средств, о провалах акций 7 октября 1928 г. и 24 февраля 1929 г. Он считал достижением тот факт, что хаймвер удалось сделать ударной силой, способной на выступление в любом месте Австрии, но требовались дополнительные средства для его обмундирования, обеспечения и закупки транспорта⁸³. В конце апреля 1929 г. Муссолини по линии Бетлен—Янки направил 600 тыс. шиллингов⁸⁴. Решение Италии выделить эти средства обуславливались и событиями, развернувшимися в Австрии.

Австрийские правящие круги продолжали форсировать реформу конституции, однако Зайпел из-за ставших широко известными связей с хаймвером в начале апреля подал в отставку. В результате месячных переговоров было создано новое коалиционное правительство трех буржуазных партий, основную роль в котором играли христианские социалисты. Возглавил новый кабинет христианский социалист Эрнст Штрерувиц, считавшийся человеком сильной руки. Его кандидатуру поддерживал и хаймвер. Новый канцлер, будучи директором крупных заводов, был хорошо знаком с деятельностью социал-демократических профсоюзов, поэтому мог оказать помощь хаймверу в борьбе против рабочего движения.

Руководители хаймвера планировали осенью войти в Вену и расправиться с "красными". И. Бетлен с готовностью поддержал этот план. В начале мая 1929 г. в Будапешт на несколько дней прибыл Дино Гранди. В состоявшейся 3 мая беседе И. Бетлен ознакомил гостя с планом Штайдле и его просьбой о дальнейших финансовой помощи и поставках оружия. Гранди с большим пониманием отнесся к этому сообщению. В записи об этой беседе И. Бетлен заметил, что, прежде чем Италия выдаст хаймверу последнюю часть денежной помощи, он желал бы получить от его лидеров заверения (возможно, в форме договора) о том, как хаймвер в случае прихода к власти отнесется к вопросу о Бургенланде⁸⁵. 24 мая 1929 г. Д. Гранди сообщил И. Бетлену: считает запрошенную хаймвером сумму слишком высокой и готов выделить меньшую сумму, рекомендуя при этом проявлять больше осмотрительности в отношении поставок оружия⁸⁶.

Между тем подготовка путча продолжалась. 4 июня Бела Янки направил из Вены полуофициальное письмо руководителю политического отдела венгерского МИД барону Габору Апору, в котором сообщалось о переговорах лидера хаймвера Штайдле с военным министром Фаугойном и начальником полиции Шобером. Между ними была достигнута договоренность о том, что при наступлении хаймвера на Вену последние, используя свою власть, не отдадут приказ о применении оружия против него, даже если правительство и решится на

это. Они уйдут в отставку только тогда, когда хаймвер уже будет в Вене⁸⁷.

Естественно, все приготовления велись в строгой тайне, но, как свидетельствуют документы, в них втянут был довольно широкий круг лиц. Кончилось все это тем, что орган социалистической партии газета "Мюнхенер пост" 5 июня 1929 г. поместила статью "Заботы и планы хаймвера". В ней раскрывалась и роль Белы Янки как посредника между хаймвером и итальянскими фашистами (для сохранения конспирации он был отправлен на пенсию с поста военного атташе, но остался в Вене). Г. Апор направил Янки письмо с предупреждением соблюдать осторожность, ибо, "если раскроется наша связь, это будет иметь катастрофические последствия"⁸⁸.

В своем ответе от 3 июля Янки пытался успокоить Апора и развеять его опасения⁸⁹. Между тем требования хаймвера обсуждались 10 июля на встрече А. Хори и Б. Муссолини. Последний сначала обвинял руководителей хаймвера в медлительности, но затем пообещал передать им 900 тыс. шиллингов и взамен материальных поставок еще 520 тыс., а также подготовить склады оружия на австрийской границе. При этом ставилось условие: лидеры хаймвера уже сейчас дадут обязательство, что в назначенный срок они начнут акцию любой ценой и письменно известят его об этом⁹⁰.

10 августа руководители хаймвера отправили в Будапешт письменное обязательство с указанием срока начала действий не позднее 15 февраля — 15 марта 1930 г. В письме отмечалось, что они будут стремиться осуществить акцию еще осенью 1929 г.⁹¹.

Бетлен в то время находился в своем имении в Инке, поэтому министр иностранных дел Л. Валко направил ему обязательство лидеров хаймвера туда. 16 августа венгерский премьер написал на нем: "С содержанием этого заявления согласен". Заместитель Андраша Хори Андор Водианер немедленно передал обязательство по назначению, а затем в полуофициальном письме Габору Апору передал: "Когда я сообщил Муссолини о цели моего визита, он заметно воодушевился... но за-

тем, когда я ему сказал о более поздней дате, он явно помрачнел”⁹².

Со второй половины августа 1929 г. в печати все чаще стало говориться о готовящемся путче в Австрии⁹³. Небольшое столкновение в селении Сент-Леренц между хаймвером и шутцбундом 18 августа венгерская печать освещала с подробностями и преувеличениями, говоря о целых сражениях, об убитых и раненых. После этой газетной шумихи ставки хаймвера в министерствах иностранных дел Италии и Венгрии повысились⁹⁴, как отмечал Э. Каршан. Правая венгерская печать начала активно популяризовать хаймвер и печатать угрозы; в частности, она приводила слова Штайдле о том, что, если социал-демократы не желают сойти с политической арены добровольно, “мы их заставим” сделать это⁹⁵.

3 сентября Г. Апор в полуофициальном, строго секретном письме в адрес временного поверенного в делах в Риме А. Водрианера дал указание информировать статс-секретаря Д. Гранди о событиях в Австрии, которые, по его мнению, развивались стремительно, в столкновениях есть убитые и раненые. Руководители хаймвера передавали, что в течение четырех-шести недель произойдет решающая борьба, Апор просил довести до сведения Гранди, что критический момент произойдет в конце сентября — начале октября⁹⁶.

В первой половине сентября министр иностранных дел Л. Валко в сопровождении Г. Апора отправился в Рим. На переговорах с Муссолини и Гранди значительное место было уделено событиям в Австрии. Валко информировал Муссолини о точной дате плана государственного переворота — 29 сентября. Сведения исходили от военного министра Фаугойна, переданные венгерскому военному атташе в Вене Даниелу Фабри.

Сохранилась запись беседы между Валко и Муссолини, состоявшейся 12 сентября. Венгерский министр информировал Муссолини о деталях намеченного на 29 сентября выступления. Хаймвер планировал занять ратушу и помешать прибытию шутцбунда из Винер-Нойштадта в Вену. Валко также сообщил о мерах, которые намечалось провести на случай вме-

пательства Чехословакии, посвятил дуче и в планы намечавшегося в случае успеха назначения главой австрийского правительства Шобера, а может быть Ринтелена и Зайпела. Валко сказал, что в ближайшее время он собирается установить контакт со Штайдле и одним из политических деятелей, возможно Шобером или Зайпелом, и обменяться с ними мнениями по вопросу установления нового режима. Венгрия предполагала дополнить существовавший договор об арбитраже договором о дружбе. Кроме того, венгерский министр иностранных дел собирался договориться еще по двум вопросам: 1) ни одна из сторон не будет заключать с соседними странами соглашения без согласия другой стороны и 2) о необходимости прояснить проблему венгерско-итальянского транзита. Он также вынес на обсуждение вопрос о заключении торгового соглашения с Австрией, которое могло бы дать преимущества для обеих стран, а австрийские его собеседники лично взяли бы на себя обязательство позднее провести изменение границ в северной части Бургенланда, что для Венгрии очень важно со стратегической точки зрения. Валко рекомендовал Италии не возражать против получения новым правительством Австрии иностранного займа и смягчить свою позицию в отношении немецкого национального меньшинства в Южном Тироле.

Из этой записки следует, что Муссолини не очень-то верил в серьезность всего замысла в отношении Австрии, хотя как для Венгрии, так и для Италии переворот там имел бы большое значение.

Что касается кандидатов в канцлеры, то Муссолини отдавал предпочтение Шоберу, Ринтелена он считал неспособным руководить, а Зайпела вообще не хотел бы принимать. Дуче заявил, что от нового режима ничего не ожидает, имея предварительное обязательство не поднимать вопроса о Южном Тироле. Он предполагал заключить торговое соглашение, а позднее, когда режим консолидируется, возможно, и политический договор, хотя заранее обсуждать эти проблемы не намерен. Если нужно будет признать новый режим, как сказал Муссолини, он сделает это, если же “зашевелятся” чехи, он пошлет в Прагу памятную записку, которая наверняка возьмется

действие. В отношении немецкого национального меньшинства он ничего не обещал, но заверил, что будет стремиться поддерживать с ним хорошие отношения.

Касаясь пожеланий Венгрии, он поддержал идею проведения предварительных бесед по вопросам о договоре, обоюдных обязательствах и транзите. Проблему же торговли и северной части Бургенланда он предлагал осуществлять тогда, когда новый режим в Австрии консолидируется. Муссолини заявил также, что оружие для хаймвера он готов переправить на грузовиках в условленное место и передать по старым каналам, т. е. через Будапешт, следующую часть финансовой помощи — 4500 тыс. л⁹⁷.

После возвращения из Рима Валко отправился в Вену. Накануне руководство хаймвера опубликовало воззвание "Последнее предупреждение", в котором ратовало за отставку правительства и открыто выражало свои претензии на государственную власть⁹⁸. 19 сентября Валко посетил Зайпела, а на следующий день Штайдле. Он ознакомил их с результатами своей поездки в Рим и изложил планы Венгрии в отношении нового режима в Австрии, а также позицию Италии. Зайпел и Штайдле в целом одобрили вопрос о договоре, согласились не заключать без согласия другой стороны соглашения со странами Малой Антанты, но возражали против транзита из Венгрии в Италию и обратно. Обсуждалась и кандидатура нового канцлера. На первом месте фигурировал Шобер, которого поддерживали и Валко, и Муссолини. Венгерский министр обещал передать хаймверу половину из той суммы денег, что он согласовал в Риме⁹⁹. Валко рекомендовал хаймверу ускорить захват власти.

Между тем в Будапеште обсуждалась возможность (на случай, если в Австрии начнется гражданская война) использования венгерских вооруженных сил. Главнокомандующий Кочард Янки и военный министр граф Карой Чаки обсуждали политические цели возможного вмешательства. Полученный Чаки от главного командования анализ обстановки в Австрии на 21 сентября был направлен им министру иностранных дел только 2 октября, т. е. уже после падения правительства Штре-

рувица и образования кабинета Шобера. Валко сделал на нем замечание о том, что в сентябре в Австрии сторонники Зайпела не планировали открытого столкновения сторон, развязывания гражданской войны. Хаймвер в своих обращениях угрожал социал-демократам и буржуазным партиям, что если они мирным путем не передадут власть, то руководители хаймвера возьмут ее “фашистским методом, путем революции”¹⁰⁰. Что касается митинга, назначенного хаймвером на 29 сентября в Вене, то в венгерском МИД имелись сведения, что лидеры его не намерены были в тот день совершать путч, Штайдле лишь намеревался изложить “официальную программу будущего правительства хаймвера”. В этом правительстве важнейшие министерские портфели предстояло распределить среди руководителей хаймвера.

Кризис в Вене разрешился раньше: 27 сентября новый канцлер Шобер и его правительство предстали перед парламентом. Однако в Будапеште не были довольны ни составом правительства Шобера, в котором премьер сохранил за собой и портфель министра иностранных дел, ни мирным тоном его программы. Шобер заявил, что несправедливо и неправильно рассматривать хаймвер как движение, которое якобы ставит своей целью совершить путч и развязать гражданскую войну. Задачей правительства, по его словам, является поддержание связей с хаймвером и поиск средств, которые приведут к осуществлению их справедливых требований легальным путем.

Обеспокоенный развитием событий в Австрии (они развивались не по тому сценарию, как предполагалось), И. Бетлен направил через Апора и Янки запрос Штайдле: 1) каковы детали плана реформ конституции; 2) может ли наш друг “Берцеш” (т. е. Штайдле) гарантировать, что Вена будет очищена от отрядов СДПА. Бетлен рекомендовал добить растерянного противника, пока он не успел прийти в себя¹⁰¹. В результате запланированный на 29 сентября митинг закончился мирным исходом. Выступивший Штайдле заявил, что хаймвер, по сути, проповедует то же самое, что и канцлер, но только другим языком. Он выразил полное доверие Шоберу и высказал надежду, что требования хаймвера будут удовлетворе-

ны парламентским путем. Штайдле считал важнейшей задачей “окончательно сломить хребет арьергарду большевизма в Центральной Европе”, “Пока мы завоевали только плацдарм, — сказал он, — Красная крепость Вена еще впереди”. Этим практически и закончились воинственные угрозы лидера хаймвера.

В новых обстоятельствах как в Риме, так и в Будапеште сомневались в целесообразности дальнейшей поддержки хаймвера. Вскоре, однако, И. Бетлен посчитал, что Италии прекращать финансовую помощь не следует, ее нужно использовать в качестве рычага, чтобы хаймвер оказал нажим на правительство Шобера с целью окончательно расправиться с социал-демократами¹⁰², которые в парламенте располагали примерно 40% голосов. Предложения И. Бетлена были приняты, и 21 октября лидеры хаймвера получили очередную долю итальянской помощи¹⁰³.

7 декабря австрийский парламент принял предложенные правительством изменения конституции. Венское самоуправление ограничились в правах, но как политический институт оно осталось в руках СДПА. Шобер добился того, что он непосредственно хотел, а хаймвер, сторонники Бетлена и Муссолини не достигли своих целей. Между тем неумолимо приближалось 15 февраля 1930 г., срок, на который лидеры хаймвера намечали совершить путч. Они тянули с выступлением, а затем сменили лидера. Но и Штаремберг-младший не долго стоял во главе движения, потому что вскоре выяснилось: многие из его штаба не могут отчитаться за полученные лиры. МИД Венгрии был предупрежден Римом: не поднимать этот вопрос, что пропало, то уже не вернешь; если разразится скандал, он причинит неприятности Бетлену и Муссолини. В начале 1931 г. руководители Венгрии и Италии поняли, что изжить кризис в хаймвере и вдохнуть в него новый дух почти невозможно.

Так первая глава движения хаймвера закончилась, по существу, фиаско. Из составленного в апреле 1928 г. в Милане плана Бетлена — Муссолини изменить режим Австрии и сделать новый вариант “похода на Рим” ничего не вышло. Вместе с тем приход к власти Шобера пока соответствовал внеш-

неполитическим целям Муссолини, и вопрос о государственном перевороте в Австрии был снят с повестки дня, что привело к острым спорам в штабе хаймверовцев.

Совместная венгерско-итальянская акция в Австрии принесла правительству И. Бетлена мало реальной пользы. Вновь пришлось ждать свободного транзитного пути и осуществлять тайные поставки оружия через Австрию. Тем не менее создание правительства Шобера явилось шагом вперед в направлении оформления итало-венгерско-австрийского блока.

Дело оптантов. Венгерско-румынские отношения

В конце 1928 г. министр иностранных дел Германн Густав Штреземан поднял вопрос о добровольном выводе французских войск из Рейнской области. Французское правительство согласилось, но связало его с окончательным решением вопроса о репарационных платежах. В то время в действии был план Чарльза Гейтса Дауэса, который не считался окончательным решением, ибо в нем не было указано, до каких пор по времени Германия должна платить репарации. В декабре 1929 г. Репарационная комиссия образовала еще одну комиссию во главе с американским финансовым специалистом Оуэном Юнгом, которая предложила "план Юнга" — окончательного решения не только репарационных платежей, но и всех долгов как потерпевших поражение в войну, так и выигравших ее.

Этот план касался и Венгрии, которая, кроме репарационных платежей, брала на себя обязательства и по возмещению иска оптантов. Тогда она согласилась платить в течение более 20 лет с 1944 по 1966 г. в год по 13 млн золотых корон, о чем будет сказано подробно ниже. И только после вступления плана Юнга в действие с Венгрии снимались все секвестры на имущество в пользу репараций. Как же развивались события по делу оптантов?

20 декабря 1927 г. на закрытом заседании комиссии по иностранным делам верхней палаты Государственного собрания выступил министр иностранных дел Лайош Валко и на-

помнил, что еще весной этого года он информировал членов комиссии об истории и правовых аспектах того вопроса, который обсуждался на заседании Лиги наций в декабре.

Речь шла о том, что после первой мировой войны в Румынии проведена аграрная реформа, в ходе которой были изъяты в основном без вознаграждения земли тех венгерских владельцев, которые не приняли румынского гражданства, желая сохранить венгерское. Они переселились из Трансильвании в Венгрию, их называли опгантами.

Согласно § 250 Трианонского мирного договора, гарантировалась защита тех венгерских граждан, имущества которых остались в каком-либо соседнем государстве. Опираясь на этот параграф, венгерские владельцы-опганты потребовали вознаграждения. Румынская сторона не признала права на защиту опгантов, и венгерские землевладельцы, интересы которых представляло государство, обратились в Лигу наций для назначения арбитражного суда.

После годами длившейся тяжбы венгерско-румынский спор об имениях опгантов в марте 1927 г. был передан в подкомиссию Лиги, но она не смогла принять какое-либо решение. В конце концов, Совет Лиги наций постановил отложить обсуждение этого дела до июльской сессии 1927 г. В июле переговоры сторон велись под контролем министра иностранных дел Англии О. Чемберлена, но закончились опять-таки безрезультатно. Обсуждение отложили до сентябрьской сессии. В итоге 17 сентября О. Чемберлен выступил с докладом, основанном на мнении экспертов-юристов.

Великие державы — Великобритания, Франция и Италия — предпринимали меры к тому, чтобы Венгрия и Румыния достигли соглашения путем непосредственных переговоров, и было исключено как арбитражное разбирательство, так и вмешательство Лиги наций. Венгерский представитель Алберт Аппони выступал на четырех заседаниях Совета Лиги наций. В результате Совет принял рекомендацию правительствам заинтересованных сторон решить спор путем проведения переговоров и доложить об их итогах на декабрьской сессии Совета.

Венгерское правительство не хотело, чтобы о нем сложилось представление, будто оно саботирует рекомендации Лиги наций. Поэтому правительство обратилось к румынской стороне со следующим предложением: венгерские граждане не бу-

дут требовать возвращения им тех пахот и пастбищ, которые разделены по реформе, но Румыния должна возвратить им леса, виноградники, сады, усадьбы, которые не были разделены в Трансильвании и перешли во владение государства. Те имения, которые подверглись разделу и не могут быть возвращены, должны быть “достаточно вознаграждены” Румынией. Размеры и способы вознаграждения венгерская сторона предлагала обсудить отдельно¹⁰⁴.

Поскольку румынская сторона на предложение Венгрии не отреагировала, венгерское правительство 29 ноября сообщило об этом в Лигу наций. Подчеркивая свою готовность приступить к практическому решению дела и “завершить его мирным путем”, оно подвергло сомнению (со ссылкой на опыт решения Гаагским судом германско-польского спора) требование экспертов-юристов доказать, что изъятие земель венгерских помещиков для реформы было осуществлено только потому, что они венгры по национальности.

На декабрьской сессии Совета Лиги вопрос не рассматривался из-за болезни румынского представителя. Ссылаясь на личный опыт, вынесенный из Женевы, министр иностранных дел Венгрии Лайош Валко уверял членов внешнеполитической комиссии верхней палаты Государственного собрания, что “отношение к венгерской позиции улучшилось”¹⁰⁵. В качестве одной из предпосылок этого улучшения он упомянул развернувшуюся в литературе дискуссию, а также споры в английской палате лордов по поводу конфликта, возникшего в связи с третейским судейством вообще. Правда, в том же докладе Л. Валко отметил, что как полемика между румынской и венгерской сторонами по аграрному спору, так и выступления жителей в трансильванских городах Надьварад и Коложвар (Клуж) мешают налаживанию корректных отношений. Венгерское министерство иностранных дел сообщило румынскому правительству о выступлениях “как о неспособствующих подержанию добрососедских отношений”¹⁰⁶.

По поводу речи Л. Валко в верхней палате парламента, на котором присутствовал и премьер-министр И. Бетлен, было опубликовано коммюнике¹⁰⁷, текст которого не совпадал с текстом доклада министра. Постоянный заместитель министра иностранных дел Ш. Куэн-Хедервари сообщил об этом некоторым венгерским посланникам, указав при этом, что в бе-

седах с партнерами следует руководствоваться только опубликованным коммюнике¹⁰⁸.

Чего же добивались венгерские земельные магнаты от румынского правительства? Еще в дни своего пребывания в Риме в апреле 1927 г. И. Бетлен, пытаясь заручиться поддержкой Италии, в беседе со статс-секретарем иностранных дел Д. Гранди информировал, что помещики трансильванского происхождения предъявляли румынской стороне претензии на 480 тыс. кадастровых хольдов земли, треть которых составляют леса, и что вознаграждение может составить около 150–200 млн золотых франков. Он отметил также, что это максимум их претензий, которые комиссия вправе еще сократить. Д. Гранди обещал венгерскому премьеру поддержать его просьбу, но без особой охоты, поскольку в то время как раз предпринимались меры для сближения Италии с Румынией. Именно поэтому итальянская сторона предпочла бы открыто не высказывать свою позицию.

Среди требовавших вознаграждения были фамилии венгерского премьера и его супруги. 12 июля 1927 г. представитель венгерского правительства в Лиге наций Пал Хевеши направил И. Бетлену письмо, в котором высказал мнение, что венгерская сторона в Совете Лиги наций может выйти победительницей при условии, что сам Иштван Бетлен будет представлять страну. При этом П. Хевеши подбросил ему мысль о том, какая сложилась бы ситуация, если бы И. Бетлен, будучи заинтересованным лицом, отозвал свой иск на вознаграждение его трансильванского имения, оставшегося в Румынии, "и прибыл бы в Женеву в качестве политического деятеля, который пошел и на эту огромную личную жертву"¹⁰⁹. Однако Бетлен свой иск не отозвал.

К декабрю 1927 г. положение изменилось, поскольку венгерское и румынское правительства приняли рекомендацию Совета Лиги наций о непосредственных переговорах заинтересованных сторон. На декабрьском заседании Совета Лиги наций И. Бетлен беседовал с британским и французским министрами иностранных дел Остином Чемберленом и Аристидом Брианом. Первый предложил собственный план практического решения дела, он вернулся к своей прежней рекомендации, которую высказывал венгерскому посланнику в Лондоне Ивану Рубидо-Зичи, а именно, в ходе переговоров с Румынией

достигнуть соглашения о сумме, которую ей необходимо выплатить венгерским помещикам в качестве вознаграждения за конфискованные земли. Венгрии предлагалось взять эту сумму на себя. Поскольку срок репараций для венгерской стороны был установлен на 20 лет, т. е. до 1943 г., то сумма, израсходованная на вознаграждение оптантам, считалась бы частью погашения репараций (выплату их пришлось бы продлить на период после 1943 г.).

5 декабря И. Бетлен это предложение решительно отклонил, заявив, что ни одно венгерское правительство не согласилось бы с этим, "тем более правительство, возглавляемое мною". В качестве причин он привел следующие аргументы: 1) в таком случае фактически не Румыния, а Венгрия платила бы оптантам; 2) общественное мнение убеждено, что репарации определены раз и навсегда, а не временно, до 1944 г.; 3) ни в коем случае нельзя обременять Венгрию выплатой такой суммы, "часть которой попала бы и в мой карман". В качестве контрпредложения И. Бетлен высказал компромиссную мысль, согласно которой Венгрия договорилась бы с Румынией о сумме выплаты, причем она составляла бы не полное вознаграждение, и Венгрия согласилась бы на отсрочку ее выплаты на 10–15 лет, но в таком случае Румыния обязалась бы выплатить проценты за пользование ею за этот срок¹¹⁰. 6 декабря в беседе с Брианом венгерский премьер просил французского представителя оказать давление на Румынию, ибо в противном случае результата не будет. Французский министр обещал это сделать и рекомендовал начать прямые переговоры, договорившись сначала о сумме, а затем о способе вознаграждения¹¹¹.

Правительство Бетлена взялось за разрешение дела оптантов и даже выдвинуло его в качестве условия улучшения венгерско-румынских отношений. Такая заинтересованность ясна, если учесть, что среди венгерских оптантов фигурировали не только премьер и его супруга, но и прежние главы правительств Пал Телаки, Дюла Каройи, их родственники и близкие.

В архиве сохранились составленные в МИД Венгрии для венгерской комиссии справки и материалы о величине оспариваемых владений, их характере и числе оптантов, возбудивших процесс. По этим данным 345 человек претендовали на вознаграждение или возвращение им имений в Трансильва-

нии. В то время в зарубежной печати поднимался вопрос о том, что на свои владения претендуют 300 венгерских магнатов. Тогдашний начальник отдела печати МИД Ласло Бардоши подготовил данные, которые свидетельствовали, что среди подавших иск только “62 человека, или 17,9% являются магнатами (герцоги, графы и бароны)”, а остальные нетитулованные землевладельцы. В том же документе указывалось, что претензии предъявлены на 87 землевладений, величина каждого из которых превышала 1000 кадастровых хольдов (25,22%), 166 — это владения величиной от 100 до 1000 хольдов (48,12%), а остальные 92 и того меньше¹¹². В общей сложности вся эта земля составляла 618 060 кадастровых хольдов стоимостью в 2 221 127 золотых корон. Правда, у венгерской стороны имелись сведения только на 394 тыс. кадастровых хольдов, из которых почти 138 тыс. — это пахоты, 168 тыс. — леса, а остальные — огороды, луга, виноградники¹¹³.

Граф Лайош Каройи оспаривал 53 тыс. хольдов, Шандор Андрашши 34 тыс., Дюла Андрашши 25 тыс., Иштван Бетлен с супругой 10 тыс. и т.д. Конечно, эти сведения являлись “не совсем точными”, поэтому их трудно было отстаивать.

19 марта 1928 г. Л. Валко вновь дал информацию комиссии по внешней политике верхней палаты Государственного собрания¹¹⁴, подчеркнув, что до сих пор не удалось решить вопрос путем прямых переговоров, поскольку к ним даже не приступали. Министр иностранных дел Румынии Титулеску согласился на неофициальную беседу с венгерским представителем Ауреллом Эгри в Париже, которая состоялась в начале февраля 1928 г. Министр объявил венгерские ноябрьские предложения, о которых речь шла выше, неприемлемыми, контрпредложений он не выдвигал, заявив, что со своей стороны не видит цели официальных переговоров.

Эту позицию за неделю до начала мартовского заседания Совета Лиги наций румынское правительство изложило в ноте и передало венгерским представителям. Повторив сказанное ранее министром Титулеску, в ноте отклонялись предложения венгерской стороны, предпринималась попытка доказать социальные и непартийные цели аграрной реформы, и решительно отвергались предварительные условия любых предстоящих переговоров. В ноте указывалось следующее: 1) венгерское правительство безоговорочно принимает известные

сентябрьские рекомендации Совета Лиги наций, которые уже были отклонены румынским правительством; 2) Венгрия не будет предъявлять претензий на возвращение лесов; 3) Лига наций должна дать гарантии румынской стороне, что в случае аналогичных претензий со стороны граждан других государств она защитит Румынию. Только на этих условиях румынское правительство готово было выплатить часть вознаграждения путем зачета определенной доли причитающихся ему репараций из Венгрии (вся оставшаяся сумма, по мнению Валко, составляла примерно 10,5% от оставшейся непогашенной суммы в 163 млн золотых корон, т. е. 16–17 млн). Кроме того, румынский министр иностранных дел полагал, что для этой цели могут быть использованы и те суммы, которые придется платить Венгрии в качестве репарационных взносов после 1943 г. О последнем Л. Валко доложил парламентариям, что венгры и мысли не могут допустить платить репарации и после 1943 г¹¹⁵.

На мартовской сессии Совета Лиги наций венгерские претензии обсуждались два дня. Алберт Аппони заявил, что из-за отрицательного ответа румынской стороны переговоры о согласовании позиций сторон провалились, и вновь просил, ссылаясь на ст. 239 Трианонского мирного договора, назначить третейский суд или передать дело в постоянный Международный суд в Гааге. Титулеску от имени румынского правительства сделал заявление, что Венгрия — должник Румынии по репарациям, поэтому не может быть и речи о том, чтобы Румыния платила венгерским заинтересованным лицам. Он говорил, что обязательного третейского судейства не существует, из чего следовало, что его страна не признает решения какого-либо третейского суда.

В ходе дискуссии сложилось положение, когда Совет Лиги либо должен был принять какую-либо “возвышенную декларацию”, либо предпринять новую попытку, направленную на достижение двустороннего соглашения. Совет Лиги провел закрытое заседание, на котором — представители Венгрии и Румынии не присутствовали. О. Чемберлен предложил расширить состав суда с трех до пяти членов и рассмотреть венгерско-румынский спор. Суд в составе трех человек, что предусматривалось Трианонским мирным договором, предполагалось дополнить еще двумя нейтральными, назначенными Со-

ветом Лиги наций. Идею английского министра иностранных дел поддержали Бриан и Штреземан, и в результате она была принята единогласно 13 членами Совета¹¹⁶. Алберт Аппони от имени венгерского правительства согласился с этим решением; Титулеску выдвигал условия. По предложению Чемберлена Совет Лиги наций просил заинтересованные правительства до июньского заседания Совета сообщить свою позицию¹¹⁷.

Венгерская сторона считала такой поворот событий благоприятным для себя, поскольку вопрос спора приобретал юридическую форму. К этому времени она все еще не определила конкретно, каковы ее претензии. Между тем венгерское правительство искало возможные пути сближения с Румынией, рассчитывая на достижение одной из основных целей своей внешней политики — развал Малой Антанты. В начале апреля 1928 г. Б. Муссолини согласился с предложением И. Бетлена сдвинуть вопрос венгерско-румынского сближения с мертвой точки при посредничестве Польши. Причем венгерская сторона хотела, чтобы инициатива этого посредничества исходила от Италии. И. Бетлен уговаривал Б. Муссолини использовать намечавшийся на середину апреля визит в Рим министра иностранных дел Польши А. Залеского. Не отвергая эту идею венгерского премьера, дуче в то же время рекомендовал и Будапешту прозондировать этот вопрос в Варшаве.

Пожелание Муссолини было принято во внимание, и 11 апреля Куэн-Хедервари дал указание венгерскому посланнику в Варшаве Шандору Беличке узнать мнение по этому вопросу Пилсудского, но тут же разъяснил, какое большое значение Венгрия придает тому, чтобы не возникло подозрения о венгерском происхождении инициативы. Это очень важно, указывал он, поскольку основой любого сближения является наше стремление добиться от Румынии далеко идущих концессий. На случай вопросов со стороны Пилсудского Беличка должен был заявить, что Италия оказывает нажим на Венгрию в целях сближения ее с Румынией и, возможно, будет просить Польшу о посредничестве. Венгрию интересует мнение Пилсудского по поводу такого посредничества. Беличка получил из своего министерства указание не вести переговоров об условиях венгерско-румынского сближения, а в случае интереса польской стороны сказать, что он получил инструкцию вести беседу только в целях выяснения общей позиции¹¹⁸.

Посланник передал пожелания венгерского МИД Пилсудскому, и тот уже 13 апреля ответил через директора политического департамента польского МИД: миссия, на которую рассчитывает венгерское правительство, очень деликатна, поскольку Румыния союзник Польши, а с Венгрией поляков связывают узы старой дружбы. Поэтому хотелось бы, чтобы венгерское правительство самым доверительным образом сообщило хотя бы рамки условий, а также на какую степень сотрудничества оно рассчитывает и какой была бы его высшая фаза. Пилсудский сообщил также, что на интересующий вопрос он даст ответ только после возвращения А. Залеского из Рима и беседы с ним¹¹⁹.

18 апреля Пилсудский принял венгерского посланника и сообщил, что придает вопросу о посредничестве большое значение. Он, прежде всего, затронул проблему оптантов и дружески посоветовал самостоятельно решить ее, даже идя на жертвы, ибо станет значительно легче, если она будет снята с повестки дня. В отношении венгерско-румынского сближения он рекомендовал воздержаться от поспешных шагов и начинать дискуссию не с "объятий", а путем улучшения отношений и установления сотрудничества¹²⁰.

Готовность Пилсудского выступить в роли осторожного посредника, не ставящего перед собой задачу поддержать оптантов и оторвать Румынию от Малой Антанты, теряла для Венгрии всякий смысл. Поэтому после еще одного письма Лайоша Валко (от 9 мая) Шандору Беличке с предложением попытаться осуществить замысел венгерского правительства, после серии встреч венгерского посланника А. Хори в Риме с Д. Гранди и 29 мая с Муссолини и выяснения того факта, что польская и румынская стороны информировали о происходящих событиях даже Францию и страны Малой Антанты (это не входило в планы венгерского правительства и, по сути дела, перечеркивало их) И. Бетлен пришел к выводу о необходимости приостановить задуманную акцию.

В соответствии с этим Л. Валко 18 июня известил А. Хори: Румыния желает придать сближению с Венгрией такое направление, которое не соответствует интересам последней. Процесс сближения и улучшения венгерско-румынских отношений имел для венгерской стороны практический смысл лишь в том случае, если бы он привел к распаду Малой Ан-

танты или хотя бы к ее ослаблению (гарантией тому могло быть вступление Румынии с Венгрией в дискуссию по сближению без ведома других государств Малой Антанты). “Для нас нет никакого резона в сближении с Румынией, которое было достигнуто под эгидой Малой Антанты и при ее ассистировании, — отмечал Валко и продолжал: Поэтому премьер-министр лично сообщил графу Дурини итальянскому посланнику в Будапеште, что в таких условиях венгерское правительство вынуждено отказаться от дальнейшего продолжения акции”¹²¹. Одновременно Л. Валко дал указание А. Хори довести до сведения Муссолини и Гранди эту позицию венгерского правительства и попросить сообщить о ней и итальянскому посланнику в Варшаве. Д. Гранди со своей стороны заявил Хори об одобрении поступка Венгрии, поскольку, по его словам, он всегда относился к этому с определенным скептицизмом¹²². Расчеты хортистов на поддержку Польши взамен помощи словацким сепаратистам, действовавшим в Кракове и Вене против Чехословакии, не оправдались. Польша в тот период симпатизировала этим планам, а также планам отторжения Закарпатской Украины от Чехословакии, однако вела себя осторожно, боясь, с одной стороны, Советского Союза, а с другой — Германии.

В декабре 1928 г. Л. Валко посетил Варшаву и в первый же день встретился с Ю. Пилсудским. В ходе беседы всплыл и вопрос венгерско-германских отношений. Пилсудский заявил, что он исключает в ближайшие годы нападение СССР на Польшу или Румынию и был бы рад улучшению венгерско-румынских отношений. Начальник государства дал понять венгерскому министру иностранных дел, что предложение Венгрии сохранить нейтралитет на случай советско-румынской войны не имеет под собой практической основы. На этот раз уже не было речи о посредничестве Польши, и Пилсудский просил от Италии или Венгрии лишь информацию о том, как будет развиваться этот вопрос¹²³.

В ходе переговоров в Варшаве удалось достигнуть договоренности о подписании польско-венгерского соглашения об арбитражном суде, где рассматривались бы спорные хозяйственные и финансовые вопросы граждан обеих стран. Оно тогда не имело особого значения для двух дружеских стран и было подписано позднее в Будапеште в мае 1929 г., когда А. За-

леский нанес ответный визит А. Валко. На пресс-конференции польский министр недвусмысленно заявил об особых отношениях Польши со странами Малой Антанты. С Румынией, по его словам, у нее военный союз, с Югославией дружеские отношения, а с Чехословакией — добрососедские¹²⁴. Более откровенно он изложил свое отношение к Венгрии позднее, при подписании аналогичного соглашения с Румынией. В беседе с журналистами он сказал, что польско-румынские отношения во всех областях определяются существующим союзническим договором между двумя странами, что с Венгрией Польшу связывает давняя симпатия, но “между Варшавой и Будапештом не имеется никакой политической связи”. Министр подчеркнул, что “Польша самым решительным образом возражает против любых изменений мирного договора”¹²⁵.

Так выглядели официальные венгерско-польские отношения в конце 20-х годов, при постоянном подчеркивании в венгерской печати тесной дружбы двух стран.

Отказавшись от посреднической роли Польши и учитывая позицию Совета Лиги наций, венгерскому правительству пришлось отойти и от своей прежней позиции, смысл которой заключался в том, что только по решению арбитражного суда оно готово было идти на компромисс с румынским правительством и начать прямые переговоры с ним. Полномочным представителем венгерского правительства и оптантов был назначен уже не молодой барон Йозеф Стерени, бывший министр торговли. Он избирался дважды депутатом в палату представителей в первой половине 20-х годов, но, когда в 1926 г. не прошел в третий раз, М. Хорти назначил его членом верхней палаты парламента.

О результатах подготовительной работы группы представителей правительства и оптантов Стерени доложил правительству на его чрезвычайном заседании 15 октября 1928 г. По сентябрьскому решению Совета Лиги наций полномочные представители двух стран должны были обсудить практическую сторону дела оптантов, принципиальные и правовые вопросы не затрагивались. Из доклада Стерени стало ясно, что венгерская сторона не располагала точными данными о размерах территорий, за которые венгерские оптанты требовали вознаграждения, она не имела даже приблизительных сведений о качестве земель, их стоимости, процентном соотноше-

нии пахоты, лесов, пастбищ, виноградников, садов. Стерени подчеркивал, что в списки, которыми он располагал, включены 29 оптантов, чьи земли румынским правительством не были конфискованы. По его мнению, с подобными сведениями нельзя было идти на переговоры, дабы не сорвать их с самого начала. Правительство дало барону полномочия руководствоваться на переговорах данными румынской стороны. Совет министров согласился и с его предложением о том, чтобы сумма вознаграждения обсуждалась в целом, а затем была распределена соответственно среди оптантов¹²⁶.

В ходе переговоров вновь встал вопрос о том, кто будет платить оптантам. 21 декабря Й. Стерени сообщил И. Бетлену, что он довел до сведения румынской стороны общую сумму претензий оптантов 350 млн золотых корон, которые, по мнению собственных (венгерских) экспертов, на 100% превышают реальную стоимость конфискованных земель. На проходивших в Аббазии переговорах достигли соглашения, что о стоимости, сумме и способе оплаты речь пойдет позже в Сан-Ремо, но, как писал Стерени, румынская сторона была им предупреждена о недопустимости дальнейшей затяжки дела¹²⁷.

В феврале 1929 г. в Сан-Ремо продолжились прямые переговоры. Туда же в качестве "представителя заинтересованной стороны" на помощь Стерени направился и граф Дюла Каройи. 19 февраля был составлен итоговый отчет о переговорах, согласно которому "румыны были чрезмерно либеральны в определении территории", но все же пришлось исключить из претензий на вознаграждение 50 тыс. кадастровых хольдов, и в целом общая территория, подлежащая вознаграждению, исчислялась 557 тыс. кадастровых хольдов.

По мнению Стерени, самой трудной частью переговоров являлось определение стоимости земли. Дело в том, что вся территория Венгрии была оценена в виде чистого кадастрового дохода в золотых коронах. Венгерская сторона предложила в качестве стоимости 145-кратную сумму чистого кадастрового дохода, что в сумме равнялось 300 млн золотых корон, и, кроме того, 5% годовых за использование в течение 8 лет. Румынская сторона возражала и, по мнению Стерени, вполне законно, поскольку внутри Венгрии этот пересчет шел в 60-кратном размере.

Румынские представители взяли за основу собственные оценки чистого кадастрового дохода, умножили его на 70 и вместе с процентами насчитала всего 62,8 млн золотых корон. В результате переговоров Й. Стерени соглашался на сумму в 130 млн, а румынская сторона на 100 млн. Окончательного согласия тогда достигнуто не было. Румынские представители прервали переговоры и договорились возобновить их 15 марта в Вене¹²⁸. Там предстояло окончательно согласовать сумму вознаграждения и договориться о том, кто будет ее возмещать.

Переговоры в Вене начались лишь 29 мая и продолжались три недели. Румынская сторона заявила, что она не имеет возможности выплатить вознаграждение оптантам, превышающее 100 млн золотых корон. Стерени рассчитывал хотя бы на 115 млн. В итоге на венских переговорах по этому вопросу, а также о методах оплаты не было достигнуто результатов. Речь шла о том, чтобы платить компенсацию оптантам из той доли, которая по репарациям причислялась Румынии от Венгрии до 1943 г., а также поставками в последнюю нефти и древесины. Глава румынской делегации, посланник в Варшаве, Давила говорил, что Репарационная комиссия предпишет венгерской стороне платить репарации и после 1943 г. Это О. Чемберлен предлагал еще в декабре 1927 г. Стерени такую возможность отклонил, поскольку Венгрия не собиралась погашать репарации и после 1943 г.

В сложившейся ситуации венгерская сторона 22 июля предложила прервать переговоры и обратиться совместно в секретариат Лиги наций за помощью в поиске выхода из тупика¹²⁹. Давила не соглашался и выступал за продолжение переговоров. В результате пришли к договоренности опубликовать следующее совместное коммюнике: "Проходившие с 30 мая в Вене венгерско-румынские переговоры по делу оптантов завершились сегодня вечером. Делегации попытались рассмотреть весь материал, касавшийся переговоров. Было установлено, что стороны до сих пор не пришли к соглашению, о чем каждая из них доложит своему правительству. Румынская делегация, учитывая тот факт, что при сегодняшней позиции не исключено достижение какого-либо практического решения, считает целесообразным продолжение переговоров. Венгерская же делегация, напротив, предлагает в интересах достиже-

ния соглашения направить секретариату Лиги наций совместное обращение. Решения относительно предложений вынесут оба правительства”¹³⁰.

После венских переговоров румынское и венгерское правительства в течение нескольких месяцев предпринимали меры с целью заручиться поддержкой великих держав. 7 сентября 1929 г. в МИД Венгрии явился поверенный в делах Великобритании, чтобы получить информацию о предложении Венгрии относительно “окончательного упорядочения обязательств” по репарационным платежам. Заместитель министра иностранных дел Ш. Куэн-Хедервари, как отмечалось в его записи по поводу этой встречи, воспринял данный вопрос с удивлением. Он сообщил, что, насколько ему известно, Венгрия согласилась на репарационные платежи до 1 января 1944 г., и “до сих пор мы думали, что о платежах после этого срока речь не идет”. Британский дипломат не спорил, он имел поручение лишь узнать, какую сумму репараций готова платить Венгрия, если в нее будет включено вознаграждение оптантам¹³¹. Куэн-Хедервари в тот же день направил находившемуся в Женеве Л. Валко телеграмму об этом визите, а также передал сообщение министру финансов Ш. Векерле, который немедленно доложил о нем премьеру И. Бетлену.

Посещение английского поверенного в делах было связано с тем, что великие державы решили поставить точку в вопросе о репарациях. Германия в связи с поразившим ее кризисом потребовала в 1929 г. уменьшить, точнее, “упорядочить” ее сумму репарационных платежей, поскольку по плану Дауэса не решили вопрос о репарациях окончательно, а только установили сумму ежегодных платежей. Решен был этот вопрос на основе плана Юнга, когда в Гааге подписали соглашение, установившее сумму репараций 113,9 млрд золотых марок, которую предстояло погасить в течение 57 лет¹³². По мораторию Герберта Кларка Гувера в 1931 г. платежи репараций с Германии были приостановлены, а в следующем году по договору, подписанному в Лозанне, они вообще были сняты взамен одноразовой выплаты ею 3 млрд марок.

В 1929 г. страны Антанты обсуждали вопрос о репарациях из Австрии, Венгрии и Болгарии. 7 сентября поверенный в делах Великобритании в Венгрии информировал венгерскую сторону о намерении в Лиге наций образовать комиссию с це-

лю упорядочить репарации с названных трех стран, а также о том, что Венгрия может прислать двух своих представителей на те заседания, когда будет обсуждаться ее вопрос.

В конце сентября государства Антанты созвали в Париже конференцию в целях установления репараций с Австрии, Венгрии и Болгарии и подготовки нового проекта соглашения. И. Бетлен направил туда полномочную делегацию во главе с бывшим министром финансов бароном Фридьешем Корани. Представители стран Антанты связали платежи по репарациям с делом оптантов: если венгерское правительство настаивает на компенсации, оно должно платить репарации и после 1943 г., причем в еще большей сумме (до того Венгрия ежегодно платила по 10 млн золотых корон), и из этой суммы можно вознаградить оптантов. 11 октября Ф. Корани направил в Будапешт зашифрованную телеграмму, в которой запрашивал, готова ли Венгрия одновременно обсуждать вопрос об оптантах и о репарациях¹³³. Венгерское правительство это предложение отклонило, считая его неприемлемым для себя.

12 октября Л. Валко направил в Рим телеграмму венгерскому посланнику А. Хори: "Премьер-министр не может отказаться от политики, которую он последовательно проводил в течение пяти лет", соединение дела оптантов с вопросом о репарациях он отвергает. Министр указывал, что премьер считает своим долгом, учитывая тесную дружбу двух стран, информировать Муссолини и Гранди: развитие событий ставит венгерское правительство перед выбором или прервать переговоры, или пожертвовать законными интересами оптантов. Премьер-министр, будучи лицом заинтересованным, считает для себя невозможным с этической точки зрения решать эту дилемму, он готов подать в отставку с тем, чтобы ее обсуждало новое правительство, в котором он участвовать не будет. Муссолини не рекомендовал И. Бетлену подавать в отставку как по внешнеполитическим, так и по внутривнутриполитическим соображениям. Еще более откровенным был ответ Д. Гранди, который, ссылаясь на искреннюю дружбу, просил не жертвовать собой ради интересов малой группы граждан, поскольку репарации ложатся своей тяжестью на всю нацию¹³⁴.

Венгерское правительство, разочарованное советами лучшего друга — Италии, настаивало на своем. 15 октября Л. Валко дал указание Ф. Корани передать комиссии от имени

венгерской делегации ноту, в которой содержались следующие требования: 1) исключить вопрос оптантов при обсуждении сумм репараций; 2) не платить репараций после 1943 г. (упорядочение других долгов следует значительно уменьшить по сравнению с ежегодными взносами репараций); 3) пенсии чиновникам, переселившимся в Венгрию с территорий соседних стран, должны платить правительства этих стран¹³⁵.

Вопрос о репарациях затрагивал и интересы Италии, поэтому неудивительно, что Валко в письме от 18 октября в адрес Хори пытался разъяснить: дело оптантов вот уже в течение пяти лет составляет один из основных приматов внешней политики Венгрии. Венгерский посланник должен был ознакомить Гранди с мнением правительства Венгрии. Однако ни венгерские делегаты в Париже во главе с Ф. Корани, ни венгерские посланники в Лондоне и Париже И. Рубидо-Зичи и Фридьеш Виллани не одобряли указанные выше требования Л. Валко, считая их неосуществимыми. Особенно безнадежным казалось требование о выплате пенсий, которое "уже действует против нас". Они подчеркивали, что все великие державы хотят решать вопрос о репарациях вместе с проблемой оптантов¹³⁶.

Осенью 1929 г. венгерское правительство, проявившее неуступчивость и цеплявшееся за вознаграждение оптантам, оказалось в очень сложном положении. С одной стороны, если оно не согласится объединить вопрос репараций с делом оптантов, у него не будет способа вознаградить последних. С другой стороны, если оно откажется платить и в дальнейшем репарации, ссылаясь на свою бедность, оно лишится кредитов, которые Венгрии так были нужны в условиях начавшегося мирового экономического кризиса.

После длительных и тяжелых переговоров правительство И. Бетлена, прежде всего, исходя из внутривнутриполитических соображений, вынуждено было отступить. Премьер и венгерская пресса в течение многих лет твердили, что трансильванским оптантам должны выплатить компенсацию румыны и что потерявшие свои имения венгерские магнаты не могут получать вознаграждение за счет венгерских налогоплательщиков. Парижская конференция закончилась в целом безрезультатно, хотя все ее участники понимали, что принципиальное соглашение все-таки будет достигнуто.

В январе 1930 г. в Гааге начала работу конференция, на которую прибыл лично премьер И. Бетлен в сопровождении Л. Валко и Ф. Корани. Согласованного предложения двух сторон (Венгрии и Румынии) еще не было. Правительство Бетлена по совету Италии заявило, что Венгрия не может брать на себя новые репарационные платежи, в крайнем случае, речь может идти только об изменении обязательств, вытекавших из мирного договора, но которые были бы значительно меньше репараций. Тем самым Бетлен фактически согласился с одно-временным обсуждением вопросов о компенсации и о репарациях.

Для уточнения и конкретной разработки этих вопросов была создана специальная комиссия Лиги наций, заседавшая параллельно с Гаагской конференцией в Париже с 10 по 19 января 1930 г. На заседание комиссии прибыл министр финансов Венгрии Ш. Векерле. Представитель Италии внес предложение от имени стран-победительниц в войне, смысл которого заключался в том, что возмещение конфискованного имущества оптантов должно происходить из специально созданного для этой цели фонда. С 12 января на заседании комиссии участвовал и И. Бетлен. Он поднял вопрос о том, что из фонда вознаграждения венгерских беженцев (оптантов) нельзя будет удовлетворить другие претензии, как компенсация Габсбургов, проживавших в Венгрии, за земли, изъятые у них в соседних странах, акции держателей, в основном местного значения узкоколейных железных дорог и др. На заседании комиссии И. Бетлен потребовал от Румынии 130 млн золотых корон, от Чехословакии 100 млн, а от Югославии 80 млн. 14 января на заседание комиссии были приглашены представители Венгрии и стран Малой Антанты, но достигнуть соглашения ни по одному из вопросов не удалось.

Через два дня И. Бетлен согласился вносить в этот фонд с 1943 по 1966 г. по 8 млн золотых корон, что составило 184 млн корон дополнительных обязательств. Переговоры велись долго, и от Венгрии требовали дополнительно в указанные годы вносить в фонд по 14 млн золотых корон. Бетлен на это не согласился, но высказался за изменение венгерских требований по отношению к трем странам: сумма снизилась с 310 млн до 260. Позднее он согласился на 250 млн золотых корон.

18 января под председательством премьер-министра Франции А. Тардье в Гааге на совещании глав делегаций обсуждался вопрос венгерских репараций и оптантов. Приглашена была и венгерская делегация, в состав которой вошли Бетлен, Валко, Векерле и Корани. На этот раз основной проблемой стало вознаграждение венгерских эрцгерцогов, для чего предлагалось создать фонд "Б" на сумму в 100 млн золотых корон, который состоял из 40 млн отнятых из фонда "А" и из других источников, в том числе увеличение выплаты по репарациям с 1943 г. 19 января И. Бетлен согласился с тем, чтобы общая сумма выплат после 1943 г. ежегодно составила 15,5 млн. И. Бетлену обещали, но не гарантировали открыть путь для займов на Западе¹³⁷.

20 января вторая по счету Гаагская конференция одобрила соглашение, согласно которому Венгрия обязалась дополнительно (к установленной в 1924 г. сумме в 200 млн) уплатить равными ежегодными долями до 1966 г. еще 310 млн золотых корон. После 28 апреля 1930 г. были подписаны окончательные Парижские соглашения, упразднена Репарационная комиссия¹³⁸, освобождены из-под секвестра целые отрасли венгерской экономики. Так, в виде договора получил окончательное оформление план Юнга.

Правительство И. Бетлена и поддерживавшая его печать пытались выдать за внешнеполитический успех решение как проблемы репараций, так и оптантов¹³⁹. Правительство постаралось быстро провести через парламент ратификацию этих соглашений, хотя ему и пришлось выслушать несколько разоблачительных выступлений со стороны представителей либеральной (К. Рашпай) и социал-демократической оппозиции (К. Пейер)¹⁴⁰.

В итоге было снято основное препятствие к улучшению венгерско-румынских отношений, но, несмотря на это, они не смягчились и в будущем. Платежи же по репарациям с Венгрии в условиях набравшего все более широкие размеры кризиса были отсрочены в 1931 г., а в 1932 г. фактически упразднены. Следовательно, ликвидировались не успевшие родиться названные выше фонды, что свело на нет все старания правительства И. Бетлена вознаградить своих собратьев по классу и себя лично. В сложных условиях поражения кризисом сельского хозяйства, промышленности и финансовой системы перед

правлящими кругами встала новая задача: при помощи банковских заправил Запада спасти страну от полного банкротства и краха.

- ¹ Nemzetközi szerződések. 1918–1945. Összeál. Halmosy Dénes. Bp., 1966. 273–276. old.
- ² История внешней политики СССР, 1917–1975. М., 1976. Т. I. С. 255.
- ³ Там же. С. 256.
- ⁴ Nemzetközi szerződések. 273. old.
- ⁵ OL. K–64 (Berni követség). KÜM. 1943. 32. fõn. 1–9. 1.
- ⁶ Венгерский историк Дюла Юхас считает, что Венгрия “приобрела” себе немощного союзника, ибо Мусолини был похож на циркача, который бумажными гирями дурачил зрителя, создавая впечатление подъема тяжестей. (*Juhász Gyula. Magyarország külpolitikája. 1919—1945. Bp., 1975. 116. old.*)
- ⁷ A magyar ellenforradalmi rendszer külpolitikája. 1927. január 1 — 1931. augusztus 24. Bp., 1967, 100 – 106. old.
- ⁸ *Пушкаш А. И.* Внешняя политика Венгрии. Ноябрь 1918 — апрель 1927 г. М., 1981. С. 328.
- ⁹ Министр иностранных дел Венгрии Лайош Валко сообщал позже посланнику в Риме Андрангу Хори, что информацию об оружии в поезде добыли австрийские социал-демократы (OL. KÜM. Res. pol., 1928, 20, 148).
- ¹⁰ OL. KÜM. Sajtó res. 1928 – 37008; A magyar elleforradalmi rendszer külpolitikája. 115–116. old.
- ¹¹ Ibid. Res. pol., 1928, 35/a, 19.
- ¹² Ibid. 1928. 41, 19.
- ¹³ Ibid. 1928. 35/a. 82.
- ¹⁴ Ibid. 57.
- ¹⁵ Ibid. 98.
- ¹⁶ Pesti Napló. 1928. 22.II.
- ¹⁷ Ibid. 1928. 24.II.
- ¹⁸ OL. KÜM. Res. pol., 1928. 35a, 155.
- ¹⁹ Ibid. 167; KÜM. pol., 1928. 41, 64, 973. 1.
- ²⁰ OL. Filmtár, 10921. d., D – 580 065–580 066.
- ²¹ OL. KÜM. 1928. 41, 1736.

-
- ²² OL.KÜM. Pol., 1928. 41, 64, 81–88. 1.
- ²³ Pesti Napló. 1928. 28. III.
- ²⁴ Ibid. 1928. 6.VI.
- ²⁵ *Karsai Elek. Számjeltávirat valamennyi magyar királyi követségnek.* Bp., 1969. 390. old.
- ²⁶ OL. KÜM. Res/ pol., 1928. 23, 280 (260).
- ²⁷ Ibid. 226.
- ²⁸ *Nemes Dezső. A Bethlen-kormány külpolitikája. 1927–1931-ben.* Bp., 1964. 106.old
- ²⁹ OL. KÜM. Res.pol., 1928. 23, 368 (265).
- ³⁰ Ibid. 367 (265).
- ³¹ Ibid. 368.
- ³² Ibid. 440.
- ³³ Ibid. 1930, 23, 234.
- ³⁴ *Vásárhelyi Miklós. A lord és a korona.* Bp., 1977. 69–70. old.
- ³⁵ OL. KÜM. Sajtó, 1927. Res., 35 355.
- ³⁶ Ibid.
- ³⁷ *Vásárhelyi Miklós. Op. cit. 77. old.*
- ³⁸ Ibid. 78. old.
- ³⁹ Ibid.
- ⁴⁰ Ibid. 79. old.
- ⁴¹ Ibid.
- ⁴² Haus-Hof-und Staatsarchiv. 18 – 2310, 1927. 28.VI.
- ⁴³ OL KÜM. Res.pol., 1927., 41, 654.
- ⁴⁴ Ibid.
- ⁴⁵ OL. KÜM. Res.pol., 1928, 41, 325.
- ⁴⁶ OL. KÜM. Pol., 1928. Bizalmas levelek.
- ⁴⁷ Pesti Napló. 1928. 22.VI.
- ⁴⁸ Pesti Hírlap. 1928. 7.IX.
- ⁴⁹ Ibid. 1928. 14.X.
- ⁵⁰ Ibid.
- ⁵¹ Nemzeti Újság; Pesti Hírlap. 1928. 17.X;19.X.
- ⁵² Neues Wiener Journal. 1928. 23.X.
- ⁵³ Képviselő Napló. 1928. Nov. 14.
- ⁵⁴ Magyarország. 1928. 20.XI.
- ⁵⁵ Képviselő Napló. 1928. Dec. 4.

-
- ⁵⁶ Pesti Napló. 1928. 23.XI.
⁵⁷ Ibid. 1929. 23.I.
⁵⁸ Pesti Hírlap. 1929. 10.I; 1923. 2.III.
⁵⁹ A magyar elleforradalmi rendszer külpolitikája. 77 – 78. old.
⁶⁰ *Nemes Dezső*. Op. cit. 115 – 121. old.
⁶¹ Népszava. 1927. 20.VII.
⁶² Nemzeti Újság. 1927. 19.VII.
⁶³ OL KÜM. Res. pol., 1927. 20, 574.
⁶⁴ Ibid.
⁶⁵ Ibid. 23, 455.
⁶⁶ Ibid. 20, 561.
⁶⁷ A magyar elleforradalmi rendszer külpolitikája. 173–177. old.
⁶⁸ Ibid. 199–200. old.
⁶⁹ OL. KÜM. Res. pol., 1929. 20 (1928).
⁷⁰ Ibid. 20, 417.
⁷¹ Ibid. 1928. 20, 405.
⁷² Ibid. 1929. 20, 417.
⁷³ Ibid. 1929. 20 (Iktatlan).
⁷⁴ Ibid. 1929. 20, 417.
⁷⁵ A magyar elleforradalmi rendszer külpolitikája. 217–218. old.
⁷⁶ Pesti Napló, Népszava. 1928. 9.X.
⁷⁷ A Reggel. 1928. 8.X.
⁷⁸ Magyarország. 1928. 8.X.
⁷⁹ OL. KÜM. Res. pol., 1929. 20, 581.
⁸⁰ Ibid. 1928. 20, 700.
⁸¹ OL. KÜM. 1928. 20, 765.
⁸² Új Nemzedék. 1929. 25.II.
⁸³ OL. KÜM. Res. pol., 1929. 20, 231.
⁸⁴ A magyar elleforradalmi rendszer külpolitikája. 271. old.
⁸⁵ Ibid. 272. old.
⁸⁶ OL. KÜM. Res. pol., 1929. 20, 330.
⁸⁷ Ibid.
⁸⁸ A magyar elleforradalmi rendszer külpolitikája. 293. old.
⁸⁹ Ibid. 297–299. old.
⁹⁰ OL KÜM. Res. pol., 1929. 30. 336.
⁹¹ Ibid. 330.

-
- ⁹² A magyar elleforradalmi rendszer külpolitikája. 311. old.
- ⁹³ Pesti Hírlap. 1929. 16. VIII.
- ⁹⁴ *Karsai Elek*. Számjeltávirat. 416. old.
- ⁹⁵ Magyarság; Nemzeti Újság. 1929. 25. VIII.
- ⁹⁶ OL. KÜM. 1929. 20, Iktatlan. 42. 1.
- ⁹⁷ A magyar elleforradalmi rendszer külpolitikája. 324–326. old.
- ⁹⁸ *Karsai Elek*. Számjeltávirat. 419. old.
- ⁹⁹ A magyar elleforradalmi rendszer külpolitikája. 329–332. old.
- ¹⁰⁰ *Karsai Elek*. Számjeltávirat. 420. old.
- ¹⁰¹ *Ibid.* 422. old.
- ¹⁰² OL. KÜM. Res. pol., 1929. 20, 635.
- ¹⁰³ *Ibid.* 635; 768; 782.
- ¹⁰⁴ OL. K – 99, 1928. 5. pol., 4. 1.
- ¹⁰⁵ *Ibid.* 7. 1.
- ¹⁰⁶ *Ibid.* 8. 1.
- ¹⁰⁷ Budapesti Hírlap. 1927. 21. XII.
- ¹⁰⁸ OL. K–99. 1928. 5; KÜM. Res. pol., 1927. 180, 23.
- ¹⁰⁹ *Karsai Elek*. Számjeltávirat. 446–447. old.
- ¹¹⁰ OL. KÜM. Res. pol., 1927. 41, 654.
- ¹¹¹ *Ibid.* 655.
- ¹¹² OL. K – 99. 1928. 31.
- ¹¹³ OL. K – 64. 1928. 37603.
- ¹¹⁴ OL. K – 99. 1928. 76.
- ¹¹⁵ *Ibid.* 12. 1.
- ¹¹⁶ *Ibid.* 13–15. 1.
- ¹¹⁷ *Ibid.* 16. 1.
- ¹¹⁸ OL. K – 64, 1928. 27, 661 (251).
- ¹¹⁹ *Ibid.*(262).
- ¹²⁰ *Ibid.*
- ¹²¹ *Ibid.*
- ¹²² *Ibid.*
- ¹²³ OL. K – 66. Kabinet. 1928. 88.
- ¹²⁴ Pesti Napló. 1929. 22. V.
- ¹²⁵ *Ibid.* 1929. 26. X.
- ¹²⁶ OL. ME, MT jkv., 1928. okt. 15.(I).
- ¹²⁷ OL. K – 66, 1928. 27, 773.

-
- ¹²⁸ Ibid. 1929. 27, 181.
- ¹²⁹ OL. K – 64, 1929. 27, 484.
- ¹³⁰ Ibid. 443.
- ¹³¹ A magyar elleforradalmi rendszer külpolitikája. 322–323. old.
- ¹³² *Juhász Gyula*. Op. cit. 130. old.
- ¹³³ OL. KÜM. Kabinet. 1929. 158, 159, 167.
- ¹³⁴ *Karsai Elek*. Számjeltávirat. 455. old.
- ¹³⁵ OL. KÜM. Kabinet. 1929. 189, 202.
- ¹³⁶ Ibid. 179.
- ¹³⁷ Ibid. 1930. 1939.
- ¹³⁸ *Juhász Gyula*. Op. cit. 132. old.
- ¹³⁹ Nemzeti Újság. 1930. 31.I.
- ¹⁴⁰ Képviselő Napló. 1930. 16, 20, 21. május.

Глава вторая. Венгрия и Балканы

Венгерско-турецкие отношения

Положение на Балканах привлекало внимание всех великих западных держав. К концу 1927 г. явно уменьшалось влияние Франции в Центральной и Юго-Восточной Европе. И тем не менее она стремилась объединить под своей эгидой балканские страны, прежде всего восстановить союзнические отношения между Югославией и Грецией и постепенно склонить последнюю, как и Польшу к сотрудничеству с Малой Антантой, сохранив неколебимость французского влияния над целым регионом.

Кроме того, дипломатия Франции, сохраняя дух и идеи Локарно, усиленно трудилась в Афинах и Анкаре над установлением добрососедских отношений между Грецией и Турцией с тем, чтобы у последней не было причин выступать против создания намеченного ею союза на Балканах. Турция, со своей стороны, самой большой опасностью считала создание какой-либо великой державой под своей опекой балканской унии без турецкого участия. Следовательно, во внешней политике Турция ориентировалась на создание Балканского союза при ее активном участии или же на сохранение на Балканах двух противоположных группировок с тем, чтобы при поддержке одной из них сохранять необходимое для себя равновесие на Балканах. А это означало, что она или войдет в дипломатическую игру, которую вела Франция, или поддержит Италию, которая имела свои планы на Балканах (при условии, что та даст гарантии об отсутствии претензий Италии по отношению к ней).

Венгерский посланник в Анкаре Ласло Тахи заверял своего министра иностранных дел, что профранцузский вариант упрочил бы Малую Антанту и создал для Венгрии пагубное

положение¹. Он писал о наметившемся соревновании между Францией и Италией на Балканах.

Тахи информировал МИД Венгрии о стремлении министра иностранных дел Турции Тевфик Рюштю-бея (Араса) к согласованию внешнеполитических линий двух стран, о его замысле разделить Балканы и при молчаливом согласии Германии осуществить следующую политическую комбинацию: создать противостоящую империализму западных держав чисто восточную группировку государств, которая фактически стала бы коалицией побежденных в войне народов.

Тевфик Рюштю-бей считал, что если бы Венгрия заключила с Турцией договор, аналогичный подписанному с Италией, она обрела бы еще одну козырную карту, а вступив в политические сношения с русскими, увеличила бы свой политический вес в Бухаресте. Турция, в свою очередь, сблизилась бы с Италией, а турецко-венгерский договор серьезно парализовал бы французское влияние в Афинах, и Венгрия вновь поднялась бы в глазах Белграда.

Комментируя высказывания турецкого министра иностранных дел, Л. Тахи отметил, что венгерско-турецкий договор об арбитраже и дружбе с точки зрения политической не принесет ощутимой пользы, хотя с точки зрения культурных и экономических связей он, несомненно, был бы полезен и в широких кругах населения вновь возбудил бы чувства традиционной дружбы².

30 декабря 1927 г. Л. Валко направил Л. Тахи шифрованную телеграмму, в которой просил передать министру иностранных дел Турции, что сообщение о согласовании внешней политики в Будапеште приняли к сведению с благодарностью. Из-за венгерско-румынского спора об оплантах Венгрии пришлось отклонить пять аналогичных предложений других правительств, но, как только препятствия будут устранены, венгерская сторона готова, как говорилось в телеграмме, вернуться к этому вопросу³. 11 февраля 1928 г. Л. Тахи сообщил в МИД Венгрии: Тевфик Рюштю-бей отметил, что он и не рассчитывал на немедленное осуществление идеи о согласовании и ждет инициативы с венгерской стороны; он разъяснил,

что Турция подписывает договор об арбитраже и нейтралитете с теми странами, которые берут на себя обязательства о ненападении⁴.

2 апреля 1928 г. Иштван Бетлен инкогнито прибыл в Милан для встречи с Б. Муссолини (даже сотрудники венгерского посольства в Италии не знали об этом). Основной целью визита было договориться о согласованных политических акциях и прежде всего способствовать приходу к власти в Австрии правых. В ходе беседы И. Бетлен упомянул о предложении Тевфик Рюштю-бея заключить с его страной договор об арбитраже и о ненападении и об уклончивом ответе венгерского правительства. Дуче ввел венгерского премьера в курс внешнеполитического замысла Италии, над которым он работал. Составной частью этого замысла являлись переговоры, которые Муссолини тогда вел в Милане с министрами иностранных дел Греции и Турции. Он обсуждал с ними "пакт трех", в котором бы эти государства, а также Италия обещали друг другу нейтралитет в случае нападения на одну из договаривающихся сторон. При этом пакт предстояло дополнить договором об арбитраже и о ненападении. Суть вопроса заключалась в том, по мнению Муссолини, чтобы Греция и Турция подписали между собой похожее соглашение, в результате чего в восточной части Средиземноморья была бы создана группа стран под итальянским руководством. По его планам позднее к этой группе должна была присоединиться и Болгария, с которой дуче уже договорился, а затем привлек бы и Румынию.

На вопрос И. Бетлена, заключать ли Венгрии соглашение с Турцией, Муссолини посоветовал после завершения переговоров Италии с Турцией и Венгрии подписать аналогичный договор⁵. Венгерский главный консул в Милане организовал по инициативе венгерского премьера на квартире турецкого консула тайную встречу Тевфик Рюштю-бея с Иштваном Бетленом. Последнего беспокоило только то, чтобы турецкий консул не знал, что встреча состоялась по его предложению. Во время этой встречи стороны договорились: как только венгерское правительство узнает о достижении итало-турецко-

греческого соглашения, венгерская сторона внесет предложение начать венгерско-турецкие переговоры⁶.

Тройственный итало-турецко-греческий пакт подписан не был, но, несмотря на это, стороны вернулись к плану венгерско-турецкого договора о нейтралитете. 30 мая 1928 г. был подписан итало-турецкий договор о ненападении. Причём по дипломатическим каналам венгерскую сторону не только информировали о причине ускорения его подписании (Венизелос хотел заключить договор с Югославией и склонить к этому же и Турцию), но и разъяснили, что Турция не может немедленно подписать соглашение с Венгрией, чтобы не отпугнуть Болгарию заключить аналогичный договор с Турцией. Следовательно, по тактическим соображениям подписание договора с Венгрией переносилось на более поздний период, точнее — на осень⁷. К тому же Болгария, заинтересованная в доброй воле Антанты, по мнению венгерского посланника в Константинополе Л. Тахи, и не осмеливалась до завершения переговоров открыто присоединиться к комбинации Италия—Греция—Турция—Венгрия. И. Бетлен согласился с этими выводами. Тем более, как отмечал венгерский посланник в Турции, “от поспешного заключения пакта” Венгрия ничего не выиграет. Напротив, если она подождет и увидит конкретные проявления итало-турецкого пакта, то сможет использовать его в своих интересах⁸.

В середине августа 1928 г. в Будапеште Тевфик Рюштюбей вел переговоры, в том числе и по проблеме упомянутого выше договора. В конце года, когда соглашение было подготовлено, турецкая сторона попыталась склонить Венгрию к установлению дипломатических отношений с Советским Союзом. 22 декабря Тевфик Рюштюбей пригласил к себе венгерского посланника и передал следующее послание венгерскому правительству: выполняя высказанные ранее Бетленом и Валко пожелания, осуществлен зондаж у советского правительства, склонно ли оно установить с венгерским правительством дипломатические отношения. И. Бетлен отрицал упомянутое желание и заявил, что он “лично такого не говорил”⁹. Сегодня трудно установить, была ли это инициатива турецкого прави-

тельства или же на самом деле просьба венгров. Если И. Бетлен и просил турецкую сторону осуществить зондаж в Москве, то в изменившейся обстановке (выяснение отношений с Румынией) предложение СССР о немедленном вступлении в силу пакта Бриана—Келлога он не принял.

Между тем 5 января 1929 г. в Будапеште был подписан венгерско-турецкий договор об арбитраже и нейтралитете. В том же году был продлен советско-турецкий договор о дружбе и нейтралитете и подписан турецко-болгарский договор об арбитраже и нейтралитете.

В марте 1930 г. министр иностранных дел Венгрии Лайош Валко нанес ответный визит в Анкару Тевфик Рюшгюбею, побывавшему ранее в Будапеште. По дороге он остановился в Софии и имел беседу с министром иностранных дел Болгарии Атанасом Д. Буровым. К этому времени югославно-болгарские отношения значительно улучшились и даже велись разговоры об объединении двух стран. Валко заметил, что затяжка с ратификацией болгарско-чехословацкого договора об арбитраже со стороны Чехословакии, по всей видимости, объясняется тем, что чехи хотели бы добиться аналогичного договора Болгарии с Югославией и что Болгария рано или поздно вслед за болгарско-чехословацким договором о дружбе будет принуждена идти вместе с Малой Антантой. Буров ответил, что так не считает, поскольку он проводит такую же политику, как и Венгрия, т. е. не признает Малую Антанту как единое целое и ведет переговоры с каждым из государств в отдельности.

В Анкаре Л. Валко был принят президентом Мустафой Кемаль-пашой (Ататюрком), премьер-министром Исмет-пашой (Иненю) и министром иностранных дел Тевфиком Рюшгюбеем. Из этих бесед венгерский министр сделал вывод, что турки очень боятся объединения Югославии с Болгарией и поэтому “привязываются к нам”. Кемаль живо интересовался проблемами, стоящими перед Венгрией, — делами национальных меньшинств, военными ограничениями, контролем Лиги наций, вопросом о короле. Его занимали родственные отноше-

ния турок, болгар и венгров, и для начала он считал нужным установить более тесные культурные связи.

С премьером и министром иностранных дел Валко долго обсуждал ряд вопросов мировой политики и отношений с соседями. Тевфик Рюштю-бей вновь напомнил, что Венгрии хорошо бы признать Советский Союз и установить с ним дипломатические отношения, но Валко отклонил это предложение. Причем венгерский министр ответил, что И. Бетлен на протяжении всей своей деятельности на посту премьера не снимал данного вопроса, однако это единственный пункт его программы, по которому он вынужден был уступить давлению со стороны части своей партии¹⁰. Судя по записи беседы, Л. Валко сказал неправду, он не назвал основной причины — отрицательного отношения регента М. Хорти к установлению дипломатических отношений с СССР.

Возвращаясь в Будапешт, Л. Валко в Софии вновь встретился с Буровым. Венгерский премьер-министр И. Бетлен при встрече с Муссолини в апреле отметил по этому поводу, что прежде Буров, встречаясь в Женеве, “не осмеливался даже поздороваться с нами”, если француз был близко, а при поездке в Турцию Л. Валко он дважды вышел к нему на вокзал и имел с ним беседу и даже пообещал навестить его в Будапеште. И. Бетлен высказал Муссолини мысль, что в Болгарии премьер-министр Андрей Ляпчев из-за неприязненного поведения сербофила Александра Цанкова вынужден опираться на Бурова. По мнению Бетлена, Буров не такой сербофил, каким хочет казаться, подерживая с Югославией и Францией хорошие отношения до решения трудного для Болгарии вопроса о репарациях¹¹.

В конце мая 1930 г. И. Бетлен высказал турецкому посланнику в Будапеште М. Эркин Бехич(Бехидь)-бею свое желание посетить Турцию. Узнав об этом через греческого посланника в Турции, Тахи написал донесение министру иностранных дел Валко, в котором выразил удивление, что его не информировали об этом. Но, проглотив горькую пилюлю, он поддерживал намеченный на октябрь визит и перечислил те вопросы, которые, по его мнению, Бетлен мог бы обсудить с

руководителями Турции: итало–турецко–греческие отношения; привлечение на свою сторону Болгарии; недопущение создания Балканской унии под эгидой Франции; провал плана Европейской федерации Бриана; изоляция Югославии; общая акция против Малой Антанты и др¹².

И. Бетлен прибыл в Анкару 27 октября 1930 г. О ходе переговоров у венгерской стороны сохранились три важнейшие документа: продиктованные И. Бетленом 7 ноября 1930 г. записи бесед с Мустафой Камалем и премьер–министром Исмет–пашой, а также обобщение, составленное посланником в Анкаре Л. Тахи. Последний присутствовал на беседах с турецким премьером и министром иностранных дел, а также турецким посланником в Будапеште, по ходу беседы записей он не вел а составил сообщение по памяти 17 ноября 1930 г.

Беседа Бетлена с Исмет–Пашой и Тевфик Рюштю–беем состоялась 28 октября на квартире премьер–министра. Тевфик Рюштю–бей информировал Бетлена о том, что у Турции вообще нет территориальных претензий ни к кому и что границы, установленные мирным договором 1923 г. , она признает законными. Несмотря на это, Турция, по его словам, симпатизирует Италии и Венгрии в их стремлении осуществить ревизию границ, считая, правда, своим долгом заявить, что не готова в случае необходимости поддержать эти устремления оружием.

Главы двух правительств информировали друг друга о своих отношениях с соседними странами. Исмет–паша подробно рассказал о связях Турции с Советским Союзом. Как отмечал Тахи, И. Бетлен на вопрос турецкого премьера, готова ли Венгрия установить дипломатические отношения с Советами, Бетлен ответил, что во внешней политике между Венгрией и СССР нет противоречий, поэтому они вполне могли бы стать даже союзниками, невзирая на внутреннее устройство советского правления. Согласно записи Л. Тахи, венгерский премьер заявил, что для него очевидны преимущества установления дипломатических связей с Советским Союзом, но по исключительно внутривластным причинам он пока не может добиться согласия на это парламента.

В записи, продиктованной И. Бетленом, этот сюжет отсутствует, хотя подробно, в нескольких пунктах, освещаются интимные венгерско-итальянские отношения и ставится вопрос о тройственном турецко-греческо-болгарском пакте. Учитывая отношения с Францией и Англией, Греция, по его словам, отклонила план итало-турецко-греческого пакта трех и не захотела установления тесных связей с Италией. После подписания греческо-турецкого договора Греция политически может отойти от Италии, во избежание чего Бетлен предложил заключить тройственный турецко-греческо-болгарский договор. Если бы это удалось, как заявил он, изоляция Югославии стала бы фактом.

Исмет-паша поднял вопрос о возможной реакции на такой ход событий в противоположном политическом лагере. Рюштю-бей полагал, что Франция еще теснее в таком случае сплотится с Малой Антантой и скорее всего, предпримет меры к югославно-греческому сближению и созданию Балканской унии. На это Бетлен с иронией заметил: не нужно бояться, что Париж насторожит наша дружественная политика в отношении Греции и Болгарии, ибо Венизелос и Буковинский поспешат там объяснить, что их сближение друг с другом и Турцией в первую очередь служит интересам Франции¹³.

В период своего пребывания в Анкаре И. Бетлен встретился с Е. Венизелосом, тогдашним премьер-министром Греции, и сообщил ему об идее греческо-болгарско-турецкого тройственного пакта, но тот не дал положительного ответа.

О встрече с президентом Турции Кемалем И. Бетлен заметил, что перед продолжительной беседой они в течение получаса говорили об общих чертах, присущих венгерской и турецкой нациям. Затем последовал обмен историческими познаниями о туранских народах, к которым причислялись турки, болгары и венгры, и в конце концов был сделан вывод о естественности и необходимости их союза. Оба государственных деятеля обсуждали вопрос добрососедских отношений Турции с Грецией и Болгарией и намерение Турции добиться постоянных хороших отношений между Грецией и Болгарией. Мустафа Кемаль подчеркнул, что, если бы это удалось осуществить,

интересы Турции на Балканах были бы удовлетворены. Как только Кемаль и Бетлен затронули вопрос об Югославии, последний счел нужным изложить свою антиславянскую позицию. Он вспомнил и балканские войны, утверждая, что империалистическую политику Югославии на Балканах заложил еще Пашич и что на первом этапе ее осуществления Турция лишилась большинства земель, а в годы второй Балканской войны у Австро-Венгрии были отняты территории, населенные славянами. В будущем, по утверждению Бетлена, планируется создание великой славянской империи, в которую окажется вовлечена и Болгария, и политика этой империи будет направлена против Стамбула, Салоник и, наконец, против Адриатики. Венгерский премьер подчеркнул, что славянская балканская программа является интегральной частью панславистских устремлений, руководство которой теперь перешло от России к Чехословакии, но, как только Россия окрепнет, к ней опять перейдет контроль над этой программой, главной целью которой является разрушение венгерско-румынского барьера между северными и южными славянами и подчинение славянскому господству территории от Ледовитого океана до Эгейского моря. И. Бетлен и Трианонский мирный договор считал шагом на пути к осуществлению этого плана (отрезали часть территории Венгрии на юге и севере). Премьер вспомнил о попытке установления коридора между Чехословакией и Югославией, а также обратил внимание на Руську Крайну (Закарпатскую Украину) как связующее звено с русскими.

На вопрос М. Кемалья, есть ли признаки того, что Советский Союз действует в интересах панславистской программы, И. Бетлен вынужден был дать отрицательный ответ, хотя не исключал этого в будущем. Он изложил планы Венгрии, направленные против панславистской политики: оттеснить сербов за линию Дуная и Дравы, а на севере установить границы Венгрии по линии Карпат, "ибо только так можем защитить себя от славянской опасности"¹⁴.

На вопрос президента, каковы планы Венгрии в отношении Румынии, венгерский премьер ответил, что Румыния должна вернуть те территории, которые простираются до гра-

ниц прежней, исторической Трансильвании, а саму Трансильванию сделать независимым государством, в котором румынское, венгерское и немецкое население по примеру швейцарской конфедерации обладало бы полной автономией. Трансильвании необходимо сохранить с Венгрией тесные экономические связи. Президент заметил, что Турция могла бы оказать помощь Венгрии в решении спорных вопросов с Югославией и Румынией, но не знает, какую пользу для Венгрии она могла бы оказать в отношении Чехословакии. Ответ И. Бетлена был откровенным: если удастся развалить Малую Антанту и оставить Чехию изолированной или же создать такую комбинацию, вследствие которой Югославия и Румыния оказались бы связанными, Венгрия решит спорные вопросы с Чехословакией и без чужой помощи.

В ходе беседы Мустафа Кемаль задал и такой вопрос, который, по признанию И. Бетлена, поразил его, а именно: как повела бы себя Венгрия в отношении Балканского блока? Премьер-министр ответил: подобная политическая комбинация несовместима с интересами Венгрии, она не станет препятствовать созданию блока только в том случае, если предварительно будут удовлетворены ее территориальные требования. Бетлен также сообщил Кемалю, что Венгрия безоговорочно доверяет режиму Муссолини и что между ними осуществляется теснейшее внешнеполитическое сотрудничество¹⁵.

Указанные выше документы свидетельствуют о том, что венгерская и турецкая стороны в принципе согласились занять негативную позицию в отношении Малой Антанты, плана создания Балканской унии и плана Бриана о пан-Европе. Из всех этих вопросов венгерскую дипломатию беспокоили главным образом первые два.

Балканский блок, в создании которого была заинтересована прежде всего Франция, призван был сохранять статус-кво на Балканах, т. е. установленные в 1919—1920 гг. границы, что, с точки зрения руководителей Венгрии, стало бы еще одним, наряду с Малой Антантой препятствием на пути осуществления венгерских реваншистских устремлений.

Современные венгерские историки сходятся в том, что у Турции и Венгрии не имелось основы для тесного внешнеполитического сотрудничества. Именно поэтому в ходе поездки венгерской делегации в Анкару не удалось достичь серьезных результатов и соглашений. Отсутствие необходимого для обеих стран внешнеполитического сотрудничества прикрывалось обильными речами о родственных связях двух народов. Дело в том, что в межвоенный период широко пропагандировалось, учитывая бесспорный факт наличия тюркского элемента в венгерском языке, теория Армина Вамбери о тюркском происхождении венгерского народа в противовес теории Хунфалви об угро-финском его происхождении. Из этого и делался вывод о “традиционной” венгерско-турецкой дружбе.

Прошло немного времени и тайное стало явным. Ряд событий — приход к власти Гитлера в Германии, заключение “пакта четырех”, военные действия на Дальнем Востоке и др. — привели к значительным изменениям в политике некоторых стран, в том числе и Турции.

15 августа 1933 г. в Риме по инициативе Муссолини Великобританией, Францией, Италией и Германией был подписан “пакт четырех” “о согласии и сотрудничестве” во всех европейских и не только европейских вопросах. Пакт ставил своей целью обеспечить союзу роль арбитра в Европе и вызвал недовольство малых государств. Из-за противоречий между его участниками он так и не вступил в силу.

Между Италией и Францией продолжалось соперничество из-за Турции, которую считали ключом к Балканам: в зависимости от ее поведения та или иная великая держава могла обладать влиянием в указанном регионе. 18 октября 1933 г. венгерский премьер-министр Дюла Гёмбёш и министр иностранных дел Калман Каня отправились с визитом в Анкару и Софию. Как отмечал министр иностранных дел в информации для своей союзницы Италии, целью поездки в Софию было, во-первых, поддержать болгарское правительство “в его самостоятельности”, во-вторых, воспрепятствовать тому, чтобы Болгария несмотря на давление извне, вступила в Малую Антанту, и, в-третьих, не допустить того, чтобы в вопросе о ра-

зоружении она шла на уступки, могущие причинить вред Венгрии. В Турции венгерская делегация ставила своей задачей отговорить турецкое правительство от сотрудничества с Малой Антантой, что наблюдалось в последнее время, и по возможности закрепить это в тайном протоколе. Для того, чтобы успокоить общественное мнение в Европе, предполагалось принять такое совместное официальное коммюнике, которое публично свидетельствовало бы об общих турецко-венгерских интересах на Балканах¹⁶. Переговоры велись 20—21 октября.

Как признавал позднее К. Каня, поставленных целей венгерской делегации в Анкаре полностью достичь не удалось. Поездка подтвердила следующее: еще три года назад, т. е. во время посещения Турции Бетленом, мнения турецкого и венгерского правительств полностью совпадали в том, что интересам обеих стран противоречит создание на Балканах великого славянского государства или группы государств по примеру Малой Антанты. В 1933 г. ситуация изменилась и те же самые государственные деятели Турции — Мустафа Кемаль, Исмет-паша, Тевфик Рюштю-бей — придерживались иных взглядов на Малую Антанту. На словах они признавали нежелательность создания на Балканах великой славянской державы, но на деле не хотели признавать, что своей политикой в этом регионе упрочили позиции Малой Антанты.

В отношении Болгарии в Анкаре господствовали подозрение и раздражение, вызванные предположением, что Тракийский комитет в Болгарии ведет антитурецкую деятельность. Обиду вызывало и то, что болгары не хотели подписать с Турцией двустороннее соглашение о гарантиях тогдашних границ. Тевфик Рюштю-бей в своих нападках на Болгарию дошел до того, что заявил: если она не склонна гарантировать границу с Турцией, тогда последняя заключит соглашение на основе статус-кво со всеми соседями Болгарии и тем самым принудит Софию подписать соглашение. По словам Рюштю-бея, у него уже есть соглашение с Титулеску и, кроме того, он ведет переговоры с представителем другой страны.

К. Каня был удивлен тем, что Турция настойчиво добивалась закрепления всех своих границ в договорном порядке и что ее не удовлетворяла даже политика "свободных рук" Болгарии. Она не исключала того факта, что болгары по возможности в союзе с какой-либо великой державой могут спровоцировать беспорядки на Балканах, причем и президент, и премьер-министр, и министр иностранных дел были едины в этом мнении.

Венгерская делегация пыталась убедить руководителей Турции в отсутствии у Болгарии не только подобной возможности, но даже подобных намерений. Подозрения Турции могли толкнуть Болгарию в объятия Малой Антанты и усилить позиции этого блока, особенно Югославии, до такой степени, что был бы нанесен вред как Венгрии, так и Турции. Венгерские представители чувствовали, что в отношении Болгарии они не смогли добиться положительных результатов, но успокаивали себя заверением президента Кемалья, что Турция ни в коем случае не будет действовать в направлении, вредном для Венгрии, и, если бы что-то похожее наблюдалось, он готов оказать помощь, совместимую с турецкими интересами. Премьер-министр и министр иностранных дел Турции также обещали, что угрозы в адрес Болгарии отложат на шесть—восемь месяцев и постараются достигнуть с ней согласия. К. Каня отмечал, что в Софии его попросили предпринять шаги, направленные на восстановление добрососедских турецко-болгарских отношений.

Венгерский министр иностранных дел успокаивал себя и принятым тайным протоколом, в котором были заложены две политические идеи: возражение против образования славянской державы в виде Дунайской федерации и приверженность к сохранению независимости Болгарии. Кроме того, в торжественной обстановке был обновлен турецко-венгерский договор от 1929 г.

Венгерские государственные деятели видели отклонение во внешнеполитической линии Турции в стремлении этой страны сохранить в неприкосновенности свои границы (отсюда консультации с Малой Антантой), а также обеспечить спо-

койное положение на Балканах под собственным руководством. Малая Антанта хотела бы со своей стороны использовать данное положение с тем, чтобы лидировать на Балканах и попытаться прежде всего привлечь Болгарию.

Источником беспокойства Турции являлись, по мнению венгерских политиков, недоразумения в отношениях с Болгарией, которые преувеличивала Малая Антанта, а заключение пакта четырех затронуло чувства турецкого правительства, тем более когда распространились слухи о якобы имевшейся договоренности о разделе Турции. Заигрывая со всеми противниками Германии, Советский Союз, по словам венгров, увлек за собой находившуюся с ним в хороших отношениях Турцию на сторону Франции и Малой Антанты. Турецкие правящие круги до этого считали неизбежным в ближайшие два-три года возникновение японско-советской войны. Венгерские же политики тогда полагали, что СССР попросил Анкару обеспечить спокойствие на своих южных и западных границах.

Если К. Каня считал поездку венгерского премьера в Турцию полу-успехом, то путь в Софию оценил очень высоко¹⁷.

Царь Борис и болгарский премьер-министр Никола Мушанов заверили венгерских партнеров по переговорам о своем намерении сохранить политику свободных рук и не допустить вовлечь себя обманным путем в Малую Антанту или балканский блок. Царь сообщил о своем стремлении поддерживать хорошие отношения со всеми соседями и обещал постараться улучшить отношения с Турцией, выразив готовность успокоить турецкую сторону в деле безопасности границ, но без подписания пакта о гарантиях. Никола Мушанов подтвердил свое желание встретиться зимой с Исмет-пашой и переговорить с ним по данному вопросу.

Между прочим, болгарский премьер заявил, что он никогда не давал формального обещания своему турецкому коллеге заключить соглашение о гарантиях болгарско-турецкой границы, а лишь обратил внимание турецких представителей на то чрезвычайно плохое впечатление, которое произвело в болгарском общественном мнении турецко-греческое соглаше-

ние, повлекшее за собой бурную кампанию в болгарской печати и прохладный прием турецких министров в Софии¹⁸. По мнению К. Кани, судя по теплому приему венгерской делегации болгарским народом, в Болгарии с трудом могло бы удержаться правительство, которое проводило бы антантофильскую или просербскую политику.

Болгарское правительство успокоило венгерских партнеров по переговорам и в отношении конвенции о разоружении, заявив, что оно не собирается подписывать ее, поскольку это не приведет к установлению равноправия¹⁹. Болгарский премьер отметил, что из-за своего плохого экономического положения Болгария не может позволить себе вести большую политику, и рекомендовал туркам не связывать болгарско-турецкий вопрос с иными политическими проблемами.

После утомительной поездки в Софию разменявший седьмой десяток лет К. Каня отправился на несколько дней на отдых. В правительстве Турции тем временем явно нервничали, не получив информации из Будапешта об интересовавших их вопросе в Софии. Только после возвращения с отдыха Каня принял турецкого посланника в Будапеште и экспромтом высказал ему несколько мыслей, которые посланник свел в краткой телеграмме всего к двум пунктам: 1) по убеждению К. Кани, болгары — искренние друзья турок и 2) Н. Мушанов понимает опасения, возникшие у турок после посещения их премьер-министром и министром иностранных дел Софии, и заявляет, что Тракийский комитет не предъявляет претензий на турецкую территорию и будет стремиться тесно сотрудничать с турецкими министром иностранных дел и премьер-министром. Когда государственный секретарь турецкого МИД зачитал премьер-министру телеграмму посланника из Будапешта, тот взволнованно воскликнул: «Если бы я это предполагал, то, наверное, не совершил бы ошибку и не раскрыл. . . венгерским господам политического положения, особенно наших отношений с Болгарией»²⁰. Исмет-паша ждал от венгерской делегации прежде всего выяснения отношения болгар к турецко-греческому соглашению, которое для Турции имело большое значение. Он надеялся, что венгерская сторона даст

объективную оценку турецко-болгарско-греческим отношениям, хотя Турция имела и другие источники информации и могла узнать об истинных намерениях Болгарии.

Учитывая дружественное расположение Исмет-паши к Венгрии, венгерский посланник Л. Тахи рекомендовал дать турецкой стороне более полную информацию, тем более, что дальнейшее сближение Турции с Югославией и Румынией, по словам посланника, могло бы нанести ущерб и Венгрии.

В ответ на шифрованные телеграммы Л. Тахи Каня назвал неправдой тот факт, что он якобы не информировал турецкого посланника Бехид-бея о переговорах в Софии, и просил передать турецкому министру иностранных дел: венгерская сторона сделала все, чтобы Мушанов понял, как негативно настроена Турция в отношении Болгарии, причиной чему — волокита последней и уклонение от подписания турецко-болгарского пакта, а также агитация Тракийского комитета. Болгарский премьер тогда заявил, что не понимает возмущения турецкого правительства, ибо за несколько месяцев до этого он договорился с Тевфик Рюшгю-беем о возобновлении старого договора о дружбе. Он готов был сделать все для успокоения турецкого правительства, но заключать еще один — новый договор он не собирался потому, что в таком случае все соседи стали бы оказывать давление на Болгарию с целью вынудить ее подписать подобный договор, чего не желало общественное мнение.

Мушанов твердо заявил, что, если бы Тракийский комитет решился на действия, он с готовностью распустил бы его. Зимой Мушанов собрался поехать в Турцию якобы на отдых, может быть на о-в Принкино, с целью встретиться с турецкими министрами и развеять их опасения.

В Анкаре в присутствии посланника Тахи министр иностранных дел К. Каня заявил Т. Рюшгю-бею, что с удовольствием передаст в Софию послание турецкого правительства. «От меня, как венгерского министра иностранных дел, — писал К. Каня венгерскому посланнику в Анкаре, — пусть не ждут, чтобы я рекомендовал болгарам вообще отказаться от территориальных претензий, поскольку такое требование на-

ходится в противоречии с принципами собственной венгерской внешней политики”²¹. Он отмечал, что в ходе бесед с царем и премьер-министром убедился: болгарское правительство преисполнено самых искренних чувств в отношении Турции.

К. Каня сообщил Л. Тахи, что все это он изложил в Будапеште посланнику Бехидь-бею, о чем тот телеграфом известил свое правительство. Венгерский министр полагал, что турецкое правительство не помышляет о серьезном примирении с Болгарией и поэтому лучше бы его не просили о передаче послания в Софию.

Кроме того, Каня доверительно, только для сведения Тахи, писал, если бы он раньше знал о мании величия турецких государственных мужей, то не рекомендовал бы премьер-министру ехать в Анкару.

К. Каня дополнительно сообщал Тахи: из заявлений Н. Мушанова ясно, что он вообще не думает о возвращении Восточной Тракии. Что касается Западной Тракии, то там, по словам Мушанова, почти уже нет болгарского населения, но он из-за общественного мнения боится формально признать болгарско-греческую границу²², хотя Турция безоговорочно настаивает на этом.

Венгерский министр иностранных дел отмечал в телеграмме на имя Л. Тахи, что за выяснение всего этого он заслужил от турецкого правительства благодарность, а не упреки. 14 ноября Тахи шифрованной телеграммой доносил в МИД о передаче Исет-паше информации премьер-министра относительно встречи в Софии. Премьер Турции, придавая большое значение турецко-венгерской дружбе, признавал право Венгрии на дружественные отношения с Болгарией независимо от того, как складывались турецко-болгарские отношения. Его беспокоила деятельность Тракийского комитета, который вел агитацию против турок, проживавших в Болгарии, хотя министр иностранных дел Болгарии при встрече с Исет-пашой в Софии обещал распустить этот комитет, а теперь делал оговорку: если он “активно будет действовать”. Исет-паша, по словам Тахи, собирался сделать все, чтобы сохранить турецко-болгарские отношения.

За день до отправки телеграммы, т. е. 13 ноября, венгерский посланник имел беседу на ту же тему с министром иностранных дел Тевфик Рюштю-беєм. В позиции Н. Мушанова последний видел новое отступление, тот также говорил об условии, связанном с роспуском Тракийского комитета (“если бы он развернул активную деятельность”). Впрочем, Мушанов обещал распустить его в течение шести месяцев. На случай, если бы комитет начал активно действовать, как угрожал Т. Рюштю-бей, и не надо г-на Мушанова, ибо в таком случае турки видели бы в этом агрессию и сами бы покончили с комитетом на территории Болгарии, как сообщал Л. Тахи.

Турецкий министр иностранных дел обещал учесть полученную информацию для того, чтобы знать, какую позицию занять впредь в отношении Болгарии: враждебную или безразличную (он не давал обещаний на сближение с Болгарией). При принятии решений Турция учитывает, по словам Рюштю-бея, позицию и интересы своих сторонников, прежде всего Советского Союза, затем Греции и Венгрии и, наконец, Италии и Франции²³.

Сохранившаяся запись беседы от 20—21 октября 1933 г. о политических переговорах в Анкаре между главами правительств и министрами иностранных дел Венгрии и Турции в присутствии посланников в этих странах отразила позицию сторон по актуальным вопросам в международной политике. Беседа в повестке была сформулирована как “всеобщее политическое положение в Европе”, имея в виду главным образом Германию и Италию.

Первым попросили изложить свои взгляды К. Каню. Тот считал, что в результате установления нового (гитлеровского) режима в Германии положение в Европе значительно изменилось, хотя до этого сохранялись превосходные отношения между Германией и СССР, дружественные связи между Германией и Италией, а отношения франко-немецкие всегда были плохими.

В результате перемен в Германии усилились требования Франции к ней, Англия, которая прежде поддерживала хорошие отношения с Германией, целиком повернула против нее, а

судя по последним английским предложениям, она полностью переориентировалась на Францию.

Далее К. Каня говорил о том, что Италия пыталась посредничать, искала компромисса между Францией и Германией. Последняя соглашалась на договор о разоружении при двух условиях: немедленное признание равноправия и начало немедленного разоружения со стороны остальных. Франция возражала и требовала четырехлетнего испытательного срока. Если контроль покажет, что Германия в этот период не нарушит версальские ограничения, то французская сторона сама начнет разоружение. Германия с этим согласилась лишь при условии, что ей разрешат иметь такое же, как во Франции, оружие, хотя и не в таком количестве. Гитлер покинул совещание по разоружению, а Германия вышла из Лиги наций.

Но поскольку, по уставу, за Германией сохранялось членство в Лиге наций еще в течение двух лет, то могли оставаться в силе и пакт четырех и Локарно.

После выступления К. Кани слово взял Тевфик Рюштюбей. Он констатировал, что до возникновения "пакта четырех" очень хорошие отношения были между Германией, Турцией, Россией и Италией. Создание пакта и приход к власти Гитлера в Германии вызвали опасения у многих стран, например, у России и Малой Антанты. Пакт четырех разделил мир на две (восточную и западную) части. Между ними в настоящее время имеются, по словам Т. Рюштюбей, два моста: итало-турецкие отношения и франко-восточные. По его мнению, Германия изолирована, вновь пошатнулось доверие к ней и началась анархия. "Пакт четырех" действовать не сможет. Единственным результатом его является итало-французское сближение, в том числе и по австрийскому вопросу. Если конференцию о разоружении продлят, то можно рассчитывать на успех советско-польских предложений: не вооружение, а немедленное разоружение до определенного уровня²⁴.

Высказался и премьер-министр Венгрии Дюла Гёмбёш. Он полагал, что сегодня страны разделены на две группы — вооруженные и разоруженные. К первой относятся Франция и Малая Антанта. Поддержка Венгрией соглашения о разоруже-

нии зависит от признания ее равноправия на вооружение. Вновь взявший слово К. Каня выразил мнение, что мало надежд на соглашение между Берлином и Парижем, несмотря на заявление Гитлера о том, что если Германии вернут Саарскую область, то между Германией и Францией снимается территориальный вопрос, т. е. и вопрос об Эльзас-Лотарингии. Это же Гитлер сказал и французскому послу в Берлине Андре Франсуа-Понсе, а в Женеве министр иностранных дел Германии Константин Нейрат повторил министру иностранных дел Франции Ж. Поль Бонкуру. На заданный К. Каней Т. Рюштю-бею вопрос: готова ли Турция поддерживать равноправие на вооружение, тот ответил положительно, ибо его страна всегда требовала равноправия. Вместе с тем Турция поддержала бы и компромиссный вариант: равноправие при условии безопасности. Она против любой гегемонии, но за упрочение пакта Бриана—Келлога в смысле неприменения силы. Пакт четырех стремился изменить только направление гегемонии.

Т. Рюштю-бей высказал мысль, что в результате пакта четырех ослабилась идея ревизии границ, против чего возразил К. Каня, который полагал, что с точки зрения ревизии “пакт четырех” дает преимущества Венгрии. На это министр иностранных дел Турции заявил, что он принципиальный противник “пакта четырех”.

Высказался и премьер Турции Исмет-папа. Он заявил, что турки никогда не позволят, чтобы западные державы одни решали поставленные вопросы. Смогут ли страны “пакта четырех” помочь в современной обстановке, если три из них вместе с Америкой создали сегодняшнюю ситуацию: Сев, Трианон? Их волнуют только собственные интересы.

Обсуждалось в ходе беседы 21—23 октября и положение в Центральной Европе. По мнению К. Кани, дружба между Германией и Италией настолько крепка, что может служить основой для решения центрально-европейского вопроса, правда, при этом мешают проблема аншлюса. Народ Австрии, по мнению Кани, за аншлюс, противятся лишь политики, которые боятся потерять свои позиции. Для Венгрии было бы лучше,

если бы аншлюс не произошел, но если она не может этому помешать, то и не будет действовать против него.

Тогда Каня еще верил Гитлеру, заявлявшему, что готов дать гарантии, что не совершит аншлюс.

Обсуждался и вопрос о возможности возникновения войны. Участники дискуссии пришли к выводу, что в этой обстановке (приводилось довольно много убедительных аргументов) война не может начаться.

Подвергся обсуждению и балканский вопрос. Не затрагивая его истории, остановились на текущем моменте. Т. Рюштю-бей подчеркивал, на Балканах ощущается многостороннее влияние. Во-первых, это влияние Малой Антанты (поскольку два ее члена — балканские государства), которую поддерживают Франция и Англия. Во-вторых, это воздействие турецко-греческого соглашения, поддерживаемого Советским Союзом, Англией при нейтральном отношении со стороны Франции и Италии. Говорилось также и о влиянии великих держав: Италии, Франции, Англии, Советского Союза, и, наконец, упоминалась роль Болгарии.

Если бы последняя, по мнению Рюштю-бей, “была с нами”, то современный Тройственный союз значительно усилился бы. Но Болгария стремится сохранить свободу маневра во всех направлениях. Если бы шесть месяцев тому назад она заняла благоприятную для Турции позицию, то с ней можно было бы договориться. Сегодня это уже невозможно, поскольку турки связаны турецко-греческим соглашением.

Когда Исмет-паша и Рюштю-бей находились в Софии, они вновь предложили Болгарии присоединиться к турецко-греческому соглашению, но та отказалась. Она даже не согласилась подписать с Турцией договор о гарантии границ. Рюштю-бей говорил, что Болгарии следовало бы признать, что под Тракией она понимает не только турецкую часть, а Тракию в целом. Продление турецко-болгарского договора о нейтралитете затянулось настолько, что акт подписания его состоялся лишь в Варне, перед самой посадкой турок на корабль.

Желая свалить вину за смену внешней политики Турции на Болгарию, Рюштю-бей подчеркнул, что в период посещения турецкой делегацией Софии у Турции не было никакого соглашения с Малой Антантой, но негативное поведение Болгарии изменило ситуацию. Уже после этого его страна заключила соглашение с Румынией и на ноябрь планировала подписать договор о ненападении с Югославией. Далее министр иностранных дел Турции высказал в адрес Болгарии угрозы: если она не изменит своей позиции, его правительство не поставит на ратификацию национальным собранием уже продленный с Болгарией договор о нейтралитете и через восемь месяцев он просто потеряет свою силу. В дальнейшем Турция совместно с Румынией и Югославией взаимно гарантируют границы с Болгарией. Договор четырех ее соседей о гарантии границ тут же станет антиболгарским, если Болгария попытается искать опоры за рубежом.

Турецкий премьер-министр Исмет-паша остановился на вопросе болгарско-югославского объединения. Он рассуждал о том, что хотя Румыния и Югославия и союзники, но первая все же не захочет объединения болгар с югославами. Не желает этого и Греция. В результате обмена населением между Грецией и Болгарией в Греческой Македонии уже нет болгарского меньшинства, как и нет его и в Турецкой Тракии, болгарская ирредента не имеет и этнографической основы. Он заявил, что Турция также против объединения болгар с югославами. Да это и невозможно, ибо на карту было бы поставлено национальное существование болгар (вопрос двух правящих династий). Да и югославы не желают объединяться, так как это помешало бы ассимиляции болгарского элемента в Македонии, а кроме того, объединение с болгарами угрожало бы сербской гегемонии.

К. Каня информировал о тех впечатлениях, которые произвели в Венгрии последние договоры Турции. Он подчеркнул, что если договор с Грецией произвел хорошее впечатление, то турецко-болгарский — плохое, ибо общественное мнение полагало, что между Турцией и Болгарией отличные отношения.

Поездка Титулску в Анкару, встреча югославского короля с Ататюрком, подписанный договор с Румынией и планируемый с Югославией — все эти акции рассматривались в Венгрии как перемена в политике Турции. Германия и Советский Союз в прошлом находились в хороших отношениях, но они испортились. Советский Союз повернул в сторону франкофильской политики, следовательно, и Турция взяла такое же направление и пошла на сближение с Малой Антантой. Сегодня она ищет с ними не мира, а интимных отношений. Таким образом, в Венгрии с интересом следили за переменной турецкой политики. Т. Рюштю-бей, со своей стороны, заявил о понимании болгарской и венгерской позиции, но это, по его словам, не может служить причиной для того, чтобы Турция вела антисоветскую политику, ибо турки чрезмерно заинтересованы в мире на Черном море. В отношении Малой Антанты он не видел коренного поворота со стороны его правительства, это лишь смягчение напряженного положения. По поводу договора с Румынией Т. Рюштю-бей разъяснил, что этим договором он обеспечил безопасность и своих друзей, чтобы две страны не могли осуществить нападение на венгерские и болгарские границы, т. е. турецкие обязательства в отношении Румынии и Югославии действуют только при условии, если последние сами не становятся агрессорами. Причем эта политика ведется параллельно с итальянской, поскольку и Италия желает сохранять с Югославией хорошие отношения²⁵.

Так сложились отношения между Венгрией и Турцией к началу 30-х годов XX в. Турки господствовали в Венгрии после своей победы под Мохачем в 1526 г. Но теперь положение совершенно изменилось. Некоторые венгерские историки, говоря об отсталости, изменении национального состава, выдвинули идею о том, что без Мохача не было бы и Трианона. Правда, с начала XVIII в. Турция поддерживала венгерские революционные устремления (Ференца II Ракоци, Лайоша Кошута и др.). В декабре 1923 г. обе страны подписали договор о дружбе, который 5 января 1929 г. был дополнен договором о нейтралитете и арбитраже. В § 1 договаривающиеся стороны обязались не вступать в экономические или политические до-

говорные отношения, которые были бы направлены против одной из сторон. Этот договор стал первым документом политического характера, который подписало правительство хорватов. Венгеро-турецкие отношения и в дальнейшем развивались в русле данного договора.

Венгерско-греческие отношения

До весны 1927 г. в венгерско-греческих отношениях преобладали торговые интересы. В апреле того же года посланником в Будапешт был назначен Делмозош с целью поднимать на соответствующий уровень не только экономические, но и политические вопросы. Венгерские дипломатические источники, и прежде всего донесения временного поверенного в делах Венгрии в Афинах Белы Прокопиуса, свидетельствовали о том, что в основе греческой внешней политики оставалось стремление достичь соглашения с Сербией²⁶. В одном из донесений венгерский представитель обращал внимание на проходивший в Белграде конгресс византологов. На нем явно просматривалось, особенно в позиции сербских студентов университета, что Сербия считала себя наследницей Византии, а те теплые симпатии, которыми вознаграждали болгар, были не чем иным, как солидарностью с идеей “Балканы — славянам!”, на что представитель Румынии заметил: на Балканах проживают не только славянские народы.

По мнению венгерского представителя, пока вопрос о Салониках открыт, в самом выгодном положении находится Болгария, которую Франция стремилась сблизить с Сербией, а Англия и Италия — с Грецией. В результате отношения Болгарии с Грецией улучшились, даже приближались к дружественным. Вместе с тем первая, ссылаясь на то, что ей еще долгое время нужен мир, заявляла о своем намерении сохранять хорошие отношения со всеми соседями²⁷.

В конфликте Италии с Сербией Греция заняла выжидательную позицию, сохраняя добрые отношения с Румынией.

Временный поверенный отмечал ослабление связей Греции с СССР, хотя так и не удалось доказать, что полпред А. М. Устинов или советское полпредство имело какое-либо отношение к происшедшим в Греции коммунистическим выступлениям. Тем не менее греческая сторона наметила пересмотр торгового соглашения с СССР²⁸. В середине 1927 г. в своей внешней политике Греция стремилась сохранить свободу действий, не примыкая ни к одной из группировок великих держав.

Поверенный в делах Венгрии в Афинах Бела Прокопиус в конце мая 1927 г. направил министру иностранных дел Венгрии Лайошу Валко донесение, в котором приглашение Греции на Йоакимштальскую конференцию Малой Антанты рассматривалось как попытка Франции достигнуть сближения Греции с Малой Антантой. Венгерский поверенный в делах спросил министра иностранных дел Греции Михалакопулоса, как может пресса освещать этот вопрос. Министр решительно отверг данное сообщение, подчеркнув при этом, что не было не только приглашения, но даже намека на него. Прокопиус не исключал, что Михалакопулос сказал правду²⁹.

Венгерскую дипломатию всегда беспокоила возможность создания Балканского пакта, поскольку в его образовании она видела опасность, аналогичную Малой Антанте. В конце мая 1927 г. венгерский представитель задал вопрос о Балканском пакте Михалакопулосу. Тот ответил, что Греция охотно вступила бы в такой пакт, но к этому нужно бы прежде всего склонить Болгарию. Учитывая расхождения в интересах двух стран, он, по словам венгерского дипломата, не верит в возможность создания Балканского пакта, тем более в ближайшем будущем³⁰.

Позднее, в конце июля 1927 г., т. е. после возвращения из поездки в Париж, Женеву, Лондон и Рим, среди консервативных республиканцев Михалакопулос подробно изложил эти идеи³¹.

Венгерских дипломатов интересовал и другой, в то время широко пропагандировавшийся в прессе (в частности, в газете "Мир") вопрос об объединении Болгарии с Югославией. В октябре 1927 г. все тот же поверенный в делах Венгрии в Афинах

Б. Прокопиус имел беседу со своим болгарским коллегой Данчевым. Последнему был задан вопрос: возможно ли такое объединение на федеративной или иной основе? Данчев ответил, что сейчас этот вопрос совершенно исключен. По его мнению, подобное объединение могло произойти в случае борьбы с Турцией, т. е. за освобождение. Теперь же чувство государственной самостоятельности населения чрезвычайно возросло. Болгария сохраняет хорошие отношения как с Францией, так и Италией. Цель ее освободиться в ближайшие годы от репараций и восстановить обязательную воинскую повинность³².

В одном из донесений из Афин (от 12 ноября 1927 г.) венгерский представитель обращал внимание своего правительства на статью в "Элеферон логос", в которой утверждалось, что Чехословакия, Румыния и Югославия — доминирующие государства на Балканах — достаточно сильны для того, чтобы вследствие военной разоруженности Венгрии и Болгарии воспрепятствовать любому территориальному изменению. Положение, таким образом, станет опасным лишь в том случае, если теперь Италия и Франция (как прежде Австро-Венгрия и Россия) попытаются ввязаться в интересующие балканские народы вопросы и в этом регионе разрешить свои противоречия.

Поэтому, с одной стороны, Франция в послевоенный период делает все, чтобы в какой-либо форме, как Малая Антанта, Дунайская конфедерация или восточное Локарно, противопоставить балканское единство амбициям Италии.

С другой стороны, Италия предпринимала усилия к тому, чтобы вырвать балканские народы из рук Франции и тем самым, в случае средиземноморской акции обеспечить себе тыл. Этой цели в свое время — против Югославии — служил договор в Рапалло (1920 г.), а также договор в Риме (1921 г.) с Румынией, пока у власти там находился генерал Авереску. Но Италии не повезло: соглашения в Неттуно Югославия не ратифицировала, а в Румынии к власти пришло франко-фильское правительство Брэтиану. С тех пор Италия стремилась к сближению со странами, потерпевшими поражение в войне, — Венгрией, Албанией и еще теснее с Болгарией.

Италия разделяла идеи: Балканы — балканцам, Дунайский бассейн — народам подунавья, но трактовала их по-своему. Она провозглашала свободу всем народам, стремясь разделить Югославию на мелкие государства, которые всегда нуждались бы в Италии. Македонская республика, находившаяся под влиянием последней, лучше всего служила бы ее интересам³³.

В самом конце 1927 г., а точнее, 31 декабря, венгерский поверенный в делах в Афинах сообщал не без радости об итало-греческом сближении. Он подчеркивал: Греция так же, как и Болгария, плавает в англо-итальянских водах, в официальных кругах это, естественно, самым решительным образом отрицают, и Греция по официальным заявлениям, опирается на Францию, Англию и Италию, но связывать руки, ища дружбы со всеми, не желает. По сути, то же лежало в основе внешней политики Болгарии.

Одно время казалось, что Греция открыто станет придерживаться англо-итальянской ориентации, но, по мнению венгерской дипломатии, Греция и Болгария все больше ориентировались на Италию под эгидой Англии, однако открыто в этом не сознавались и, чтобы избежать осложнений с Францией, официально во всяком случае это скрывали. В это время в венгерской печати подчеркивалось, что итало-греческое сближение происходит при благосклонном отношении Франции и Англии.

Одновременно в дипломатических документах отмечалось, что Михалакопулос в беседе с албанским представителем Вриони заявил: "Пока вопрос Кипра и Додеканеса не решен в пользу Греции, ей необходимо продолжать прежнюю политику"³⁴. В то же время Б. Муссолини и министр иностранных дел Греции сошлись на том, что для сохранения мира на Балканах достаточной гарантией является политическое и территориальное статус-кво, созданное мирными договорами.

Венгерский дипломат делает вывод, что соглашение Италии с Венгрией, Албанией и частично с Румынией означает полную изоляцию Сербии. Причем он видел в этом не военную цель, а лишь стремление втянуть и Югославию в орбиту

итальянской ориентации. Одновременно он подчеркивал значительное упрочение внешнеполитического положения Греции, ведя переговоры с Югославией о порте Салоники³⁵.

В одном из донесений в Будапешт венгерский представитель в Афинах подчеркивал, что среди дипломатов там царит всеобщее убеждение: целью Балканской политики Италии является, с одной стороны, поддержание прочного мира в восточном бассейне Средиземного моря, а с другой — вытеснение Франции с Балкан. Причем делается и то, и другое с ведома и согласия Англии³⁶.

На протяжении 1928 г. поверенным в делах Венгрии в Афинах был Шандор Молдовани, возведенный в 1929 г. в ранг посланника. В его годовом отчете за 1928 г. о венгерско-греческих отношениях подчеркивалось, что в политической области между двумя государствами нет спорных вопросов. Впрочем, с точки зрения венгерских интересов заслуживает внимания позиция Греции в отношении стран Малой Антанты. В прошлые годы последняя не прекращала свои попытки, особенно через Румынию, склонить Грецию к вступлению в Малую Антанту, хотя они и не имели успеха. Греческая сторона всегда решительно отклоняла подобные предложения. И тем не менее Малой Антанте удалось по отдельным вопросам договориться с Грецией, в частности совместно выступить в Женеве против предложения Штреземана по национальным меньшинствам (в Греции проживали значительные национальные меньшинства — болгарское и албанское). На августовских переговорах в Гааге Малая Антанта и Греция были едины в вопросе о восточных репарациях. Как только в январе последняя достигла своих целей, она не стала выступать единым фронтом со странами Малой Антанты.

Позиция Греции в отношении Венгрии была связана с внутренним положением в стране. Как известно, греческая армия в 1920—1922 гг. потерпела в Малой Азии сокрушительное поражение, вследствие чего вспыхнула революция, которая смела и королевский режим. Затем последовали различные революции и военные диктатуры. Диктатура генерала Пангалеса пала в январе 1927 г., и в стране было образовано коалици-

онное правительство, в котором участвовали все руководители политических партий. На выборах ни одна из них не получила абсолютного большинства, было сохранено коалиционное правление.

Эмигрировавший в 1920 г. Эл. Венизелос чувствовал свою ответственность за военную экспедицию в Малую Азию против Турции. Весной 1928 г. он возвратился на родину и немедленно начал кампанию в печати против финансовой политики коалиционного правительства. Летом того же года оно подало в отставку и власть взял Венизелос, на новых выборах получивший преобладающее большинство голосов. Партия роялистов — противников Венизелоса — провела в парламент всего 24 депутата.

Премьер-министр Греции и лидер либералов Эл. Венизелос всегда проявлял симпатии к Венгрии. По мнению венгерского дипломата, это объясняется отчасти его прежней ориентацией на центральные государства, а также тем, что великие державы оставили Грецию в конце войны на произвол судьбы. После поражения греческой армии в Малой Азии в страну хлынуло около 1500 тыс. беженцев. Кроме того, великие державы заняли непоколебимую позицию при решении вопроса о греческих военных долгах, что не могло не вызвать антипатии к ним в Греции.

Греческая пресса, как правило, в благожелательном тоне освещала венгерские дела. Единственным исключением была, пожалуй, ежедневная газета "Элефтерон вима", стоящая близко к министру иностранных дел, но не пользовавшаяся его финансовой поддержкой. Исходя из румынофильских настроений министра иностранных дел Михалакопулоса в венгерско-румынских вопросах (как дело оптантов, восточные репарации, меньшинства и др.), она проявляла явные симпатии к Румынии.

В деле установления культурных связей между Венгрией и Грецией делались только первые шаги. Вышли первые литературные произведения о Венгрии, установлены связи между Академиями наук. В 1927 г. создан был фонд Хариса, на средства которого происходил обмен опытом преподавателей ву-

зов, ученых, занимавшихся древнегреческим языком и археологией. Из Греции присылали студентов в университет Будапешта и сельскохозяйственные академии. Участники этих обменов образовали в Будапеште греческо-венгерскую культурную лигу “Парфенон” и поддерживали между собой постоянную связь.

Несмотря на возникавшие трудности, экономические связи развивались успешно. Торговый баланс был сильно активным в пользу Венгрии. Последняя отправляла в Грецию в основном спирт, сахар, зерно, а в последнее время и муку. Начиная вывоз своей продукции и венгерская промышленность. Почти единственным товаром, который экспортировался из Греции в Венгрию, был табак. В Афинах существовала венгерско-греческая торговая палата.

В июне 1929 г. Шандор Молдовани посетил нового министра иностранных дел Греции Ардьропулоса и имел с ним беседу, в ходе которой он пытался выяснить, почему Греция, которая в результате обмена населением с соседями уже почти не имеет национальных меньшинств, на внешнеполитической арене идет с теми странами, где проживают большие массы национальностей. Он считал более приемлемым, если бы Греция вошла в содружество с теми, кто защищает отторгнутые меньшинства.

Ардьропулос полагал, что греческое национальное меньшинство находится в странах отсталых, проводящих жесткую националистическую политику, — в Албании, Турции и др., поэтому положение там греков отличается от положения национальных меньшинств в Центральной и Западной Европе. Поэтому что бы ни решила Лига наций в защиту национальных меньшинств, отсталые страны будут продолжать в отношении их свою линию, которой нельзя помешать никакими международными актами³⁷. Упрочению греческо-венгерских отношений способствовало и посещение в октябре 1929 г. Венизелесом Будапешта, во время которого теплый прием устроили ему регент и премьер-министр³⁸.

В мае 1930 г. венгерский министр иностранных дел Лайош Валко нанес в Афины официальный визит. В торжествен-

ной обстановке был подписан греческо–венгерский Договор о дружбе и арбитраже. В июне были упорядочены торговые отношения между двумя странами, сопровождавшиеся обоюдными таможенными уступками. Удалось также достичь железнодорожных технических договоренностей. Тогда же в Будапеште была определена венгерская доля тех убытков, которые австро–венгерские войска причинили греческим гражданам в период нейтралитета Греции в годы первой мировой войны. В МИД Венгрии с удовлетворением восприняли дружественные слова, которые были сказаны Венизелосом в парламентской речи, посвященной результатам переговоров в Гааге по репарациям.

21 января 1932 г. Греция подписала в Лондоне так называемый Хунгарский протокол и 25 апреля ратифицировала его, в результате чего действие моратория Гувера в отношении восточных репараций распространилось и на Венгрию. В 1932 г. был запрещен ввоз спирта в Грецию из–за рубежа, но на Венгрию это не распространялось. К началу мирового экономического кризиса отношения между Венгрией и балканскими странами не имели весомого практического значения, за исключением Болгарии, с которой у венгерской стороны были идентичные задачи — освободиться из–под военного, политического и финансового контроля со стороны победителей и подготовиться к реваншу за поражение в войне.

¹ А МЕР КР, IET. IV. k. 108–110. old.

² Ibid. 110. old.

³ OL. K–64. 1928. 41, 378.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid. 23, 368.

⁶ Ibid. 41, 378

⁷ Ibid.

⁸ IET. IV. k. А МЕР КР. 196–197. old.

⁹ OL. K–64. 1929. 24, 7.

¹⁰ Ibid. 1930. 32. 200.

¹¹ Ibid. 23. 234.

¹² Ibid. 32. 455.

-
- ¹³ IET. IV. k. 437–441. old.
¹⁴ Ibid. 435–436. old.
¹⁵ Ibid.
¹⁶ OL. K–64. 1933, 32, 465, 12. 1.
¹⁷ Ibid. 15–16. 1.
¹⁸ Ibid. 26. 1.
¹⁹ Ibid. 16. 1.
²⁰ Ibid. 474, 19.1.
²¹ Ibid. 16–17. 1.
²² Ibid. 25. 1.
²³ Ibid. 512.
²⁴ Ibid. 483.
²⁵ Ibid. 1–14. 1.
²⁶ OL. K–80. 1927. 33. pol. et c.
²⁷ Ibid. 24. pol. 1–2. 1.
²⁸ Ibid. 4a. 1.
²⁹ Ibid. 33. pol. 2–3. 1.
³⁰ Ibid. 34. pol. 1–2. 1.
³¹ Ibid. 54. pol. 1–6. 1.
³² Ibid. 74. pol. 1–2. 1.
³³ Ibid. 80. pol. 1–4. 1.
³⁴ Ibid. 103. pol. 7. 1.
³⁵ Ibid. 9. 1.
³⁶ Ibid. 1929. 7. pol. 3. 1.
³⁷ OL. K–80. 1929 48. pol. 1–2. 1.
³⁸ Ibid. 63. pol. 1–2. 1.

Глава третья. Мировой экономический кризис и нюансы венгерской внешней политики

Усиление дипломатической активности в Центральной Европе и на Балканах

Мировой экономический кризис, разразившийся в США летом 1929 г., охватил прежде всего финансовую систему и уже 4 октября привел к банкротству Нью-Йоркской биржи. Один из банков Венгрии также попал в тяжелое положение, поэтому 13 июня 1931 г. правительство вынуждено было закрыть его.

Венгрия, как и ряд других стран, входила в кризис постепенно. Вслед за аграрным сектором он порастил промышленность и торговлю страны. Его влияние остро ощущалось и во внешнеполитических делах. Обострились отношения не только между побежденными и победителями, но и между последними. Мировой кризис особенно затронул экономические отношения между малыми странами Центральной и Юго-Восточной Европы. Возникло множество планов, призванных вывести хотя бы регион в целом из кризиса.

Уже в декабре 1929 г. МИД Венгрии получил сведения о планах образования Балканской таможенной унии. Вслед за этим появился ряд полемических статей, интервью, которые свидетельствовали о плановой кампании в печати. Однако венгерская дипломатия не воспринимала тогда всерьез эти планы¹. Правда, уже в 1930 г. начались переговоры между Венгрией, Румынией и Югославией о создании так называемого аграрного блока. Вскоре в них включились Чехословакия, Польша и прибалтийские государства. Однако эти переговоры быстро зашли в тупик из-за ряда противоречий, а затем провалились, не получив поддержки Англии, Италии и Германии.

В 1930—1931 гг. наряду с Францией на сцену европейской политики вышла и Германия в целях оказания экономического

влияния на страны Центральной и Юго-Восточной Европы. Германское правительство еще в 1929 г. требовало сокращения репарационных платежей или их упорядочения, что и было достигнуто по плану Юнга (для Германии была установлена сумма 113,9 млрд золотых марок, которые предстояло уплатить в течение 57 лет). Этот план детально был разработан на Гаагской конференции и окончательно оформлен в виде договора, подписанного 28 апреля 1930 г. в Париже.

Одновременно с планом Юнга Бриан опубликовал свой план создания Европейской унии. Венгрия отреагировала на него отрицательно. Это был конкретный план, и с января 1931 г. работала специальная комиссия, хотя и данный план в конце концов не удалось реализовать. Учитывая сложное положение побежденных стран, вызванное экономическим кризисом, американский президент Гувер летом 1931 г. предложил установить мораторий на репарационные платежи, т. е. отсрочить их на год. На практике эта отсрочка означала конец платежей по репарациям. Больше их никто уже не погашал.

В октябре 1930 г. в Афинах прошла первая межбалканская конференция, на которой, между прочим, было принято решение, что в будущем ежегодно будут собираться балканские страны с целью как можно скорее осуществить планы, направленные на создание Унии балканских государств.

Как сообщал в Будапешт венгерский посланник из Анкары, по мнению итальянского посла в Турции, Балканский конгресс — “это чисто французское начинание... которое имеет своей целью создание Балканской унии под эгидой Франции и вытеснение итальянского влияния с Балкан”. Венгерский посланник был с этим согласен.

Итальянцы, как считал последний, сделают все возможное для торпедирования работы конгресса². Он подчеркивал, что как для Венгрии так и для Турции первостепенное политическое значение имеет будущий статус Балкан.

Для подготовки программы ближайшей встречи, намеченной на осень 1931 г. в Стамбуле, был создан наподобие Лиги наций Совет Балканской конференции, в который все шесть государств-участниц первой конференции — Турция, Греция,

Болгария, Румыния, Албания, Югославия — делегировали по три члена. Программа заседания Совета в Салониках 30 января 1931 г. состояла из четырех пунктов, включая и вопросы, относящиеся к объединению их хозяйств³.

В марте 1931 г. венгерский посланник в Афинах Шандор Молдовани вновь вернулся к вопросу о заседании Совета Балканской конференции. Он выразил озабоченность тем, что создание Балканской унии по соседству с Венгрией приведет в тому, что эта группа государств станет решать не только балканские вопросы⁴.

В марте 1931 г. венгерский посланник в Анкаре Тахи подчеркивал, что Италия с большой антипатией относится к плану создания Балканской унии и сделает все, чтобы этого не случилось. Он сообщал также, что итальянский посол Помпео Алоизи в Турции склоняет его в тому, чтобы он действовал в том же направлении.

Тахи отмечал, что на протяжении последних семи лет в своих донесениях в Будапешт он тщательно анализировал балканскую политику Турции, которая преследовала две цели: 1) при разделении Балкан на две части Турция хотела бы играть доминирующую роль в балканской политике; 2) подобную роль она предполагала играть и в случае создания Балканской унии⁵.

Италия и в 1932 г. продолжила добиваться греческо-турецкого соглашения, т. е. создания фронта балканских государств против сербских гегемонистических устремлений. Она и впредь намерена была придерживаться этого курса, и все попытки, направленные на создание Балканской федерации, естественно, встречали противодействие с ее стороны, как отмечал венгерский посланник в Риме А. Хори⁶. Италия в свое время советовала Турции, чтобы ее правительство в вопросе балканских конференций проявило сдержанность, точнее, представлена была на переговорах парламентариями и избегала всякой видимости официального сотрудничества. Однако турецкое правительство, стремясь обеспечить себе руководящую роль в балканских делах, проявляло чрезвычайную активность на конференциях и пренебрегало советами Рима⁷.

Венгерский посланник в Афинах Шандор Молдовани в до-несении министру иностранных дел Лайошу Валко в феврале 1932 г. отмечал, что на Балканской конференции в Стамбуле самой активной была греческая делегация, поддержанная не только турецкой делегацией, но и правителями Турции, поскольку на конференцию прибыли Кемаль и Исмет-паша. Посланник обращал внимание на тот факт, что болгарская и албанская делегация выразили свое несогласие с той частью резолюции, которая касалась национальных меньшинств. В результате было принято решение на будущей конференции в Бухаресте вновь вернуться к обсуждению договора между балканскими государствами об арбитраже, ненападении и безопасности Балкан, договора о свободном передвижении, поселении и предпринимательстве всех граждан Балканского блока государств и об обеспечении преференциальных таможенных тарифов с целью добиться со временем единой торговой политики⁸.

Вторая Балканская конференция открылась в Стамбуле 20 октября 1931 г. и заключительное свое заседание провела в Анкаре 27 октября. На второй, как и на первой, конференции были представлены шесть государств — Турция, Греция, Болгария, Румыния, Албания, Югославия. Она стала мощным средством политического и экономического сближения народов балканских стран. Кровавые междоусобные войны, которые народы региона столетиями вели между собой, первая мировая война и затем мировой экономический кризис, стремление освободиться из-под влияния великих держав — это только некоторые из вопросов, которые явились стимулом к сближению народов Балкан.

Конференция приняла проект Балканского пакта. Самый трудный вопрос — вопрос национальных меньшинств — был передан в политическую подкомиссию, где произошла острая полемика между албанскими и югославскими представителями. На сторону албанцев встала (как выразился венгерский посланник Тахи, “взялась за ум”) Болгария: она настаивала на том, что решение проблемы национальностей должно быть предпосылкой к созданию Балканского пакта. Проект о создании Балканской унии был отложен.

Венгерский дипломат считал, что по сравнению с первой Балканской конференцией, вторая означала бесспорный прогресс в направлении поставленной цели⁹. Хотя политический пакт не был подписан, конференция тем не менее постановила, что она согласна с идеей балканского пакта и поставит этот вопрос на повестку дня предстоящей третьей конференции, намеченной на октябрь 1932 г. в Бухаресте. Национальный вопрос не был решен, но контуры его обозначились. Предполагалось в период между конференциями обсудить данный вопрос среди делегаций отдельных государств.

В качестве позитивных решений конференции Тахи выделил создание межбалканской торговой палаты, подготовку конвенции о балканской унии почты, принятие аграрных защитных мер на Балканах в вопросе зерна и табака, решение железнодорожных и транспортных проблем, упразднение виз и свободное передвижение и поселение для граждан Балканских государств, установление единых гражданских прав.

На Балканских конференциях государства не были представлены официальными делегациями, хотя в их состав и входили видные общественно-политические деятели и, предприниматели, которые установили личные контакты между собой. Делегации передали резолюции конференции своим правительствам и парламентам и добивались их принятия.

По предложению политической комиссии вторая Балканская конференция приняла резолюцию, высказавшуюся за целесообразность ежегодных совещаний министров иностранных дел шести балканских государств.

Вдохновителем Балканской унии Тахи считал Грецию, а точнее, Папанастасиу и Венизелоса. Греция при помощи Балканской унии надеялась освободиться от влияния великих держав, укрепить свою независимость и прекратить вынужденное лавирование между Англией, Францией и Италией и, естественно, играть руководящую роль в Балканской унии. По словам советского полпреда Сурица, президент Турции убеждал наркома иностранных дел М. М. Литвинова, что турецкая сторона вынуждена участвовать в балканском движении по соображениям

обороны, чтобы не допустить возможного объединения Балкан без нее или даже против нее¹⁰.

Однако истинной целью Турции, по мнению Тахи, является установление тесных политических отношений с Грецией и Болгарией, после чего она хочет играть в Балканской унии ведущую роль. Венгерский посланник считал, что, кроме этих, Турция имеет и далеко идущие цели: Тевфик Рюштю-бей поддался гипнозу Венизелоса и не только плывет по течению, но и надеется освободиться, как и Греция, от влияния великих держав, в том числе и СССР, чем и объясняется попытка президента успокоить Литвинова¹¹. Кроме того, Турция при помощи Балканской унии, как полагал венгерский посланник, надеялась играть большую роль в европейской политике, т. е. в Лиге наций. Совместно с Болгарией и Грецией она рассчитывала на получение преимуществ в македонском вопросе.

Румыния и Югославия поддерживали идею Балканской унии под влиянием Франции, но по возможности без Турции и Албании. Англия с симпатией относилась к планам объединения на Балканах, а Франция находилась в антагонистических противоречиях с Италией, которая в вопросе Балканской унии занимала решительно негативную позицию. Для Италии неприемлемы были ни решения по плану Венизелоса, ни турецкие намерения, ни устремления сателлитов Франции. Ее устраивали разьединенные Балканы. Именно сопротивление со стороны Италии стало одной из причин объединения балканских народов.

Противоречия между Турцией и Италией на Балканах вызвали сожаления у Венгрии. Последняя также была против Балканской унии, но ей тем не менее приходилось считаться с устремлением балканских народов к объединению, ибо, как отмечалось в одном из венгерских дипломатических документов, "мы чрезмерно слабы для того, чтобы помешать ему". Участие Турции в возможной унии, по расчетам правителей Венгрии, могло дать ей самые большие преимущества. Венгерский посланник обращал внимание министра иностранных дел на то, что в период своего пребывания в Анкаре он убедился: Турция не была бы против привлечения в Балканскую унию и Венгрии.

Он рекомендовал министру использовать его влияние на Турцию в интересах Венгрии на Балканах¹².

Венгерский посланник в Афинах Шандор Молдовани уверял свой МИД, что неофициальный характер Балканских конференций придает им определенное значение, но вместе с тем составляет их слабую сторону. Значение их в том, что балканские страны могут без ограничения, свободно обсуждать все вопросы, но принимаемые решения не имеют обязательной силы для правительств.

Излагая позицию и цели участников, посланник Ш. Молдовани сделал вывод, что намерения Балканских конференций ближе к идее Балканской унии, чем Балканского блока¹³.

После второй Балканской конференции венгерская дипломатия продолжала внимательно следить за развитием событий. В одном из донесений из Афин в марте 1932 г. Ш. Молдовани подчеркивал, что Белград рано или поздно выступит против этих конференций. Позиция Болгарии по национальным меньшинствам, поддерживаемая Албанией, по его мнению, может привести к провалу третьей конференции в Бухаресте в октябре 1932 г. Для спасения положения греческий и югославский представители в Женеве договорились о том, чтобы на очередной конференции не обсуждать политические вопросы. Это вызвало неудовольствие Папанастасиу, который заявил, что если дунайские страны заключат экономическое соглашение, то Турции, Болгарии, Греции и Албании придется образовать федерацию без Румынии и Югославии¹⁴.

18–19 декабря 1932 г. в Белграде была проведена чрезвычайная конференция министров иностранных дел стран Малой Антанты, на которой было решено теснее сплотить свои ряды. Созвал ее югославский король Александр. В опубликованном коммюнике о результатах этой конференции подчеркивалась идея солидарности государств Малой Антанты, отмечалось, что ее участники обсуждали вопросы разоружения, восточных репараций и военных долгов. Венгерскую дипломатию удивило отсутствие заявления о мирной ревизии границ.

Венгерский посланник Валдемар Алт в своем донесении из Белграда в Будапешт обратил внимание на атмосферу полной

секретности конференции. Он отметил, что после прочтения министром иностранных дел Югославии Божко Евтичем коммюнике один из журналистов задал вопрос. Евтич призвал его основательно изучить коммюнике, ибо в нем, как и в Библии, содержалось все¹⁵. На этот раз был образован Постоянный совет Малой Антанты, в составе трех министров иностранных дел, которые в отличие от прежних ежегодных встреч впредь решили собираться по крайней мере трижды в году для обсуждения актуальных внешнеполитических вопросов. Одновременно создавался постоянный секретариат, задачей которого была подготовка работы совета.

Был изменен и статут Малой Антанты с тем, чтобы добиться более эффективного совместного выступления на международной арене. Политику, которую прежде этот блок осуществлял в отношении Венгрии, теперь предполагалось распространить и на Италию.

16 февраля 1933 г. в Женеве состоялось подписание между странами Малой Антанты Организационного пакта, имевшего своей целью упрочение союза. Если ранее Малая Антанта базировалась на двусторонних договоренностях, то на сей раз предусматривались многосторонние соглашения. Для укрепления политического и экономического сотрудничества был образован Экономический совет. Подписание нового пакта было обусловлено рядом обстоятельств, в частности мировым экономическим кризисом, среднеевропейским аграрным кризисом, обострившим противоречия между государствами Малой Антанты, упрочением позиции Италии и Германии на международной арене, склонностью Англии и Франции частично удовлетворить требования Германии и Италии и приходом к власти в Германии Гитлера.

Пакт состоял из 12 статей и регламентировал работу секретариата, а также вновь созданного Постоянного совета как органа, руководящего общей политикой стран союза. Пакт устанавливал необходимое единство трех стран при решении отношений с другими государствами. Прежние двухсторонние соглашения продлевались на неопределенный срок¹⁶.

Этот пакт трех стран Малой Антанты перечеркивал планы Венгрии, направленные на развал этой организации при помощи отрыва от нее одного из государств.

Внешняя политика Венгрии и парламентские комиссии по внешнеполитическим делам

Время от времени венгерское правительство, а точнее, министр иностранных дел выносил внешнеполитические вопросы на заседания парламентских комиссий, палаты представителей и верхней палаты, а с 1932 г. и на заседания так называемой комиссии 33-х. Как правило, министр делал доклад и выслушивал выступления депутатов, но очень часто он заявлял, что решения этих комиссий необязательны. На заседания комиссий, собиравшихся раз в месяц, а иногда реже, выносились вопросы, имевшие важное значение с точки зрения министра иностранных дел. Некоторые из докладов министр посылал посланникам для ознакомления, подчеркивая при этом, что материал носит закрытый характер. В беседах с представителями властей иностранных государств рекомендовалось пользоваться только прилагавшимися к докладом коммюнике, которые нередко расходились с текстом самих докладов.

В 1930 г. один из докладов министра был посвящен плану Бриана. Глава венгерского МИД напомнил, что 5 сентября 1929 г. на общем собрании Лиги наций министр иностранных дел Франции Бриан выдвинул идею, суть которой заключалась в том, что в сложном экономическом положении прежние методы оказались неэффективными, поэтому необходимо установить более тесное сотрудничество европейских народов, но без ущемления суверенитета любой из наций.

Через несколько дней после этого Бриан дал обед в честь представителей 26 европейских государств, среди которых был и министр иностранных дел Венгрии Лайош Валко. Бриан кратко вновь изложил свой план и заручился согласием присутствовавших подготовить проект меморандума для обсуждения.

17 мая 1930 г. французское правительство разослало меморандум заинтересованным государствам. В нем подчеркивалось: экономическое развитие невозможно без гарантий, которые связаны с объединением государств в политической области. Однако более слабые государства законно полагают, что, если им не будут даны гарантии и компенсации со стороны сильных в промышленном отношении государств, они попадут к ним в политическую зависимость.

Перспективной экономической целью, как следовало из меморандума, было бы создание общего европейского рынка, который призван обеспечивать европейцам максимальное благосостояние. Особый акцент в документе делался на том, чтобы деятельность Европейской унии не вошла в противоречие с Лигой наций, более того, первая должна находиться под контролем второй, как региональная организация, используя два основных принципа Лиги наций — суверенитет и равноправие.

Венгерский министр иностранных дел считал, что это не что иное, как воскресение Женевского протокола; Франция еще одним договором закрепит статус-кво. Лайош Валко делал вывод: несмотря на нагромождение в меморандуме громких, порой прямо патетических фраз, он призван служить не экономическому подъему Европы, а дипломатическим целям Франции, окончательно закрепить существующее положение. Против меморандума Бриана высказались Германия, Италия, Англия. Испания после рассмотрения отклонила его.

В меморандуме подчеркивалось, что Европейская уния — это не средство борьбы против стоящих за ее рамками, и все же Валко полагал, что острием своим меморандум направлен прежде всего против США и СССР. В Москве этот документ, по словам министра, вызвал огромное возмущение¹⁷. Валко считал естественным, что венгерское правительство, следуя примеру Германии, намерено принять активное участие в обсуждении экономических, финансовых и социальных проблем и их решения. Другое дело в отношении политической части меморандума.

По мнению министра, можно прямо заявить, что Венгрия план не принимает и в его обсуждениях не будет участвовать. Но это означало бы отказаться от обсуждения таких эконо-

мических вопросов, “которые могли бы быть и нам полезны”, как подчеркивал Валко¹⁸.

Можно было бы, по его словам, исходить из меморандума при осуществлении определенных политических условий. Однако в обстановке существования союзов, фактически находившихся в состоянии войны с Венгрией, нет возможности быть равноправным членом общеевропейской федерации. Другим политическим условием присоединения к проекту Бриана Венгрии Валко считал прежде всего уравнивание в правах вооруженных и разоруженных государств.

Венгрии в конечном счете следовало бы, по мнению Валко, принять план Бриана, но с условием, что Европейская уния в форме, приемлемой для Венгрии, решит мирным путем интересующие венгерскую сторону проблемы.

План Бриана обсуждался на одном из заседаний парламентской комиссии по иностранным делам в 1930 г. в связи с его рассмотрением на общем собрании Лиги наций. Этот план, по мнению одного из докладчиков, явно преследует цель утвердить несправедливые мирные договоры и “находится в резком противоречии с венгерскими национальными интересами”. Осуществление этого плана, заявил он, “означало бы отказ от всего, на что законно претендует наша нация, и подорвало бы нашу веру в лучшее будущее”¹⁹. На заседании комиссии было принято следующее решение: учитывая тот факт, что несколько более могущественных государств и правительств являются противниками плана Бриана, Венгрии по тактическим соображениям следует оставаться в тени и предоставить возможность разгромить этот план представителям более сильных государств.

На заседании Лиги наций Бриан увидел, что его план не встретил поддержки, однако он желал, чтобы совещание в принципе заявило о своей поддержке идеи создания унии европейских государств. Но этого не произошло. Министр иностранных дел Великобритании подвел итог дискуссии, заявив, что он не может дать на этот счет положительного ответа. Передача плана Бриана на изучение в специальную комиссию Лиги наций, по мнению венгерского министра, означала захоронение плана.

На обсуждение венгерской парламентской комиссии по иностранным делам был вынесен еще один важный вопрос, который рассматривался на заседании Лиги наций,— вопрос о разоружении.

Представителю Венгрии на этом заседании понравилась позиция министра иностранных дел Великобритании, который заявил, что страны-победительницы также обязаны разоружиться и что невыполнение этой обязанности означает нарушение мирного договора. В вопросе о разоружении Франция, страны Малой Антанты и Польша остались в меньшинстве. И поскольку стало ясно, что страны-победительницы не согласятся разоружаться, возникла идея предоставить побежденным и разоруженным народам равную возможность вооружаться²⁰.

В Лиге наций обсуждались и хозяйственные вопросы. Еще в сентябре 1929 г. на одном из ее заседаний английский министр торговли поднял вопрос об экономическом объединении европейских государств. В феврале 1930 г. в Женеве состоялась европейская хозяйственная конференция, обсуждавшая проект соглашения о таможенном перемирии, а также программу экономического сближения. Результаты конференции оказались незначительными. Соглашение о прекращении таможенной войны так и не было подписано, вместе него удалось достигнуть договоренности, что государства не станут рвать до 1 апреля 1931 г. существовавшие в то время торговые соглашения.

Венгрия данную договоренность не поддержала, поскольку участники соглашения пошли на уступку Австрии и Чехословакии. Эта уступка заключалась в том, что названные выше страны сохранили за собой право порвать торговые договоры с Венгрией до 1 апреля 1931 г. Что касается второго вопроса, т. е. о будущем сближении в области экономики, то по нему переговоры продолжались²¹.

На конференции в Женеве выяснилось, что многие государства выступают против преференциальной системы и одновременно против региональных хозяйственных образований. Это обстоятельство вызвало разочарование нескольких аграрных государств, которые при помощи преференций надеялись заручиться поддержкой западных стран против конкуренции ино-

странной сельскохозяйственной продукции. В июне 1930 г. представители Румынии, Югославии и Венгрии собрались на совещание. На так называемой первой Бухарестской аграрной конференции говорилось о том, что западные страны-импортеры должны предоставить европейским аграрным странам преференции на их излишки зерна для вывоза. Обсуждался также вопрос о возможности общего сбыта зерна. В венгерской парламентской комиссии обратили внимание на то, что румынское правительство активно поддерживало идею сотрудничества трех аграрных стран, не принимая в расчет свою чехословацкую союзницу²².

Бухарестская конференция вызвала бурный отклик в европейской печати, после чего чехословацкое правительство пригласило на совещание по экономическим вопросам Румынию и Югославию — членов Малой Антанты. Но еще до того делегаты этих двух стран собрались в Синае, чтобы обсудить между собой, какую позицию им занять в отношении Чехословакии на экономической конференции Малой Антанты. На совещании в Синае было принято принципиальное решение, что двум государствам следует объединиться в таможенной унии. Впрочем, это решение оказалось неосуществимым.

В дни работы первой Бухарестской конференции польское правительство созвало в Варшаве международную аграрную конференцию представителей правительств Болгарии, Эстонии, Венгрии, Латвии, Финляндии, Румынии, Чехословакии и Югославии. В ответ на приглашение венгерское правительство выразило опасение, что дело аграрной кооперации может затормозиться, поскольку не все приглашенные страны являются экспортерами сельскохозяйственной продукции, а кроме того, между некоторыми из будущих участников конференции имеются противоречия. Тем не менее Венгрия приняла участие в Варшавской конференции, состоявшейся в конце августа 1930 г. Ее правительство считало очень важными следующие принятые решения: 1) всем государствам, заинтересованным в общем экспорте того или иного товара (с целью рационализации вывоза), предлагалось вступить в теснейшее сотрудничество; 2) подчеркивалась необходимость создания предпосылок для среднесрочного

аграрного кредита; 3) провозглашалась идея установления европейских преференций.

Венгерское правительство одобрило решения Варшавской конференции и приняло участие в середине октября 1930 г. во второй Бухарестской конференции. Последняя была шагом вперед в деле осуществления на практике варшавских резолюций, хотя Эстония, Латвия и Чехословакия выразили несогласие в отношении преференций и не собирались принимать участие в акциях по экспорту отдельных товаров. В одном из решений Бухарестской конференции указывалось на то, что сельскохозяйственный кризис является частью мирового экономического кризиса, поэтому целесообразно было бы обсудить положение с другими странами-экспортерами. После второй Бухарестской конференции собравшиеся в Белграде представители правительств Болгарии, Польши, Венгрии, Румынии и Югославии обсуждали вопрос рационализации вывоза. По зерновым — пшенице, ржи и кукурузе — рекомендовалось образовать специальные бюро, которые к лету 1931 г. должны были разработать единые постоянные экспортные цены на зерно для всех заинтересованных государств²³.

Венгерская дипломатия считала переговоры по зерновым с Румынией и Югославией важными и по политическим соображениям, поскольку венгерское правительство всегда стремилось вести переговоры с соседями по одиночке, никогда не признавая Малую Антанту как единое целое.

В середине 1930 г. Венгрия надеялась возобновить торговое соглашение с Чехословакией, срок которого истекал, и наладить экономические связи с Австрией, о необходимости чего имелась договоренность с канцлером Шобером в период его пребывания в Будапеште. С тех пор в обеих странах шло изучение экономического сближения. Надежда на успех подкреплялась тем, что для Австрии Венгрия была единственными воротами на Восток, а для Венгрии Австрия являлась тем же в направлении Запада²⁴.

Естественно, что в годы экономического кризиса венгерское правительство и парламентские комиссии уделяли значительное внимание хозяйственным вопросам. В одной из

информаций министра иностранных дел на заседании комиссии парламента подчеркивалось, что мировой экономический кризис принял в 1931 г. катастрофический характер и межгосударственные торговополитические отношения постоянно меняются.

Торговая политика страдала от последствий финансовых и валютных расстройств, что вело к параличу экономической жизни. При помощи клиринговых расчетов еще, правда, удавалось продлить обмен товарами. В этих трудных условиях Венгрия стремилась сохранить заключенные торговые соглашения, особенно те, которые были призваны выгодно разместить сельскохозяйственный экспорт — пшеницу и скот. Одним из таких выгодных соглашений являлся договор с Германией, предоставлявшей вывозу венгерской пшеницы 25%-ную льготу. Но Венгрия была недовольна ценами на мясо на выделенной ей бойне в окрестности Дрездена²⁵.

Венгрия заключила дополнительное соглашение о поставках сельскохозяйственной продукции во Францию 8—10 тыс. вагонов со снижением пошлин на 30%. В июне 1931 г. был заключен договор с Австрией на поставку 1,4 млн ц зерна и значительного количества скота. Это был большой успех, если учесть, что Австрия потеряла традиционные рынки сбыта мяса — Германию и Италию, что привело к катастрофическому падению цен на мясо на внутреннем рынке Австрии. Добилась Венгрия льготного договора и с Италией на поставки 2 млн ц пшеницы²⁶. С Чехословакией торговое соглашение было расторгнуто, возобновление переговоров наталкивалось на ряд трудностей и потому откладывалось. Переговоры о товарообмене велись с Францией, Турцией и Польшей.

Финансовая комиссия Лиги наций и зарубежные кредиторы неодобрительно относились к соглашениям на клиринговой основе. Венгерское правительство вполне осознавало недостатки клирингового расчета, но вынуждено было идти на это, чтобы вообще иметь возможность вывозить. Переговоры о клиринговом расчете Венгрия вела с Голландией, Югославией, Румынией, Польшей, Турцией, Грецией, Францией, Англией, Италией, Бельгией и Чехословакией²⁷.

Министр иностранных дел уверял членов парламентской комиссии по иностранным делам, что венгерское правительство якобы давно стремилось улучшить венгерско-французские отношения, но не достигло большого успеха. Французское правительство всегда считало Венгрию государством, находившимся в сфере интересов Германии, и рассматривало ее как составную часть антифранцузского блока, хотя из-за своей слабости она легко могла быть сдержана странами Малой Антанты. Такое представление последняя старательно поддерживала в Париже, однако план германско-австрийской таможенной унии привел к существенным изменениям. Франция определяла германско-австрийскую инициативу как аншлюс. Она опасалась того, что к таможенной унии могут присоединиться Венгрия, а также Италия. Венгерское правительство видело в этом хороший знак, ибо он подтверждал большую ценность итало-венгерской дружбы. Изначально венгерское правительство решило сохранять независимость по отношению ко всем и придерживалось этой линии весь период после войны. У него не было сомнений относительно результатов франко-германского спора, и уже одно это заставляло венгерское правительство занимать сдержанную позицию. Такая позиция подняла Венгрию в глазах Франции еще и потому, что общественное мнение как в Румынии, так и в Югославии с симпатией восприняло мысль о таможенной унии.

Отношение Франции к Венгрии с этого момента резко изменилось, что проявилось в делах торговых и в предоставлении Венгрии займа в период самого тяжелого для нее положения. Венгерского министра иностранных дел радовало то, что в ходе переговоров о займе не заходило и речи о политических условиях²⁸. Правда, для венгерского правительства было совершенно ясно, что Франция, предоставляя Венгрии заем, думала не только о ней. Венгерским представителям было известно публичное высказывание министра финансов Пьера Фландина: если бы летом из-за отсутствия иностранного займа Венгрия потерпела финансовый крах, это в напряженной обстановке могло бы оказать опасное влияние на Юго-Восточную Европу, т. е. на французских союзников и на вложенный в этот регион французский миллиардный капитал. Следовательно, путем предоставления

кредита Венгрии Франция защищала свои политические и финансовые интересы²⁹.

В венгерской комиссии по иностранным делам также отмечалось, что в деле предоставления займа Венгрии принимала участие и Италия, что еще раз подтверждало дружбу между обеими странами.

Министр иностранных дел Венгрии Валко обратил внимание членов комиссии на многочисленные разговоры о том, что споры о таможенной унии подорвали якобы хорошие отношения между Францией и Малой Антантой и что одним из признаков этого было сближение Франции с Венгрией. Министр призвал с осторожностью подходить к этому. Нельзя забывать, подчеркнул он, что Францию и ее союзников связывают мирные договоры и что долгое сотрудничество на этой основе привело их к единой позиции в политической, военной и финансовой областях; хотя и произошел поворот в отношениях между Францией и Венгрией, тем не менее созданная после войны система противостоящих друг другу союзов продолжает сохраняться.

Обсуждался в комиссии и еще один вопрос. Вследствие мирового экономического кризиса мировое общественное мнение живо интересовалось более тесной экономической кооперацией стран Дунайского бассейна. Франция рассматривала подобную кооперацию в качестве препятствия аншлюсу. По мнению венгерского министра иностранных дел, экономическое сотрудничество стран Дунайского бассейна будет нелегко организовать без согласия трех заинтересованных великих держав — Франции, Германии и Италии. И все же Венгрия при любых условиях предполагала сохранять свою независимость, а более тесная кооперация с другими странами для Венгрии была прежде всего выгодна с экономической точки зрения.

Министр иностранных дел Валко уверял членов парламентской комиссии в том, что вопрос о создании Дунайской конфедерации или нечто в этом роде существует только в теории. Ничего конкретного не предпринималось, скорее наоборот, началась бурная агитация против плана создания такой конфедерации. Противниками выступали прежде всего чехосло-

вацкие аграрии, опасавшиеся за свою сельскохозяйственную продукцию, и немцы в Австрии — сторонники аншлюса. Критика планов создания конфедерации попала на плодотворную почву в Австрии, поскольку австрийцы, как отмечал министр иностранных дел, оберегают свое сельское хозяйство от Венгрии, а промышленность от Чехословакии³⁰.

В 1931 г. в Венгрии была создана парламентская Всевенгерская комиссия 33-х, т. е. малый парламент, который, как и внешнеполитические комиссии палат, проводил закрытые заседания. На одном из таких заседаний выступил 23 марта 1932 г. министр Лайош Валко. Он подчеркнул, что в послевоенный период много говорилось об экономическом сотрудничестве Дунайских государств, но оно никогда не воплощалось в конкретную форму. В последнее время, особенно после выступления главы французского правительства, этот вопрос вновь стал актуальным. Франция связывала экономическое сотрудничество стран Дунайского бассейна с финансовым и высказывала опасения насчет гарантий размещенных в этих государствах кредитов. Она полагала, что сотрудничество в области экономики в регионе необходимо строить на взаимной преференциальной основе, т. е. путем предоставления друг другу таможенных уступок как в сельскохозяйственной, так и в промышленной областях. В то же время во Франции ясно видели, что пять балканских государств не могут создать замкнутую систему в той мере, чтобы полностью восполнить экономическую структуру друг друга. Поэтому каждая из этих стран может вступать в договорные отношения с иными государствами³¹.

Франция рассчитывала, как полагал Валко, на то, что осуществление этого плана помешает германско-австрийскому сотрудничеству, т. е. этот план направлен на упрочение положения Малой Антанты и недопущения аншлюса. Создание объединения на преференциальной основе в районе Дунайского бассейна не отвечало интересам Англии, которая защищала свою промышленность и возможности экспорта колоний и доминионов. Поэтому пяти государствам она предложила подключить Болгарию и создать таким образом таможенную унию³². Позднее, убедившись в том, что остальные великие державы не под-

держивают этот план, она от него отказалась и через несколько недель появился план Тардье, о котором шла речь выше.

У Италии не имелось возражений против сотрудничества Дунайских государств в экономической области, поскольку ее союзницы — Венгрия и Австрии могли иметь от этого преимущества, только бы эти соглашения не мешали развивать уже созданные связи с двумя названными странами. Вместе с тем Италия полагала, что лучше было бы к пяти государствам подключить четыре великих и переговоры сразу вели бы девять государств.

Германия этот план не поддерживала, высказываясь за экономическую общность более крупных регионов, хотя в то время, по ее мнению это было неосуществимо. Пока же она считала целесообразным дать преференции ряду государств в промышленной области, а Венгрии и другим аграрным странам — в сельскохозяйственной. Резко отрицательная позиция Германии к плану экономической конфедерации дунайских государств объяснялась еще тем, что в последние годы она завоевала там прочные позиции для промышленного экспорта. Германия опасалась в случае объединения пяти государств конкуренции чехословацкой промышленности. На ее позицию оказывали влияние и политические соображения, а именно проблема аншлюса, поскольку объединение пяти государств носило бы характер антианшлюса и мешало бы политике Германии в отношении своих национальных меньшинств на Востоке.

Польша колебалась, полагая, что в какой-то форме и ей нужно будет присоединиться к этим переговорам. Чехословакия была той страной, которая из-за кулис дирижировала подготовкой плана, но в прессе и дипломатических беседах изображала дело так, что среди пяти государств в трудном положении якобы оказались только Австрия и Венгрия и им следует помочь. Румыния географически находилась восточнее этих стран, но и в ней была сильна тяга, особенно со стороны короля, к западу. В Югославии полагали, что Австрия и Чехословакия представляют собой недостаточно широкий рынок для сельскохозяйственной продукции, и потому отстаивали позицию, со-

гласно которой страны пятерки имеют право поддерживать экономические отношения и с другими государствами³³.

Австрия в этом вопросе оказалась в трудном положении. Естественно, она приветствовала все, что улучшило бы ее экономическое положение, но вынуждена была оглядываться на Германию и потому занимала весьма сдержанную позицию.

В Венгрии рассматривали данную проблему как с сельскохозяйственной, так и промышленной точек зрения. В Венгрии придавали особое значение экспорту зерновых и муки, крупного рогатого скота и свиней, а также всего, что было связано с крестьянским приусадебным хозяйством, поскольку экспорт цыплят, яиц, пера, гусяной печени по своей стоимости достигал экспорта зерна. При нормальном экспорте Румыния, Югославия и Венгрия могли разместить 60% зерна в Австрии и Чехословакии, для остальных же 40% приходилось искать другие рынки сбыта.

Австрия и Чехословакия могли купить около половины экспортируемого из указанных трех стран крупного рогатого скота, что касается птицы, то Австрия и Чехословакия не могли закупить и половины возможного экспорта. Венгрия считала, что получит несомненные льготы от сотрудничества пяти придунайских государств, но придерживалась той точки зрения, что ей следует и в дальнейшем развивать экспорт в другие страны. Она имела в виду прежде всего налаженный экспорт скота и птицы в Италию и Швейцарию. Венгерское правительство ставило перед собой задачу сохранить в условиях сотрудничества пяти государств здоровую промышленность и в то же время получить возможность увеличить экспорт промышленных товаров в балканские страны. Учитывая свое географическое расположение, Венгрия могла бы иметь немалую пользу и от транзита. Она рассчитывала также получить преимущество в финансовой области, правда, при сохранении свободы экономических связей с другими странами³⁴.

В комиссии 33-х возникли споры по вопросу преференций. Министр иностранных дел вынужден был разъяснить позицию Франции. В своем заключительном слове 31 марта 1932 г. он сказал, что пять придунайских государств в любом случае будут

вести (не все вместе, а поотдельности) переговоры с другими государствами. Великие державы, по его мнению, не будут препятствовать тому, чтобы Венгрия вела дела так, чтобы получить преференции по таможенным тарифам³⁵.

В венгерском министерстве иностранных дел сотрудничество пяти стран в экономической области трактовали как заключение взаимовыгодных торговых соглашений. Правительство Венгрии не упускало случая подчеркнуть свое стремление к мирной ревизии договоров. Один из венгерских дипломатов отметил, что свидетельством этого было присоединение Венгрии к пакту Бриана—Келлога 8 октября 1928 г. Суть этого пакта заключалась в том, что подписавшие его страны осудили решение международных споров путем войны и заявили об отказе от нее как средства национальной политики. Одновременно они подтвердили свое желание решать спорные вопросы мирными средствами.

Министр иностранных дел Венгрии на закрытом заседании парламентской комиссии по иностранным делам заявил, что, по мнению правительства, Венгрии следовало присоединиться к пакту Бриана—Келлога³⁶. Он подчеркнул, что, хотя этот договор и противоречил интересам венгерской внешней политики, не подписать его было нельзя. Государству с небольшим капиталом, каким являлась Венгрия, в этом случае угрожали бы не только политические последствия, оно не могло бы получить новые денежные средства из-за рубежа и потеряло бы уже вложенные капиталы.

В 1932 г. на одном из заседаний комиссии по иностранным делам обсуждались итоги первого этапа конференции по разоружению. Венгерская делегация на конференции руководствовалась идеей не идти ни на какие соглашения, ущемлявшие равноправие Венгрии. С этой целью венгерская делегация тесно сотрудничала с представителями побежденных в войне стран, а также с Италией, правительство которой и в данном случае полностью разделяло венгерскую позицию. Итальянская делегация вместе с венгерской воздержалась от голосования при принятии резолюций по этому вопросу. В парламентской комиссии воздали должное представлявшему Венгрию графу Алпони.

Благодаря его ораторским способностям и в не меньшей мере политическому чутью делегация Венгрии смогла покинуть Женеву, не испортив отношений со странами, придерживавшимися противоположного мнения. Венгерское предложение о равноправии было принято мировым общественным мнением как законное требование и как единственная основа взаимного доверия между народами. Члены комиссии воздавали ему должное за борьбу в поддержку идеи, которую прежде считали военным подстрекательством и непримиримостью. Правительство расценило результаты выступления своей делегации как «неоценимый успех, которому венгерская нация обязана исключительно деятельности графа Алберта Аппони»³⁷.

Министр иностранных дел в одной из информаций в парламентской комиссии затронул вопрос о планах создания Дунайского блока в различных составах и комбинациях, вплоть до Дунайской конфедерации, в которой Чехословакия играла бы доминирующую роль. Он твердо заявил: «Нет необходимости больше говорить, что мы будем сопротивляться этому до конца, ибо не склонны жертвовать независимостью в интересах какого-либо пакта, какой-либо концепции»³⁸.

Венгерско-австрийские отношения

Общая итало-венгерская акция в Австрии неизбежно вела к созданию итало-венгеро-австрийского блока. Для венгерского правительства это было важно, поскольку Венгрия могла получать оружие из Италии через Австрию. Именно поэтому правительство избегало поднимать сложный западновенгерский вопрос, т. е. вопрос о Бургенланде, на который она претендовала. Между правительствами Австрии и Венгрии сохранялись добрососедские отношения, особенно с тех пор, как в первой к власти пришли христианские социалисты. В этом отношении многое сделал Зайпел — противник социализма и национализма, не желавший аншлюса. Бетлен надеялся, что с приостановлением развала хайвера удастся достичь поставленной вместе с Италией цели. Однако, несмотря на организационное упрощение хайвера, Муссолини пока не поставлял ему оружия.

В начале апреля 1930 г. И. Бетлен посетил Рим с официальным визитом и обсудил с Муссолини различные аспекты сотрудничества, в том числе и австрийское дело. Бетлен осведомил дуче о просьбе лидеров хаймвера поставить им оружие и сказал, что пока уклонился от ответа, поскольку “действовать против Шобера не хотел, но, бесспорно, нашим единственным средством достижения цели в Австрии является хаймвер”³⁹. Муссолини информировал Бетлена о том, что лидеры хаймвера обратились и к нему, но он пока оружия им не дал, зато канцлеру Шоберу пообещал продать стрелковое оружие — 20 тыс. винтовок и 500 автоматов.

Мы договорились, как отметил в своих записях И. Бетлен, что “хаймверовцам сообщат . . . в настоящее время нет причин принимать меры против Шобера и устраивать интриги. . . Однако в подходящее время мы готовы внушительно их поддерживать”⁴⁰. Муссолини пока был доволен правительством Шобера, что принял к сведению и И. Бетлен. Последний был ободрен заключенным Италией с Австрией в феврале договором о дружбе. Еще во время своего пребывания в Риме Бетлен информировал Муссолини о намерении пригласить Шобера в Будапешт. В конце апреля Валко официально передал австрийскому канцлеру просьбу о нанесении визита и информировал об этом правителей Италии. Те посоветовали венграм заключить с Австрией договор о дружбе. В условиях существовавшего венгерско-итальянского и итало-австрийского договора заключение австро-венгерского наметило бы контуры будущего политического блока.

2 июля венгерское правительство информировало правительство Италии, что оно думает “о дальнейшем развитии политического сближения с Австрией”⁴¹. Это означало, что Венгрия хотела уточнить методы дальнейших связей между Будапештом и Римом по интересующим их вопросам. Муссолини сообщил Шоберу о своем желании, чтобы между Венгрией и Австрией был подписан договор о дружбе, о чем последний обещал договориться в Будапеште⁴².

Вскоре директор политического департамента итальянского МИД Квариджлиа предложил обсудить возможность образо-

вания итало-австро-венгерской экономической унии. Венгрия, однако, от этого уклонилась, обещав расширить свои торговые отношения с Австрией⁴³. В действительности же в условиях кризиса наблюдалось сокращение товарооборота между Венгрией и Австрией. Венгрия заботилась лишь о сохранении существовавшего положения, а не о расширении торговых отношений.

Шобер прибыл в Будапешт 7 июля, а на следующий день вечером возвратился в Австрию. Стороны договорились дополнить договор об арбитраже от 1923 г. договором о дружбе. По предложению венгерской стороны он был дополнен и тайным соглашением. Венгерский МИД информировал об этом итальянское правительство. Австрийский канцлер взял подготовленные проекты документов в Вену с тем, чтобы их изучило министерство иностранных дел его страны.

На австро-венгерских переговорах шла речь и о торговых отношениях. Решено было образовать комиссию для изучения возникших проблем. Упоминался и хаймвер; канцлер обещал, несмотря на принятый закон о разоружении, его не трогать, но сообщил о намерении изменить руководство этой организации, которым он был недоволен.

Для Бетлена важнейшим вопросом оставалась перевозка оружия из Италии. Шобер выразил надежду, а фактически пообещал в ближайшее время провести закон о железных дорогах и в течение нескольких месяцев, т. е. к концу года, заменить служащих (социал-демократов), обеспечив тем самым возможность венгерско-итальянского транзита⁴⁴.

В июле 1930 г. правительство Шобера получило международный заем, и вслед за этим сторонники Зайпела повели кампанию за отстранение правительства с целью смещения оси правления вправо, для чего был использован и хаймвер. Б. Муссолини считал действия хаймвера преждевременными и в июле рекомендовал его руководителям сначала восстановить единство в организации и уже затем, заручившись поддержкой всех правых партий, образовать мощный правый блок под своим руководством, на выборах потеснить социал-демократов и наладить сотрудничество с правительством Шобера, чтобы не вести борьбу на два фронта⁴⁵. Сторонники Зайпела не стали ждать

упрочения положения хаймвера и решения вопроса борьбы за руководство в нем, они заставили Шобера 25 сентября подать в отставку.

Новый канцлер Фаугойн сохранил за собой портфель военного министра, а Зайпел стал министром иностранных дел. Из 11 членов кабинета восемь были христианскими социалистами и два представляли хаймвер, в том числе Штаремберг, ставший министром внутренних дел. Поскольку новое правительство не располагало большинством в парламенте, президент Миклас распустил палату представителей.

События в Австрии беспокоили Муссолини, поскольку смену правительства он считал преждевременной. Дуче просил И. Бетлена, чтобы тот использовал прямые связи и оказал влияние на развитие дел в Австрии. Венгерский посланник в Риме Андраш Хори довел до сведения итальянских правителей, что премьер-министр его страны "и сегодня поддерживает интенсивную связь с австрийскими руководителями". Посланник просил Италию оказать материальную поддержку сторонникам хаймвера на выборах в Австрии, что и было сделано. Итальянские правители считали, что "с точки зрения итало-венгерской политики Австрия является важнейшим фактором", и если она выпадает, то "выполнение программы отодвинется на годы"⁴⁶.

Выборы в Австрии не оправдали надежд Муссолини и Бетлена. Социал-демократическая партия осталась ведущей партией страны, а правительство Фаугойна вынуждено было в конце ноября 1930 г. уйти в отставку. 4 декабря было образовано новое правительство, канцлером стал христианский социалист Отто Эндер. Христианские социалисты вновь вошли в коалицию с Шобером, который стал вице-канцлером и министром иностранных дел. Бетлена и Муссолини беспокоили результаты политического развития в Австрии, поскольку председателем парламента был избран социал-демократ. Шобер пыгался рассеять эти опасения в беседе с венгерским посланником в Вене. Разъяснения вице-канцлера министр иностранных дел Венгрии Валко немедленно передал в МИД Италии, хотя они не успокоили ни венгерских, ни итальянских правителей.

В декабре в здании итальянской миссии в Будапеште на обед собрались премьер-министр Венгрии Иштван Бетлен, постоянный заместитель министра иностранных дел Ш. Куэн-Хедвари, заведующий политическим отделом венгерского МИД Габор Апор, итальянский посланник в Будапеште Марио Арлотта и итальянский посланник в Австрии Гиацинто Аурити. Они обсудили политическое положение в Австрии. Присутствовавшие ознакомились с инструкциями, данными статс-секретарем итальянского МИД Дино Гранди итальянскому посланнику в Вене, в которых указывалось, что Й. Шобер в период предвыборной кампании “не отзывался об Италии должным образом и, кроме того, кокетничал с социалистами”. В связи с этим итальянское правительство заняло по отношению к нему “выжидательную позицию”.

И. Бетлен предлагал любым путем укрепить хаймвер, примирить ссорившихся друг с другом лидеров и одновременно восстановить и упрочить буржуазный фронт, объединить Зайпела, Шобера, Фаугойна, Штаремберга и др. Бетлен отметил, что, если не удастся вновь поставить на ноги хаймвер, “австрийское реставрационное движение попадет в руки гитлеровцев, против чего он решительно выступает”, ибо, если это произойдет, будут “большие международные осложнения”⁴⁷. Муссолини, Бетлен, Шобер и Зайпел надеялись, что восстановленный хаймвер сможет стать преградой усиливавшемуся прогитлеровскому движению в Австрии, выступавшему за аншлюс.

14 августа правительство Австрии одобрило подготовленный договор с Венгрией и затем по дипломатическим каналам оповестило МИД Венгрии, что готово подписать его в любое время⁴⁸. Однако падение австрийского правительства Шобера и выборы отодвинули подписание договора. Только 12 ноября И. Бетлен сообщил И. Зайпелу, что он в конце ноября мог бы приехать в Вену и подписать венгерско-австрийское соглашение. Последний ответил, что подписать договор не сможет, ибо его правительство, по-видимому, 25 ноября подаст в отставку⁴⁹. В сложившейся ситуации И. Бетлен отложил свой визит. И. Зайпел сделал ряд замечаний по проекту договора; в частности, он возражал против тайного протокола.

Вскоре правительство Фаугойна ушло в отставку, и с образованием правительства Отто Эндера И. Бетлен занял позицию выжидания. 4 декабря он дал указание венгерскому посланнику в Вене Лайошу Амбрози избегать затрагивать вопрос о его приезде в столицу Австрии.

19 декабря 1930 г. Амбрози доносил, что вице-канцлер Шобер согласен с секретным приложением к договору и готов принять предложенные Будапештом первоначальные условия договора. Согласен с этим был и канцлер Эндер. Новый министр иностранных дел Венгрии граф Дюла Каройи дал указание Амбрози сообщить в МИД Австрии, что И. Бетлен готов прибыть в Вену для подписания договора в январе 1931 г.⁵⁰

23 декабря МИД Венгрии направил Амбрози проект тайного протокола на немецком языке: "При интерпретации преамбулы к договору об арбитраже, подписанном в Будапеште 10 апреля 1929 г., правительства Высоких Договаривающихся Сторон пришли к согласию о том, что по всем взаимно интересующим их политическим вопросам, особенно тем, которые относятся к общим соседям, они будут поддерживать через своих посланников постоянный контакт"⁵¹.

25 января 1931 г. И. Бетлен прибыл в Вену и на следующий день подписал договор о дружбе, согласительном разбирательстве и арбитраже, который был ратифицирован палатой представителей 30 мая того же года⁵². В дни пребывания И. Бетлена в Венс руководители обеих стран обменялись мнениями по поводу положения дел в мире. Венгерский премьер обратил внимание вице-канцлера на то, что правительство Франции с одобрением отнеслось к венгерско-австрийскому сближению, и если Шобер до сих пор добивался уступок от Франции, используя в качестве козыря угрозу аншлюса, то теперь он может использовать для этого и австро-венгерское сближение. Бетлену хотелось, чтобы Шобер представил Парижу австро-венгерский договор как направленный против аншлюса.

Венгерских и итальянских правителей интересовало состояние хаймвера, распри в руководстве которого продолжались. Это руководство не пользовалось доверием Шобера, считавшим его "незрелым и лишенным политического чутья"⁵³. И Рим и Бу-

дапешт стремились к более тесному политическому сотрудничеству с Австрией, в целях создания тройственного союза они предполагали развивать с ней и военное сотрудничество. Италия намеревалась продать Австрии оружие с тем, чтобы тем самым перетянуть Шобера на свою сторону. При этом с перевозкой оружия из Италии в Венгрию итальянское правительство затягивало⁵⁴. В Риме и Будапеште тогда еще не знали о договоренности Австрии с Германией о таможенной унии между двумя странами.

В начале марта 1931 г. венгерский посланник в Вене Амбрози получил поручение от своего правительства узнать у Шобера, может ли тот обещать беспрепятственный от таможенного досмотра транзит через Австрию оружия из Италии в Венгрию по железной дороге. Неопределенный ответ от Шобера последовал только 17 марта, а через несколько дней, 21 марта, австрийское правительство опубликовало соглашение с Германией об установлении таможенной унии. А еще через 10 дней оно денонсировало австро-венгерское торговое соглашение. Австрия желала поднять таможенные тарифы до уровня германских. Переговоры между Веней и Будапештом о новом торговом соглашении велись в очень напряженной обстановке.

Заявление Австрии о таможенной унии с Германией вызвало замешательство в странах Западной Европы и повлекло за собой дипломатические шаги и финансовые реторсии в отношении Австрии, особенно со стороны Франции. Итальянское, французское и чехословацкое правительства заявили в Вене совместный протест против договора о таможенной унии, обращая внимание на то, что мирный договор, подписанный с Австрией, запрещал аншлюс, а следовательно, и австро-германскую таможенную унию. Франция отзывала из Австрии краткосрочные кредиты, и та оказалась на грани банкротства. Правительство Эндера вынуждено было уйти в отставку, а новое — канцлера Карла Бурша — заявило о расторжении таможенной унии. Шобер остался в новом правительстве вице-канцлером и министром иностранных дел. 1 июля было подписано временное торговое соглашение с Венгрией, но в урезанном виде.

8 июля Амбрози вновь встретился с Шобером и затронул вопрос о транзите военных материалов; последний сообщил, что канцлер Бурш считает: «еще нужно подумать»⁵⁵.

Итало-австрийский и австро-венгерский договоры о дружбе продолжали действовать, но Бетлен и Муссолини не могли поднять политическое сотрудничество до уровня блока трех государств. С провалом германско-австрийской таможенной унии ослабли австро-германские отношения. Австрийское правительство стремилось улучшить связи с Францией и Англией, что не повлекло, однако, за собой упрочения контактов с Италией.

Венгерско-германские отношения

К началу 30-х годов произошли изменения во внешней политике Германии. Осторожность Штресемана дала свои результаты: были выведены англо-франко-бельгийские войска из Рейнской области, решался вопрос о репарациях, коалиционное правительство Германа Мюллера сменилось правительством Генриха Брюнинга. Вместе с тем начавшийся рост реваншизма в Германии становился все более открытым, наметилось сотрудничество и с Венгрией в этом направлении. Совместные венгерско-германские интересы проявились в выступлении за равноправие вооружения. Обе стороны требовали разоружения стран-победителей и отмены ограничений на вооружение побежденных государств. Одновременно и Германия, и Венгрия вели гайное вооружение.

Сохранялись интенсивные связи между германским и венгерским генеральными штабами. В октябре 1927 г. в качестве официального гостя правительства в Будапеште находился генерал Сект, руководивший реорганизацией германской армии, а в сентябре следующего года главнокомандующий венгерской армией генерал Кочард Янки вместе с генералом Вилмошем Редером принял участие на маневрах райхсвера. Немецкое военное руководство показало Янки ряд военных учреждений, расположенных в окрестностях Берлина. На официальных приемах с обеих сторон вспоминали о братстве по оружию, скрепленном

кровью в годы войны. и выражали надежду, что оно останется непреходящим⁵⁶.

Контакты между военными поддерживались и позднее в надежде добиться такого же единодушия и между правительствами. И. Бетлен предпринимал немало усилий с целью сближения Италии с Германией, но в тот период это было безуспешно. В апреле 1930 г. И. Бетлен и Б. Муссолини констатировали, что в Берлине положение для итало-германского сближения "еще не созрело"⁵⁷.

Венгерскую сторону обескураживало то, что сохранялись трудности в размещении венгерского сельскохозяйственного экспорта на германском рынке, в то время как импорт из Германии в венгерской внешней торговле занимал после Чехословакии второе место. Чтобы изменить сложившееся положение, правительство Бетлена всякий раз начинало торговые переговоры, которые, как правило, быстро прерывались. В декабре 1928 г., в период заседания Лиги наций, И. Бетлен в Лугано встретился с Штреземаном и вел с ним переговоры и по этому вопросу. Он пытался убедить собеседника в том, что провал торговых переговоров между Венгрией и Германией укрепит положение легитимистов, выступающих против аншлюса, и окажется хорошим "политическим оружием" в руках Бенеша для сплочения Дунайских государств. Бетлен делал вывод, что все это дало бы преимущества Франции, а не Германии⁵⁸. Несмотря на это, германское правительство не спешило заключать торговое соглашение с Венгрией.

В эти годы венгерское правительство беспокоили попытки германского правительства превратить национальные меньшинства в орудие своей политики в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, в том числе в Венгрии. В подготовленных для И. Бетлена перед его поездкой в Берлин материалах указывалось, что пропаганда, направленная на противопоставление немцев, проживавших в Венгрии, против венгров в конечном счете может подорвать доверие последних к Германии⁵⁹.

И. Бетлен рассчитывал склонить Берлин к прекращению великогерманской пропаганды среди немецкого меньшинства в Венгрии. Одновременно он желал добиться единства действий

организаций венгерских и немецких национальных меньшинств в соседних странах. Венгерский премьер нанес визит в Берлин 21 ноября 1930 г. Германское правительство проводило в тот период политику Локарно, договаривалось с Францией и Англией и вело себя сдержанно в отношении итальянского правительства, которое искало сближения с Берлином. Тогда правительство Германии еще надеялось, что при помощи такой политики ему удастся добиться слияния Австрии с Германией путем таможенной унии. Одновременно с этим в Германии поднимали голову реваншисты, ослаблявшие дух Локарно.

Поездка Бетлена в Берлин преследовала цель улучшить экономическое положение Венгрии и при сохранении ориентации на Италию проложить путь к сотрудничеству с Германией. Венгерский премьер надеялся образовать реваншистскую группу. В Берлине он вел переговоры с канцлером Г. Брюнингом, одним из руководителей католической Партии Центра Юлиусом Курциусом, министром иностранных дел, и встретился с президентом Гинденбургом. Результаты поездки оказались, однако, малозначительными.

С венгерской стороны записи о беседах с германскими политическими деятелями не сохранились. Правда, имеются информационные материалы МИД, подготовленные для переговоров премьер-министра, на которых в свое время подробно остановился Д. Немеш⁶⁰. Впоследствии была обнаружена запись беседы И. Бетлена в присутствии посланника К. Кани с канцлером Брюнингом и министром иностранных дел Курциусом. Последний, излагая внешнюю политику Германии, отметил, что внешнеполитические цели его страны в таких важнейших вопросах, как ревизия и разоружение, идут в одном направлении с целями венгерской внешней политики. Он выразил надежду, что со временем в Германии и Венгрии это единство выльется в тесное сотрудничество и взаимную поддержку.

Бетлен со своей стороны заявил, что и он не хотел бы разделять Европу на два лагеря — ревизионистов и антиревизионистов, но считает, что путем сотрудничества, как, например, Венгрии с Италией, нужно сближать позиции по самым значимым вопросам внешней политики.

Главную цель внешней политики Венгрии премьер видел в расшатывании и ослаблении Малой Антанты. Венгрия с большим опасением следила за развитием югославско-болгарского сотрудничества. Создание славянской группировки, которая на юге, т. е. со стороны Балкан, изолировала бы Венгрию, имела опасные последствия. Помешать такому развитию событий должна была его поездка в Турцию.

Министр иностранных дел Курциус заметил, что Италия прежде всего стремится окружить Югославию, а разжиганием сербо-хорватских противоречий ослабить ее изнутри. Бетлен подтвердил это. Что касается хороших венгерско-польских отношений, то И. Бетлен объяснял их необходимостью держать Польшу вдали от Малой Антанты. Курциус обратил внимание на постоянное обострение германско-польских отношений и выразил опасение, что Венгрия может занять в этом споре про-польскую позицию, что, естественно, отрицали представители венгерской стороны⁶¹.

Обсуждали на встрече и вопрос о разоружении. Бетлен заявил о наличии единства взглядов двух стран по этому вопросу, как и единства в отношении тактики подхода к нему. Борьбу за разоружение следует продолжать самым настойчивым образом. Бетлен поднял еще один вопрос — о положении немецкого меньшинства в Венгрии, жалуясь на агитацию немецких организаций в Венгрии. Немецкие представители попросили список жалоб в виде памятной записки и пообещали разобраться. Они обещали также поддержать тесное сотрудничество организаций немецкого и венгерского меньшинств в Югославии и Чехословакии⁶².

На более расширенном заседании обсудили хозяйственные отношения, отраженные во второй части записки германского МИД, обсуждали перспективы торгового соглашения. Бетлен был удовлетворен обещаниями германской стороны дать таможенные льготы поставкам венгерской пшеницы в Германию. Вместе с тем последняя заняла отрицательную позицию в вывозе венгерского крупного рогатого скота и свиней, что вызвало недовольство Бетлена⁶³. Немецкая сторона дала обещание в ближайшее время начать с Венгрией торговые переговоры.

После завершения переговоров венгерский премьер заявил, что устремления обеих стран едины, поэтому нет необходимости подписания далеко идущего договора. Он отрицал слухи о том, что ездил в Берлин для создания блока (ревизионистского или иного), его целью якобы было приведение в гармонию внешнеполитических линий двух государств⁶⁴.

После возвращения И. Бетлена в Будапешт министр иностранных дел направил посланникам краткую информацию о поездке в Берлин. В послании Андрашу Хори в Рим он просил передать в палаццо Киджи, что поездка Бетлена в Берлин вызвала больше шуму, чем ожидалось, хотя обмен мнениями с Брюнингом и Курциусом носил общий характер и не имел никакой конкретной цели. Именно поэтому не было достигнуто никакого конкретного соглашения. Он просил посланника доверительно сообщить Гранди, что немецкое правительство до сих пор занимает сдержанную позицию в отношении Франции и намерено сохранять прежнюю политику, для проведения ревизионистской политики ему придется потратить много усилий⁶⁵.

Венгерский посланник в Париже барон Фридьеш Виллани 10 декабря сообщал в Будапешт, что во французских правительственных кругах поездка И. Бетлена в Берлин вызвала очень плохое впечатление, там не верят комментариям из венгерской столицы. Французы полагают, что И. Бетлен в качестве доверенного лица Муссолини ездил в столицы Турции и Германии для создания блока государств под руководством Италии⁶⁶. Для венгерского правительства эта позиция была нелिцеприятной тем более в период, когда оно добивалось займа от Франции для спасения экономического положения страны.

Естественно, Германия не нуждалась в блоке под руководством Италии. Она сама собиралась возглавить группу стран для осуществления ревизионистских устремлений. И. Бетлен полагал, что уступками в отношении немецкого меньшинства в Венгрии германское правительство будет поддерживать венгерские реваншистские устремления и пойдет на заключение благоприятного для Венгрии торгового договора. После возвращения в Будапешт на прессконференции он заявил, что одной из целей его поездки в Берлин было "обсудить экономические про-

блемы". Заключенный в 1920 г. торговый договор уже не действовал. Бетлен сообщил также о достигнутой договоренности начать в феврале–марте 1931 г. переговоры о новых таможенных тарифах⁶⁷. Это был единственный конкретный результат поездки премьера, да и то только в виде обещания с немецкой стороны.

Германия в то время тоже находилась в тяжелом экономическом положении, раздались призывы прекратить выплату репараций. Франко–германские отношения продолжали обостряться. Веймарская Германия пока проводила политику незаинтересованности в Дунайском бассейне, чувствуя свою зависимость от Франции и Англии, она пока решала внутренние проблемы и проблему репараций. Этим можно объяснить отклонение предложения Валко выступить совместно с Германией и Австрией против ограничения вооружений⁶⁸. Пришлось отложить данное сотрудничество на более поздний период.

Венгерско–польские отношения

После прихода Ю. Пилсудского к власти в 1926 г. оживились венгерско–польские отношения в культурной и экономической области. Польша и Венгрия находились в двух противоположных лагерях. Мирные договоры в окрестностях Парижа воскресили Польшу и похоронили “Великую Венгрию”. В Будапеште косо смотрели на общие польско–румынские интересы. И Польша, и Румыния увеличили свои территории за счет России и побаивались ее. Именно поэтому они заключили 3 марта 1921 г. польско–румынский договор, так называемый Союз защиты, который мешал углублению польско–венгерской дружбы. Польша пыталась способствовать венгерско–румынскому сближению и одновременно ослабить доминирующую позицию в Центральной Европе Чехословакии. Противоречия с последней объяснялись прежде всего тешинским и яворским территориальными вопросами. Раздражало Польшу и заигрывание Чехословакии с Советским Союзом. Чехословацко–польские

противоречия помешали намерениям Малой Антанты привлечь на свою сторону и Польшу.

Что касается попытки Польши посредничать между Венгрией и Румынией с целью их сближения, то она оказалась безрезультатной. Румынско-венгерские противоречия были настолько глубоки, что уже с самого начала обрекали такие замыслы на провал.

Целый ряд событий также не способствовал сближению обеих стран. Акция Ротермира не могла, естественно, вызвать симпатий в Польше. Там отмечали, что ирредента в Словакии может рассчитывать на поддержку лишь в том случае, если будет выступать самостоятельно. Поэтому тогда не была разрешена провенгерская пропаганда словацкого ирредентиста в Польше Франтишика Унгера⁶⁹. Исход скандала в Сентготхарде в Польше в конце концов сочли победой Венгрии над Малой Антантой, о чем свидетельствовала и речь И. Бетлена в Дебрецене. В ней были изложены принципы венгерской внешней политики :

1. Пока Венгрия в военном отношении слаба, она не может вести переговоры о восточном Локарно или принять предложения Бенеша .

2. Заключенный с Италией договор вывел Венгрию из прежней изоляции и основывается на общих интересах.

3. Длившиеся два года переговоры с Югославией не привели к каким-либо результатам, поскольку она не может принимать самостоятельные решения. Венгрия готова вести переговоры с правительствами стран Малой Антанты с каждым в отдельности.

4. Венгерское правительство, несмотря на неуспех, готово вести политику переговоров.

5. Пункт 19-й пакта Лиги наций разрешал ревизию мирных договоров, если границы для некоторой нации были установлены несправедливо, следовательно, деятельность в таком направлении нельзя называть ирредентой.

В марте 1928 г. министры иностранных дел Венгрии и Польши рассматривали проблему более тесного сотрудничества двух стран: они обсудили спорные вопросы⁷⁰. Если Венгрия стремилась изменить тогдашние границы мирным путем, то

Польша стояла на позиции неизменности существовавших границ. Исходя из противоположности взглядов по этому вопросу, стороны договорились следить за тем, чтобы не произошли конкретные столкновения. Венгерской и польской сторонам удалось достичь договоренности о возможности более тесного сотрудничества в области культуры и торговли. Не исключалась возможность подписания договора об арбитраже.

В Риме считали, что сближение Бухареста с Будапештом возможно будет лишь в том случае, если Россия вновь станет фактом силы и Румыния “будет лежать у ее ног”⁷¹. Венгерская пропаганда, направленная на завоевание польского общественного мнения на свою сторону, страдала порой излишней агрессивностью. Одна из варшавских газет констатировала, что Венгрия открыто стремится к ревизии, поскольку она официально заявила: мы не против сближения с Польшей, но стремимся к установлению общей с ней границы ценой отказа от мирных договоров⁷². Чехословацкая печать отмечала, что пропаганду, которая ведется Венгрией, невозможно себе представить ни в одной славянской стране. Краковские газеты часто писали об общей венгерско-польской границе, но при этом, как отмечали чехословацкие журналисты, поляки охотно “вогнали” бы 2 млн словаков под венгерское ярмо⁷³. Если польская пресса поддерживала венгерский ревизионизм, то Залеский в комиссии по иностранным делам сейма вновь заявил, что мирный ревизионизм — это такой же враг мира, как и милитаристский.

Бетлен тогда считал, что в сложившихся условиях невозможно осуществить ревизию, что она будет осуществлена позже и при помощи Германии. Разговор о ревизии вызывал раздражение в правящих кругах Малой Антанты. На ее конференции в Бухаресте 20 июня было принято решение трех стран всеми подходящими средствами сопротивляться ревизии границ, установленных Трианонским мирным договором. Легитимист Шандор Пете опубликовал статью, в которой была изложена концепция польско-венгерско-французского союза. Он утверждал, что сильнейшим членом французской фаланги является Польша. Общая граница, по его мнению, в одинаковой мере в интересах как Венгрии, так и Польши. Вместо Чехословакии защитным

бастионом на востоке станет Венгрия, если она получит вновь Северную Венгрию и Закарпатье. Новую политику в Париже могла бы представлять Польша. Задачей Варшавы было бы в собственных интересах заложить основу этого направления. Франция же в обмен на ревизию получила бы отличнейших воинов на случай войны — венгров⁷⁴.

В целом создавалось впечатление, что Польша заинтересована в сближении с Венгрией. Осенью 1928 г. был заменен посланник в Будапеште Зигмунт Михаловский, который, за исключением определенного круга аристократов, якобы не устанавливал нужных контактов. На его место прибыл Игнаций Матушевский, сын известного ученого и писателя, человек из близкого окружения маршала Пилсудского. Постоянный заместитель министра иностранных дел Венгрии Ш. Куэн-Хедервари предупредил его, что “хотя между нами будут хорошие отношения”, венгерские и польские интересы по определенным вопросам расходятся, в частности в том, что Польша ставит свое существование в зависимость от Парижских мирных договоров. Матушевский оказался настоящим дипломатом и, не желая огорчать собеседника, от себя лично заявил, что он может себе представить изменение Трианонского мирного договора при одновременном сохранении Версальской мирной системы. Он заметил, что это могло бы пойти на пользу и Польше⁷⁵.

Отрезвляюще повлияло на посланника выступление в рейхстаге в Берлине в пронемецком духе венгерского представителя в Лиге наций графа Алберта Аппони. Он остановился на § 19 пакта Лиги наций, который, по словам Аппони, дает возможность пересмотра тех мирных договоров, которые оказались неосуществимыми. Долго загибать решение вопроса нельзя, ибо настоящий мир не может базироваться на несправедливостях.

Естественно, в Польше не могли радоваться выступлению Аппони, ибо это в конечном счете означало бы раздел Польши⁷⁶.

В такой отравленной выступлением Аппони обстановке ждали в Варшаве прибытия венгерской делегации, которая должна была подписать договор. Приезд министра иностран-

ных дел Лайоша Валко в Варшаву был встречен тепло в правительственной печати. В интервью для печати Л. Валко подписание договора об арбитраже назвал важной ступенью в развитии венгеро-польских связей. Он подчеркнул, что между двумя народами никогда не имелось спорных вопросов, поэтому и подписание договора носит лишь символический характер.

В соседних странах визит Л. Валко в Варшаву и подписание договора об арбитраже вызвал самые противоречивые отзывы. Даже в самом МИД Венгрии эту поездку и ее результаты оценивали весьма скромно. Л. Валко в информации на заседании парламентской комиссии по иностранным делам 13 декабря 1928 г. сказал, что соглашение, “несомненно, имеет определенное значение”⁷⁷. Однако он счел ненужным говорить парламентариям о состоянии венгерско-польских отношений. Об этом договоре венгерский премьер-министр И. Бетлен более подробно рассказал при встрече с германским канцлером Штреземаном. Он подчеркивал, что для Венгрии жизненно важным является не допустить присоединения Польши к Малой Антанте, ибо это значительно усилило бы лагерь противников и значительно повысило бы его международный вес. На вопрос Штреземана, воспрепятствует ли данный договор вступлению Польши в Малую Антанту, И. Бетлен ответил утвердительно⁷⁸. В беседе с Валко Пилсудский одобрительно отозвался о внешней политике правительства Бетлена (оно не снимает с повестки дня мирную ревизию, но достижение ее откладывает на более позднее время)⁷⁹.

В сложных условиях экономического кризиса венгерские правители уточняли свои позиции. В парламенте Йозеф Ваши и Дьердь Лукач выступали за сближение с Францией. В начале 1929 г. и в области ревизионистской пропаганды наметились изменения. Даже И. Бетлен проявил осторожность, выступая 15 января среди членов Партии единства. Он начал с Трианона, но говорил не об интеграции, а только об объединении. Густав Грац на заседании парламентской комиссии 27 января подчеркивал, что после осуществления ревизии внутреннее положение Венгрии не будет прежним, ей придется предоставить национальностям территориальную автономию.

Высказываясь о венгерско–польских отношениях, министр иностранных дел отметил, что их характеризует атмосфера взаимного доброжелательства, хотя на них и накладывали отпечаток польско–румынские и румынско–венгерские отношения. В феврале 1929 г. министр иностранных дел Румынии Георге Миронеску прибыл в Варшаву, где был тепло принят. В его выступлении говорилось об угрозе оккупации Венгрии в случае, если произойдет реставрация Габсбургов. Венгры на это ответили, что пакт Келлога, который подписала и Малая Антанга и Венгрия, не позволит этого сделать⁸⁰. Теплая румынско–польская встреча в Варшаве вызвала разочарование в Будапеште и негативно повлияла на венгерско–польские отношения.

В апреле 1929 г. правительство польского премьера К. Бартеля подало в отставку. Новый кабинет сформировал Казимир Свигальский. Портфель министра иностранных дел сохранил за собой Аугуст Залеский. Венгерско–польские отношения оживились, о чем свидетельствовал и визит Залеского в Будапешт 21 мая. Там он взял на себя обязательство, что Польша не вступит в Малую Антанту, изъявил готовность посредничать между Венгрией, с одной стороны, и Румынией и Францией — с другой. Правда, взамен он хотел достигнуть договоренности о транзите оружия в Польшу через Венгрию на случай войны Польши с Советским Союзом. И. Бетлен пообещал, как и в 1920 г., что оружие, предназначенное для Польши, свободно может проходить через Венгрию в направлении Румынии в Польшу⁸¹.

Воспользовавшись этим, И. Бетлен поехал в Париж и 11–12 июня имел беседы с государственными и политическими деятелями Франции. Судя по его записям, одни пророчили ему, что Венгрия станет во главе Малой Антанты, хотя Пуанкаре открыто заявил, что мирные договоры ни сегодня, ни в будущем изменить нельзя⁸². Чтобы исправить свое дебреценское заявление (вопрос ревизии не актуален), И. Бетлен 26 мая при открытии памятника Героям выступил с ирредентистской речью, а на следующий день повторил ее в Залаэгерсеге. Вслед за этим в наступление перешли общественные организации, начиная с Ревизионистской лиги и кончая Союзом венгерского будущего. В го-

довщину подписания Трианонского договора на площади Свободы в Будапеште были организованы демонстрации. Выступая в июне в Залаэгерсеге, министр внутренних дел Бела Сцитовски заявил: “Мы верим в воскресение!”, после чего последовал демарш со стороны Малой Антанты. Венгерский премьер-министр ответил, что никакой демарш не может принудить венгров признать несправедливости Трианонского мира.

И. Бетлен заявлял иностранной прессе, что венгерско-французские отношения улучшаются. Вопросу о ревизии нужно созреть, долгое время Венгрия не будет поднимать и вопроса о короле. Бетлен надеялся на посредничество Польши, ведь у Венгрии и Франции не было трений. В то же время в Венгрии продолжалась античехословацкая пропаганда. Не способствовала улучшению венгерско-чехословацких отношений и позиция чехословацкой делегации на Гаагской конференции в 1930 г., где решался вопрос репараций с Австрии, Венгрии и Болгарии. Последние две страны заявили, что они не могут согласиться на дальнейшие репарации. После решения проблемы репараций для восточных стран на Гаагской конференции Э. Бенеш выяснял у И. Бетлена возможность сближения Венгрии и Чехословакии или Венгрии и стран Малой Антанты. Венгерский премьер дал уклончивый ответ: “Нет и не может быть такого венгерского правительства, которое могло бы вступить в переговоры с Малой Антантой как целым”⁸³. Хотя некоторое смягчение после Гааги и произошло в отношениях между Венгрией и Чехословакией, Венгрией и Югославией.

Венгерский историк Эндре Ковач ставил вопрос: что означает в сущности, польско-венгерская дружба, за которую поднимали столько много тостов, для манифестации которой временами устраивали банкеты, организовывали доклады? Венгерские делегаты на Женевской конференции по разоружению поддерживали немецкие требования. Сгладить это старались воспоминаниями о венгерской помощи полякам в 1920 г. против Красной армии под Варшавой⁸⁴. Не мог нравиться Варшаве и визит И. Бетлена в Берлин в ноябре 1930 г., о чем шла речь выше. В действительности И. Бетлен добился вслед за Римом поддержки своих ревизионистских устремлений в Германии. В сен-

тябре-декабре 1930 г. польское правительство беспокоили и разговоры о возможной венгерско-чехословацкой таможенной унии. В ответ на это польские монархисты, воспользовавшись случаем, возобновили нападки на Чехословакию, точнее, началась таможенная война между двумя соседними странами, длившаяся пять лет, причем это происходило между странами, политические отношения между которыми были столь напряженными, что если и можно было допускать улучшение между ними, то только в области экономических отношений.

В январе 1931 г. в Вене И. Бетлен подписал с Австрией договор, о дружбе и арбитраже. Причем это произошло в такой период, когда австрийские правители (Шобер, Курциус) усиленно трудились над проектом австро-германской таможенной унии, обнаружение которого весной 1931 г. вызвало шок в Европе и лихорадочные попытки ряда стран, в том числе и Польши, противодействовать ей. Объяснялось это тем, что ранее Австрия склонялась к заключению преференциальной таможенной унии с Италией и Чехословакией. Для Бенеша план австро-германской таможенной унии был неприемлем, и Франция стала на сторону чехословацкого премьера.

Заключенный с Австрией договор так или иначе способствовал целям германской политики. В последний период правления И. Бетлена во внешней политике Венгрия оставалась верна оси Италия-Германия-Австрия. Это было вызвано тем, что в конце 20-х — начале 30-х годов положение Венгрии было сложным. Еще на встрече Муссолини и Бетлена в Милане в пасхальные праздники 1928 г. главы правительств двух стран договорились, как отмечал И. Бетлен в своих записях о поездке в Италию, что для улучшения их внешнеполитического положения предстоит предпринять три акции: помочь приходу к власти в Австрии правому правительству; по возможности улучшить отношения с Румынией, для чего воспользоваться помощью поляков; включить Венгрию в тройственный союз (итало-турецко-греческий) с целью сближения с Болгарией и Турцией⁸⁵.

Оценивая результаты этих планов при очередной встрече в апреле 1930 г. с Б. Муссолини, И. Бетлен был доволен ими и оптимистически смотрел в будущее. При этом он предпочел не

упоминать о неудачах, а именно: что хаймвер в Австрии весной 1930 г. был далек от взятия власти и его раздирали внутренние противоречия. В венгерско-румынских отношениях, по признанию И. Бетлена, достигнуто было не много, несмотря на старания польских руководителей. И наконец, незаметными были успехи Бетлена в Анкаре и на Балканах вообще. Венгрия не была присоединена к Тройственному союзу, но и сам союз не был создан⁸⁶.

Поиск иностранных кредитов.

Отставка И. Бетлена

Между тем экономическое положение Венгрии настолько ухудшилось, что правительство вынуждено было обратиться за кредитами к западным странам. Правящие круги Венгрии были удивлены подписанием соглашения между Италией и Францией о флоте, т. е. о соотношении морских вооруженных сил двух стран. Для Венгрии не было иного пути, как принять к сведению это соглашение. Кроме того, финансовое положение заставляло венгерское правительство искать пути улучшения отношений с французским правительством, без чего оно не могло получить долгосрочных кредитов. Франция, в свою очередь, желала, чтобы Венгрия улучшила отношения со странами Малой Антанты.

Вскоре после подписания австро-венгерского договора в начале февраля 1931 г. новый министр иностранных дел Венгрии граф Дюла Каройи запланировал на вторую половину марта поездку в Рим. Он хотел встретиться с Б. Муссолини и Д. Гранди, но приурочил свой визит к международной конференции по пшенице, намеченной на 26 марта⁸⁷.

Венгерский МИД к этому времени уже был информирован о предстоящем заключении австро-германской таможенной унии. Когда венгерский посланник Амбрози обратился за разъяснением к Шоберу, тот не стал скрывать своих планов. Он отметил, что Брюнинга очень беспокоит франко-итальянское сближение, и настойчиво «настаивал на быстром заключении

унии”⁸⁸. Когда Каройи отправился в Рим, были опубликованы сведения об австро–германской таможенной унии. Это сказалось и на итало–венгерских переговорах. Прибывший в Рим 22 марта Д. Каройи в беседе с Гранди обсуждал австро–германскую таможенную унию. Было решено в скором будущем вернуться и этому вопросу. В отношении итало–французского соглашения о флоте представитель итальянского МИД уверял своего венгерского собеседника, что главной его целью является смягчение напряженности, учитывая желание Италии в то время избежать любого конфликта. Гранди обещал осуществить согласованный с венгерским правительством еще в 1928 г. военный заем, да и поставку оружия при определенных австрийских гарантиях. Констатировали, что план турецко–греческо–итальянского сближения пока неосуществим⁸⁹.

Во второй половине дня Д. Каройи встретился с Муссолини. Они обсуждали те же вопросы и в таком же духе. Правда, дуче добавил, что политика итальянского правительства ни в чем не изменилась⁹⁰.

В целом можно сказать, что визит Д. Каройи в Рим носил чисто информативный характер. Присутствовал венгерский министр иностранных дел и на конференции по пшенице. По возвращении в Будапешт он дал интервью представителям печати, в котором заявил, что итальянская политика дружбы с Венгрией стала всеобщим признанным фактором⁹¹.

В целом же по обсуждавшимся вопросам Венгрия заняла выжидательную позицию. Об этом Д. Каройи доложил и на заседании комиссии по иностранным делам венгерского парламента 29 апреля. Шла речь и об иностранных займах. Выступивший И. Бетлен заверял членов комиссии, что если положение на финансовом рынке улучшится, Венгрия одной из первых получит заем. Вместе с тем он считал опасным изменение внешнеполитической линии⁹².

11 мая Д. Каройи прибыл в Женеву для участия в заседании так называемого Европейского совета; присутствовавшие стремились к сдерживанию таможенной войны и сокращению торговых ограничений. Д. Каройи встретился с Д. Гранди, который информировал венгерского министра о беседе с Гендер-

соном и шагах, направленных на срыв австро-германской таможенной унии. Поскольку против этой унии выступала и Франция, то при следующей встрече с Д. Каройи (21 мая) Гранди разъяснял, что Италии такая уния не нужна, как и скрывающийся за ней аншлюс. Что касается Германии, то наряду с непризнанием ее таможенной унии с Австрией Италия стремится к установлению с ней лучших отношений⁹³.

В условиях борьбы против австро-германской таможенной унии в Италии и Франции пропагандировались планы восстановления австро-венгерского государственного союза, т. е. планы реставрации Габсбургов, что могло бы воспрепятствовать аншлюсу. Римская газета "Трибуна" в апреле-мае 1931 г. опубликовала ряд статей, пропагандировавших эти идеи. Подхвачена была ее инициатива и некоторыми газетами Франции. Комментировали данные идеи и в венгерской печати⁹⁴.

7-8 мая 1931 г. палата представителей Государственного собрания Венгрии обсуждала внешнюю политику правительства. Докладчик Дюла Лакатош отклонил план Бриана как закрепляющий статус-кво и существовавшие границы⁹⁵. Вспомнил он и о главном требовании правительства — о равноправии на вооружение. Выступившие Лайош Бек (беспартийный), государственный секретарь Дюла Корниш, Карой Волф (христианская партия) и другие говорили о большевистской опасности, предлагали организовать мировой бойкот Советскому Союзу и т. д. Лакатош, как и Бек, хвалил правительство за "сдержанность" в отношении германско-австрийской таможенной унии. Депутат от либеральной оппозиции Йожеф Пакоч полностью поддержал позицию правительства в области внешней политики.

Депутаты от правящей партии (Партии единства) Болдизар Ланг и Дьердь Лукач одобрили результаты ревизионистской пропаганды и выступали за равноправие в вооружении. Янош Бодя, незадолго до того перешедший из правящей партии в христианскую, критиковал правительство за позицию к соседним странам, которые поддерживали хорошие отношения с Францией. Он полагал, что в обход Чехословакии "сегодня нельзя прийти к согласию с Францией".

Если Ласло Пинтер (Партия единства) посвятил свое выступление необходимости более тесного сближения с Австрией, то социал-демократы Карой Пейер и Геза Малашич считали неудачной следующую в форватере итальянской внешнею политику правительства. Пейер уже не поддерживал австро-германскую таможенную унию, а высказывался за сближение с соседними странами и установление более дружественных отношений с Францией. Малашич протестовал против итальянского плана восстановления австро-венгерской монархии.

Подводя итоги дискуссии, Дюла Каройи разделял мнение о необходимости "самой искренней, теплой и тесной дружбы с Италией" и дружественных отношений с Австрией. В отношении австро-германской таможенной унии он рекомендовал и далее придерживаться позиции выжидания.

Венгерские легитимисты поддерживали итальянский план восстановления Габсбургов на венгерском троне. 11 мая маркграф Дьердь Паллавиччини в одной из венских газет опубликовал статью, в которой форсировал вопрос о решении проблемы венгерского короля. По его мнению, вопрос реставрации Габсбургов является центральной проблемой Дунайского бассейна, венгерской политики и мировой политики, и "не принимать этого во внимание было бы легкомыслием". Эта статья на следующий день была перепечатана газетой "Немzeti уйшаг"⁹⁶.

4 мая в Женеве Д. Каройи просил у Д. Гранди объяснения по поводу статьи в "Трибуне". Тот высказался в том смысле, что не считает ее плохой, поскольку она достигла своей цели, т. е. напугала Белград. Гранди добавил, что это взгляды не правительства, а газеты, но он им симпатизирует⁹⁷.

Венгерские легитимисты видели в этом последнюю возможность реставрации австро-венгерской монархии во главе с Габсбургами, на которую, по их мнению, в то время пошла бы Италия и Франция, только бы не допустить аншлуса.

Однако правительство И. Бетлена, как и хортисты вообще, начиная с 1919 г. Германию считали своим основным союзником в осуществлении реваншистских устремлений. Правительству был не по душе аншлос, но оно не хотело принимать активного участия в его провале, как и не восхищалось планами рес-

таврации Габсбургов. Венгерский посланник при папском престоле Дьердь Барца 4 июня сообщал постоянному заместителю министра иностранных дел Ш. Куэну–Хедервари о приезде в Италию королевы Зиты и принца Отто. Он писал о тех разговорах, которые ведутся в Ватикане о предстоящей женитьбе Отто на итальянской герцогине Марии, что соответствовало бы планам Муссолини и было бы приятным для Ватикана. Зита с сыном 12 июня нанесла визит итальянской королевской семье, а на следующий день была принята и папой римским. Впрочем, И. Бетлен считал этот план в обозримом будущем не актуальным.

В мае 1931 г. французский посланник в Будапеште Луис де Винн передал в венгерский МИД сведения о перспективах получения государственного займа на 500 млн французских франков, что соответствовало тогда 112 млн пенге (покупательная способность которого равнялась рублю). Председателю кредитного банка Тибору Сцитовскому было предложено прибыть в Париж⁹⁸.

В связи с провалом австро–германской таможенной унии Германия склонялась к более тесному сотрудничеству с Италией, для достижения чего рассчитывала и на посредничество Венгрии⁹⁹. Стремление Италии и Германии как возможных союзников к более тесному сотрудничеству отвечало интересам венгерского правительства как в 1927—1928 гг., так и в 1931 г. Последнее пыталось заинтересованность правительства Брюнинга в итало–германо–венгерском сотрудничестве использовать прежде всего в целях размещения в Германии венгерских сельскохозяйственных продуктов. 18 июля был подписан венгерско–германский торговый договор. Венгерская пшеница получила 25%-ную льготу по таможенным платежам. Между тем в условиях дальнейшего углубления мирового экономического кризиса шел процесс сокращения венгерского товарооборота до трети в 1932 г. по сравнению с 1929 г. Положение Венгрии в финансовых делах было близко к катастрофе. В 1931 г. погашения по задолженности и платежи по процентам иностранным государствам составили около 300 млн пенге. Для погашения их в течение шести недель Венгрия взяла в кратковременный долг

1 млн фунтов стерлингов, 26 млн долл., т. е. около 175 млн пенге. Но положение продолжало ухудшаться. Правительство предпринимало меры: на три дня (14 — 16 июля) были закрыты банки.

В этих условиях Тибор Сцитовски и Лайош Валко вели переговоры сначала в Париже, а затем в Лондоне, однако без перспектив на долгосрочный кредит. Как заявил Бетлен, краткосрочный кредит в сумме 7 млн фунтов все-таки удастся получить¹⁰⁰.

Положение настолько ухудшилось, что, когда министр финансов 14 августа на заседании парламентской комиссии 33-х (действовавшей взамен парламента) заявил как о большой победе о получении 5 млн фунтов стерлингов краткосрочного кредита, члены комиссии, в том числе бывший министр финансов Тибор Каллаи, сочли этот путь ведущим к катастрофе. В аналогичном духе выступила и оппозиция. Легитимист А. Шиграи в своем выступлении 17 августа предложил правительству И. Бетлена уйти в отставку и одновременно отклонил предложение бывшего министра финансов Яноша Телески поднять подоходный налог в 2 раза.

В ответ И. Бетлен утверждал, что вся беда в экономическом кризисе. Он в грубой форме отклонил требование об отставке правительства, поскольку вопрос о доверии не входит в круг полномочий комиссии, им обладает только парламент или регент¹⁰¹.

Тем не менее на следующий день, 18 августа 1931 г., после того как был обсужден последний пункт повестки дня, премьер И. Бетлен неожиданно предложил министрам, учитывая тяжелое положение, подать в отставку¹⁰². Они, никогда ранее не возражавшие своему премьеру, даже не поинтересовались причинами и молча подписали заготовленный документ об отставке.

19 августа это заявление И. Бетлен передал регенту М. Хорти. Премьер, по-видимому, сделал это по чисто тактическим соображениям и надеялся, что отставка не будет принята. Отставка правительства оказалась неожиданной и для общественного мнения. В интервью венгерскому телеграфному агентству И. Бетлен заявил, что полученный последний заем за

рубежом, программа, выработанная в комиссии 33-х, в ближайшее время приведет страну в нормальное хозяйственное русло¹⁰³. Миклош Козма, один из самих информированных людей в Венгрии в то время, руководитель венгерского телеграфного агентства и радио, иронически отнесся к официальному коммюнике. Позднее, когда Бетлен убедился, что регент всерьез воспринял его отставку, в кругу друзей он мотивировал свой шаг тем, что не хотел расстаться со своими министрами ради того, чтобы самому сохранить за собой пост премьера, а также плохим состоянием здоровья. Козма записал в своем дневнике разные, витавшие в то время слухи¹⁰⁴.

Хорти все больше проявлял недовольство премьером, который стремился ограничить возможности главы государства и выражал либеральные идеи. Поэтому регент охотно принял в августе 1931 г. врученное ему прошение об отставке правительства.

Некоторый свет на хорошо продуманную тактику И. Бетлена проливает его заявление, сделанное государственному секретарю министерства юстиции (20 августа) Беле Андяну: "Мне нужно было выйти из игры и доверить управление такому человеку, который разделит бы ответственность. . . с парламентской оппозицией, человеку, который не окружен презрением, как я и мои сотрудники"¹⁰⁵. Он подчеркнул, что его имя связано с Партией единства, которую необходимо спасти. "Когда последующее за мной правительство выполнит поставленную перед ним задачу, — продолжал он, — во мне окажется нужда и смогу вернуться. Я это обсудил с регентом и Каройи"¹⁰⁶.

Тогда, когда в официальном коммюнике И. Бетлен обосновывал свою отставку состоянием здоровья, осведомленные люди знали, что главной причиной его отставки являлась все же неспособность правительства справиться с хозяйственным кризисом, обрушившимся на страну.

Правительство И. Бетлена 24 августа 1931 г. заменил кабинет Дюлы Каройи (он продержался до 21 сентября 1932 г.). Министром иностранных дел в нем вновь стал Лайош Валко. Новый премьер, который в последний год был министром иностранных дел в правительстве И. Бетлена, пользовался полным

доверием земельных магнатов и представителей финансовой олигархии. Ему безраздельно доверял и регент М. Хорти. Их дружба установилась в сегедском контрправительстве еще в 1919 г. и была закреплена женитьбой сына Каройи — Дюльмладшего на дочери М. Хорти Паулетте. Благодаря этому обедневшая дворянская семья Хорти вошла в круг аристократии.

24 августа при представлении нового правительства в Партии единства речь произнес и Бетлен. Он говорил о необходимости сохранения наследственности того курса, который был заложен им, И. Бетленом. Это означало, что изменений во внешней и внутренней политике не предвиделось¹⁰⁷.

¹ OL. K—80. 1929. 80. pol. 1—2. 1.

² Ibid. 1930. 26. pol. 1—3. 1.

³ Ibid. 1931. 5. pol. 1—2. 1.

⁴ Ibid. 20. pol. 1—2. 1.

⁵ Ibid. 61. pol. 1—4. 1.

⁶ Ibid. 1932. 46. pol. 1. 1.

⁷ Ibid. 2—13.

⁸ Ibid. 46 (14)pol. , 1—2. 1.

⁹ Ibid. 46 (12)pol. ,3. 1.

¹⁰ Ibid. 5. 1.

¹¹ Ibid. 6. 1.

¹² Ibid. 1—7. 1.

¹³ Ibid 46(97). pol. 1—4. 1.

¹⁴ Ibid. 46 (52). pol. 1—3. 1.

¹⁵ OL. K—80. 1933. 27. biz. 2. 1.

¹⁶ Nemzetközi szerződések 1918—1945. Összeál. Halmosy Dénes. Bp. , 1966. 309—312. old.

¹⁷ OL. K—80. 1930. 2396. pol. 9. 1.

¹⁸ Ibid. 10. 1.

¹⁹ Ibid. 4280. pol. 1—11.1.

²⁰ Ibid. 2. 1.

²¹ Ibid. 2—4.1.

²² Ibid. 7—8. 1.

²³ Ibid. 8. 1.

²⁴ Ibid. 8—9. 1.

-
- ²⁵ Ibid. 9–11. 1.
- ²⁶ OL. K–80. 1932. 61. pol. 2–3. 1.
- ²⁷ Ibid. 10–12.1.
- ²⁸ Ibid. 17–18.1.
- ²⁹ Ibid. 6–8. 1.
- ³⁰ Ibid. 8–9. 1.
- ³¹ OL. K–80. 1932. 171 (790). pol. 1–3. 1.
- ³² Ibid. 4. 1.
- ³³ Ibid. 5–15. 1.
- ³⁴ Ibid. 1–3. 1.
- ³⁵ OL. K–64. 1928. 4159. pol. 1.1.
- ³⁶ OL. K–64. 1928. 4159. pol. 1–3. 1.
- ³⁷ OL. K–80. 1932. 157. pol. 2–3. 1.
- ³⁸ OL. K–64. 1928. 2100. pol. 10. 1.
- ³⁹ Cit. :*Nemes Dezső*. Op. cit. 321–322. . old.
- ⁴⁰ A MEFK KP. 383. old.; OL. K–64. 1930. 23, 234.
- ⁴¹ OL. K–64. , 1931, 20, 422.
- ⁴² Ibid. 441.
- ⁴³ Ibid. 427.
- ⁴⁴ OL. K–64. 1930. 23, 454.
- ⁴⁵ Ibid. 474.
- ⁴⁶ Ibid. 20, 729 (712).
- ⁴⁷ Ibid. 23, 889.
- ⁴⁸ Ibid. 1931, 20, 557.
- ⁴⁹ Ibid. 20/7,213, 6340.
- ⁵⁰ Ibid.
- ⁵¹ A MEFK KP. 468. old.
- ⁵² Magyar Törvénytar. Bp. , 1931. XXIX. tc.
- ⁵³ OL. K–64. 1931. 20. 92.
- ⁵⁴ Ibid. 564.
- ⁵⁵ Ibid.
- ⁵⁶ Ibid. 1928. 21/7, 4052.
- ⁵⁷ Ibid. 1930. 23, 234.
- ⁵⁸ Ibid. 1928. 41. 700.
- ⁵⁹ Ibid. 1930. 23, 933.
- ⁶⁰ *Nemes Dezső*. Op. cit. 362–369. old.

-
- ⁶¹ OL. FT. 10921. d. D. 580 303—580 319.
- ⁶² Ibid.
- ⁶³ Ibid.
- ⁶⁴ Nemzeti Újság. 1930. 27. XI.
- ⁶⁵ OL. K—64. 1930. 21/7, 3893/4316.
- ⁶⁶ Ibid. 3893.
- ⁶⁷ Nemzeti Újság. 1930. 27. XI.
- ⁶⁸ OL. K—64. 1931. 41. 180.
- ⁶⁹ OL. K—64. 1927. 7, 300.
- ⁷⁰ Ibid. 1928. 17/7, 1171.
- ⁷¹ OL. K—64, 1928. 27, 661(381)
- ⁷² Kurjer Warszawski. 1928. 13. VI.
- ⁷³ Obzor. 1928. 11. VI.
- ⁷⁴ Magyarság. 1928. 5. VII.
- ⁷⁵ OL. K—64. 17/7, 4315.
- ⁷⁶ Gazeta Warszawska. 1928. 28. XI.
- ⁷⁷ OL. K—64, 1928. 17/7 4602.
- ⁷⁸ Ibid. 41, 780.
- ⁷⁹ Ibid. 1928. Kabinet. 88.
- ⁸⁰ Pester Lloyd. 1929. 27. II.
- ⁸¹ OL. K—64. 1929. 17. 648. (415).
- ⁸² Ibid. 41, 500.
- ⁸³ OL. K—64. 1930. 7. 80.
- ⁸⁴ *Kovács Endre. Magyar—lengyel kapcsolatok a két világháború között.* Bp., 1971. 172. old.
- ⁸⁵ OL. K—64. 1928. 23, 368; 1930. 17/7, 460.
- ⁸⁶ Ibid. 1930. 23. 234.
- ⁸⁷ Ibid. 1931. 23/7, 891.
- ⁸⁸ Ibid. 20. 565.
- ⁸⁹ Ibid. 1931. 23, 287.
- ⁹⁰ Ibid. 286.
- ⁹¹ Pesti Napló. 1931. 1. IV.
- ⁹² Budapesti Hirlap. 1931. 30. IV.
- ⁹³ OL. K—64. 1931. 23, 449.
- ⁹⁴ Tribuna. 1931. 25. IV; Matin, 1931. 10. V; Nemzeti Újság. 1931. 6. V; Magyarság. 1931. 7. V; Pesti Napló. 1931. 7. V.

-
- ⁹⁵ Képviselőházi Napló. Bp. , 1931. XXXVI. k. 8, 22.old.
- ⁹⁶ Nemzeti Újság. 1931. 12. . V.
- ⁹⁷ OL. K—64. 1931. 23. 367.
- ⁹⁸ OL. K—64. 1931. 11/7, 3277.
- ⁹⁹ Ibid. 21/444.
- ¹⁰⁰ Magyarország. 1931. 28. VII.
- ¹⁰¹ OL. Ogy. L. a 33-as bizottság jegyzőkönyvei, 1931, 1—2. k.
- ¹⁰² OL. ME. MT jkv. 1931 aug. 18.
- ¹⁰³ Bethlen István beszédei és írásai. Bp. , 1933. II. k. 356—358. old.
- ¹⁰⁴ OL. Kozma iratok. 3. cs. Adatgyűjtemény. 1931.
- ¹⁰⁵ Ibid. 14. cs. Napló. 1931. 8. 1.
- ¹⁰⁶ Gróf Bethlen István beszédei és írásai. 2. k. 356—258. old.
- ¹⁰⁷ Ibid.

Глава четвертая. Колебания во внешней политике правительства Д. Каройи

Углубление мирового экономического кризиса оказало влияние и на расстановку сил на мировой арене. Хотя план германско-австрийской таможенной унии и провалился, германский вопрос выдвигался на авансцену Европы, “дух Локкарно” потускнел, но развитие шло не совсем в том направлении, о котором мечтало правительство И. Бетлена. Для Бетлена и его окружения было ясно, что собственных сил маловато для достижения главной внешнеполитической цели — пересмотра Трианонского договора, реванша за результаты проигрыша в первой мировой войне. Еще тогда, когда бывший премьер провозглашал свою “активную внешнюю политику”, он рассчитывал на стечение благоприятных обстоятельств на международной арене, на преимущества собственной инициативы, первого шага. Выступая в Залаэгерсеге 27 мая 1927 г., венгерский премьер-министр изложил свои замыслы найти за рубежом союзников, которые сочувствуют венграм и которых можно мобилизовать на свою сторону¹. И. Бетлен базировал внешнюю политику на использовании противоречий как между странами Малой Антанты, так и Франции, Англии и Италии, т. е. на противоречиях победителей.

В конце своего правления И. Бетлену казалось, что его представления сбываются, он сомневался только в том, какие очертания примут складывающиеся союзы, будут ли они повторять расстановку сил кануна первой мировой войны или по “плану Бриана”, острие которого было бы направлено против Советского Союза². Внешнеполитические планы И. Бетлена поддержал историк и государственный деятель Балинт Хоман, выдвинувший историческую концепцию, согласно которой связи Венгрии, ее ориентация на Восток были эпизодическими и нереальными. В противовес была выдвинута идея ориентации на Запад в двух ее вариантах, в которых важное место занимал венгерско-итало-германский союз³.

Хотя правительство И. Бетлена считало Францию вдохновителем Малой Антанты, оно все же вынуждено было в трудных условиях кризиса предпринять некоторые шаги, направленные на улучшение отношений с Францией. С ними была связана и сдержанная позиция венгерского правительства по отношению к проекту австро-германской таможенной унии. Но эта политика сопровождалась настойчивыми требованиями ревизии Трианона, создавая видимость полного единства венгерского народа в этом вопросе.

Политические группы, поддерживавшие правительство, по-разному отнеслись к австро-германской таможенной унии. Так, государственно-бюрократическая группа Дюлы Гёмбёша в самой воинственной форме выдвигала ревизионистские требования, настаивая на более тесном сотрудничестве с Италией и одновременно нападая на страны Малой Антанты, особенно на Чехословакию и Э. Бенеша. Аграрии выступали против возможной кооперации с Дунайскими государствами, острие которой было направлено против Германии.

Судя по сохранившимся дипломатическим документам, правительство И. Бетлена было заранее информировано о намечавшейся австро-германской таможенной унии, хотя в своих заявлениях оно и утверждало, что опубликование его оказалось для правительства неожиданностью (тем самым оно оправдывало свою позицию выжидания).

С целью выработки позиции в отношении этой унии 11 апреля 1931 г. в Будапеште было проведено совещание венгерских посланников. По мнению венгерского посланника в Вене Д. Амбрози, австрийский канцлер не продумал до конца внешнеполитические последствия таможенной унии и действовал под давлением великогерманских сторонников внутри страны. Вследствие этого австрийское общественное мнение не было, по мнению посланника, воодушевлено планом таможенной унии. Венгерский посланник в Лондоне И. Рубидо-Зичи подчеркивал, что английские либеральные и лейбористские круги встретили таможенную унию с радостью, а консерваторы сдержанно. К. Каня — посланник в Берлине — сделал вывод, что таможенную унию собираются использовать для

аншлюса. Идея унии возникла неожиданно в целях срыва плана итало-венгерско-австрийской кооперации.

Итоги совещания подвел барон Габор Апор, заведующий политическим отделом венгерского МИД. Он отметил, что Германия не хочет присоединения к унии Венгрии, поэтому таможенная уния для венгерской стороны означает катастрофу. Для проведения контракций он дал посланникам следующие указания: 1) способствовать тому, чтобы Франция поддерживала сплочение Италии и Венгрии; 2) чтобы французский капитал упрочил эту смычку; 3) в целях удерживания Австрии добиться согласия Франции на увеличение венгерских вооруженных сил; 4) добиваться, чтобы Франция уладила Малую Антанту⁴.

Таким образом, к середине 1931 г. в основе внешнеполитической линии Венгрии лежало экономическое и политическое сплочение Австрии, Италии и Венгрии. С экономической точки зрения она обеспечила бы внешний рынок части венгерской сельскохозяйственной продукции, а за оказанные Франции услуги (провал таможенной унии) Венгрия могла бы получить французский кредит.

Если одна часть аграриев открыто заявляла о своих ревизионистских требованиях, то другая, в основном средние помещики, а также некоторые представители Партии мелких сельских хозяев (Тибор Экхардт), подчеркивали первенство протекционистской ориентации. Большинство из государственно-бюрократического чиновничества (Д. Гёмбёш и др.) выступило за гегемонию итало-венгерских связей, а круги финансового капитала главное внимание уделяли ориентации на Францию. Правительство же синтезировало позицию группы Гёмбёша и финансовой олигархии, причем в этом синтезе предпочтение было отдано взглядам сторонников Гёмбёша. В дальнейшем в этой политике правительства шло усиление сторонников профранцузской ориентации⁵.

Отставка И. Бетлена вызвала разнообразный отклик как внутри страны, так и за рубежом. Так, германский посланник в Будапеште Ханс фон Шоен отметил, что падение правительства не было вызвано ни внешнеполитическим фактором, ни

противоречиями между Бетленом и Гёмбёшем, о чем писала венгерская печать. По его мнению, И. Бетлен подал в отставку по состоянию здоровья и из-за экономического положения страны, т. е. посланник подтверждал официальную версию Венгерского телеграфного агентства. В то же время уход И. Бетлена он считал тактическим шагом в целях активизации своей деятельности в будущем. Шоен подчеркивал, что такого же мнения придерживается и германский посланник в Бухаресте. Ссылаясь на сообщение нового министра иностранных дел Лайоша Валко, посланник доносил 15 сентября 1931 г., что профранцузская ориентация венгерской внешней политики объясняется финансовыми интересами и не повлечет за собой изменений в итало-венгерских отношениях⁶.

Новый председатель Совета министров граф Дюла Каройи входил в четвертку самых приближенных лиц к регенту Хорти (кроме него, И. Бетлен, граф Г. Радаи и барон Ж. Перени). Богатейший латифундист, премьер сегедского контрправительства 1919 г., он с декабря 1930 г. по рекомендации регента был министром иностранных дел в правительстве И. Бетлена. В правящей партии Каройи не занимал никаких постов, связи он поддерживал главным образом по аристократической линии. Ключевой пост министра иностранных дел он уступил Лайошу Валко, представлявшему одновременно интересы банкиров и высшего слоя государственной бюрократии.

Тот факт, что на посту военного министра остался Дюла Гёмбёш, а внутренние дела перешли в руки Ференца Керестеша-Фишера, свидетельствовал о том, что в правительстве усилилось крыло бывшей сегедской группы, сегедской элиты.

Представляясь в парламенте, правительство Д. Каройи в целом не изменило концепции И. Бетлена. Правда, последний в меморандуме в адрес регента на пост главы правительства рекомендовал не Д. Каройи, а надпартийного специалиста, который мог вывести страну из финансового кризиса. По замыслу Бетлена, новый глава правительства и министр финансов — это одно лицо. Для Каройи он предлагал министерство иностранных дел. Бетлен надеялся и в дальнейшем руководить делами из-за кулис⁷. Он не рекомендовал новому правительст-

ву решать политические вопросы, а заняться только финансовым положением страны.

Правительство Д. Каройи хотя и не во всем, но все же в основном следовало этому завещанию. На совещании правящей Партии единства новый глава правительства заявил, что кабинет собирается преодолеть экономические трудности. Каройи опроверг слухи, согласно которым Венгрия получила заем, связанный с политическими условиями, подчеркнув, что правительство желает улучшения связей с Францией. Д. Каройи затронул и проблему территориальной ревизии: “Политические противоречия в отношении некоторых соседей сохраняются, но поскольку никто не хочет их разрешения иначе, как мирными средствами и путем взаимопонимания, то можно надеяться, что существующие до сих пор препятствия добрососедским отношениям со временем будут устранены”.

Д. Каройи было 60 лет, когда он стал премьер-министром. Решение М. Хорти назначить его премьер-министром шло вразрез с мнением И. Бетлена. Отношения между Бетленом и Каройи были корректными, но отнюдь не дружественными. Об их тесном политическом сотрудничестве не могло быть и речи. Д. Каройи имел общественный вес как крупный землевладелец, однако его политические возможности не раскрылись. Современники характеризовали нового премьера как человека, лишённого тщеславия, высокомерия и честолюбия, с известными чертами пуританства⁸.

Находясь у колыбели так называемой “сегедской мысли”, идеологической основой хортизма, Каройи пытался руководствоваться ею и в период нахождения на посту главы правительства. Новая идеология, названная христианско-национальной, возникла на коалиционной основе как синтез общественных взглядов отдельных правящих групп. Она явилась тем мировоззрением, которое некоторые группы правящих партий внесли в период дуализма. Высшие слои государственной бюрократии и ведущий слой землевладельческой аристократии (реформаты) придерживались примерно одних и тех же взглядов, только последние были более консервативными. То крыло, которое стояло на позиции конституционности 1867 г.,

отдавало предпочтение святостефанским идеям за счет либеральных тенденций. Среди аграриев были и аристократы — консерваторы типа Аппони, которые шли либеральным путем. Представители финансового капитала руководствовались идеологией Партии труда, выступали против феодальных пережитков, мешавших капиталистическому развитию. Венгерские правящие круги даже либерализм считали слишком большой уступкой и начали с его ликвидации. Так создавалась новая идеология хортизма, получившая наименование христианская и национальная. Но каждая группа господствующей элиты вкладывала в нее свой смысл. К тому же на протяжении 25-летнего господства режима эта идеология, как и сами элитарные слои, претерпели определенные изменения.

Политика правительства Д. Каройи с момента его образования и до конца 1931 г. в основном осуществлялась на основе той программы, которую новый премьер изложил в парламенте. Во внешней политике это была итало-венгерская дружба, улучшение венгерско-французских отношений и решение всех спорных вопросов с соседями мирными средствами⁹. В условиях экономического кризиса дунайские страны рассматривались с позиций трех великих держав — Франции, Германии и Италии. Нельзя упускать из виду и интересы Англии, однако предложенный ею 17 января 1932 г. план таможенной унии шести приданайских государств не нашел поддержки.

Франция готова была обеспечить Венгрии большую, чем прежде политическую и экономическую роль в регионе. Эти идеи нашли отражение во французской печати в конце 1931 — начале 1932 г. Франция начала проявлять интерес к Венгрии и по дипломатической линии. Это был период, когда во Франции начали проявляться симптомы возможности франко-советского сближения против усиливавшейся опасности немецкого национализма. Но в французских правящих кругах не было единства по этому вопросу. Правые во французском парламенте использовали факт предоставления Венгрии кредита для нападок на свое правительство. В одном из выступлений во французском парламенте указывалось, что правительство

предоставило заем в 350 млн франков стране, которая проводит реваншистскую политику против Франции и ее союзников. И правительство сделало это без всяких гарантий¹⁰.

Венгерский посланник в Париже барон Фридьеш Виллани обратил внимание своего МИД на то, насколько шаткими являются хорошие отношения, существовавшие между Францией и Венгрией. Нападки в парламенте, отмечал он, направлены против нас, здесь не принимают в расчет, что кредиты предоставлены не только Венгрии, но и другим странам¹¹. Правительство Д. Каройи готово было идти на уступки Франции. Даже назначение барона Фридьеша Корани, венгерского посланника во Франции, министром финансов было своего рода жестом в сторону Парижа.

В годичном отчете посольства Венгрии во французской столице отмечалось, что отношения между двумя странами в течение 1931 г. определенно улучшились, антивенгерская позиция Малой Антанты значительно ослабла, а временами появившиеся антивенгерские акции потерпели полный провал¹².

К началу 1932 г. намечилось ослабление отношений Венгрии с Германией. В связи с этим венгерский посланник Калман Каня в своем донесении из Берлина 18 ноября 1931 г. отмечал: основной мыслью немецкой прессы является то, что Венгрия, если и не по убеждению, то под грузом тяжелого финансового положения, все более удаляется от Германии и ищет сближения с Францией. Несомненно, сейчас Германия является самым сильным противником габсбургского замысла¹³.

В венгерском парламенте против ориентации на Германию открыто выступал Э. Байчи-Жилински, считая политику этой страны опасной самому существованию Венгрии. Он предлагал ориентироваться на Францию против германской и русской опасности¹⁴.

Третьей страной, стремившейся установить свою гегемонию на Балканах и в придунайских странах, была фашистская Италия. Политика Муссолини в этом регионе была направлена прежде всего против Франции, но в немалой мере и против Германии¹⁵.

Основным замыслом внешней политики И. Бетлена было при помощи союза с Италией заставить страны Малой Антанты отступить. В Муссолини он видел вождя, выступавшего против Версальской системы, самым подходящим союзником для внешней политики венгерских националистов, причем близкого по идеологическим воззрениям. По дипломатической линии Италия главный удар направила против Франции, стремясь сблизиться с Англией. Рассчитывала она и на возможное смягчение отношений между Францией и Германией. Осенью 1931 г. наметилось ухудшение отношений Италии с Францией (в ходе переговоров о соглашении по морскому флоту). Такое положение дел, предоставление Францией кредита Венгрии и отставка И. Бетлена оказали влияние и на ухудшение венгерско-итальянских отношений. После отставки Бетлена итальянское правительство дало указание приостановить работу итальянской стороны в венгерско-итальянской комиссии по вооружению, которая тайно заседала в Будапеште¹⁶.

Венгерский посланник в Риме Андраш Хори пытался успокоить Д. Гранди и заявил, что дипломатический зондаж в направлении Франции и Малой Антанты всегда осуществлялся с ведома Италии и что сближение Венгрии с Францией имеет только тактический характер. Д. Гранди ответил, что ни он, ни Муссолини не сомневаются в искренности и лояльности венгерского правительства. Италия, по его словам, не может осуждать Венгрию за то, что та, не получив от Италии помощь в должной мере и в нужных размерах, надеется получить ее от другой стороны¹⁷.

Охлаждение венгерско-итальянских отношений отразилось и на экономических переговорах с Италией, что расценивалось венгерской стороной как политический акт, направленный прежде всего мотив попытки Франции сколотить в Дунайском бассейне блок, при помощи которого та пыталась, с одной стороны, создать противовес австро-германской таможенной унии, а с другой — итальянским гегемонистским устремлениям.

Французское контрпредложение, которое стало известно летом 1931 г. в дипломатических кругах, заключалось в создании австро-венгерско-чешского таможенного союза. Осенью того же года Э. Бенеш выразил готовность поддержать идею кооперации¹⁸. Однако австрийское правительство и Й. Шобер возражали против такой кооперации, считая, что она направлена против Германии и отвечает гегемонистским устремлениям Франции¹⁹.

24 октября 1931 г. председатель по иностранным делам сената США Уильям Борах в беседе с журналистами высказался за необходимость пересмотра Трианонского мирного договора. Однако венгерские представители за рубежом поспешили разъяснить венгерским правителям, чтобы те не впадали в заблуждение, ибо Франция отстояла свою "политику безопасности", заявив о нерушимости мирных договоров, она сохранила золотой стандарт и тем самым обеспечила себе финансовую гегемонию в Европе. В документе делался вывод о бесперспективности стремления к ревизии мирных договоров²⁰.

В конце 1931 г. в результате поляризации основных направлений во внешней политике назревал поворот. Сильнейшим было брожение вокруг вопросов о репарациях, разоружении и ревизии мирных договоров. Во внешнеполитической деятельности Венгрии важное место занимало рождественское заявление И. Бетлена, сделанное в ответ на заявление Э. Бенеша. Последний предложил возможность экономического сближения, лишенного политических условий²¹, с расчетом, что более широкая экономическая кооперация дунайских стран затруднит или помешает осуществлению плана австро-венгерской таможенной унии.

Заявление И. Бетлена исходило из тактических соображений. Вину за отсутствие венгерско-чехословацкого торгового соглашения он возлагал на чешскую сторону, обвиняя ее в венгерофобии и заявляя, что инициатива должна исходить от чехословацкого правительства. В принципе он одобрял идею экономического сближения, но выдвигал условие: торгово-экономическая концепция должна согласовываться с поли-

тическими интересами нации²². Оба заявления были рассчитаны на Париж и нашли там взаимопонимание.

Венгерская печать в своих комментариях связывала чехословацко-венгерское сближение с ревизией мирных договоров. В этом духе выдержано было и новогоднее приветствие венгерского премьер-министра Д. Каройи в Партии единства, в котором он подчеркнул необходимость пересмотра мирных договоров, поскольку, как он заявил, главную причину всякой беды «нужно искать в ошибочных мирных договорах»²³. Аналогичное воззвание опубликовала и Венгерская ревизионистская лига²⁴.

Параллельно с этим активизировалась тайная дипломатия, чувствуя за собой поддержку правящей партии и большинства в правительстве, И. Бетлен продолжал активность на внешнеполитической арене. В противовес планам чехословацко-венгерско-австрийского блока, он выступил инициатором создания итало-австро-венгерской таможенной унии.

14 января 1932 г. Бетлен как частное лицо прибыл в Рим и предложил этот план Муссолини, подчеркнув, что он согласован с регентом и правительством. Он также добавил, что еще в ноябре 1931 г., во время посещения им Австрии, руководителям этой страны больше импонировал предложенный венгерской стороной план тройственного союза, чем сотрудничество с Чехословакией, которое угрожало бы австрийской промышленности. Когда же Муссолини выразил опасения по поводу возможного противодействия со стороны Германии плану итало-австро-венгерского таможенного союза, Бетлен уточнил, что инициативу возьмет на себя Шобер и в этом случае немцы поверят, что план не имеет антигерманской направленности. Д. Гранди одобрил этот план, предлагая в дальнейшем включить в него Югославию, ибо он считал последнюю для Италии лучшим рынком, чем Венгрия и Чехословакия²⁵.

На заседании правительства Италии план таможенной унии трех стран был одобрен, но новое правительство Австрии во главе с Бурешом отклонило его²⁶. Правительство Д. Каройи во внешней политике пыталось усилить сотруд-

ничество с Францией, но ориентировалось главным образом на Италию, проводя линию правительства Бетлена.

В начале 1932 г. вместо ожидавшегося улучшения экономического положения произошло ухудшение финансового состояния. План создания итало-австро-венгерской таможенной унии натолкнулся на препятствия. Одновременно появились разногласия в вопросе внешнеполитической ориентации не только в партиях оппозиции, но и в поддерживавших правительство партиях. Расхождения во взглядах Каройи и Бетлена обнаружались уже в начале 1932 г. и особенно в прениях на заседании всевенгерской комиссии 33-х²⁷. Сторонники ориентации на Италию обращали свои взоры на Бетлена. Группа государственной бюрократии поддерживала бывшего премьера и по идеологическим соображениям. На январском заседании парламентской комиссии по иностранным делам представитель социал-демократов Мано Бухингер критиковал комиссию и буржуазную оппозицию, считая, что говорить о профранцузской ориентации — “это политическое шулерство”. Дело в том, что М. Каройи на заседании парламентской комиссии 15 января 1932 г. заявил: профранцузская “ориентация может быть согласована с итальянской дружбой”²⁸.

Временное улучшение итало-французских отношений в начале 1932 г. склонило часть сторонников правительства на сторону профранцузской ориентации. Усиливали эту линию как возвращение к политической жизни в Австрии Зайпела, так и расширение внешнеполитической пропаганды легитимистов. Газета Христианской партии “Мадяр немзет” вела пропаганду в интересах профранцузской ориентации, в результате чего немецкая “Дойче алгемайне цайтунг” обвинила газету в антигерманизме. “Мадяр немзет” ответила, что немецкая газета не может требовать замены Муссолини как идеала на Хугенберга или Адольфа Гитлера²⁹. Через три дня та же венгерская газета утверждала, что в Париже хорошо восприняли бы венгерско-австро-чехословацкий таможенный союз.

Впрочем, профранцузская ориентация требовала сближения с Малой Антантой и прежде всего с Чехословакией, но этого не хотели даже такие сторонники правительства, как

Аппони, Хуняди или Дюла Лакатош. Миклош Козма в своем дневнике записал, что речь Аппони в Женеве 13 февраля 1932 г. преследовала цель завоевания дружбы со стороны Франции. Такую же цель имела и беседа Аппони с Гардьё³⁰.

Те переговоры и заявления, которые вели и давали Густав Грац, Иштван Фидрих и Тибор Экхардт о венгерско-чехословацком сближении, вызвали в проправительственных кругах мощное сопротивление³¹, хотя, по всей вероятности, лидеры оппозиции вели эти переговоры с ведома премьер-министра и министра иностранных дел Венгрии.

Близкие к Бенешу чехословацкие газеты, в частности "Лидове новини", положительно оценивали процессы, происходящие в венгерско-чехословацких отношениях, и высказывали предположение, что пока речь идет об экономическом сближении, хотя позднее оно может иметь и политические последствия³².

Планы экономической кооперации стран Центральной Европы, вынашивавшиеся в дипломатических кабинетах Парижа, все более выдвигались на передний план. По мнению венгерского посланника в Париже Виллани, "главнейшим желанием Франции является средневропейское сотрудничество под чешским руководством. Целью ее является удаление Австрии и Венгрии от Италии и Германии". Виллани утверждал, что в Париже ясно осознают противоречия в Центральной Европе, но верят в принудительную силу кризиса³³. 12 февраля 1932 г. П. Лаваль заявил на заседании сенатской комиссии по иностранным делам, что предоставленный Венгрии заем оказался политически полезным. Изменилось настроение Венгрии, смягчилось напряжение между Венгрией и Чехословакией, не исключено и сотрудничество между двумя этими странами³⁴.

У П. Лавалья были все основания полагать так, ведь он ознакомился с выступлением Л. Валко в парламентской комиссии по иностранным делам. Отметив стремление венгерского правительства к улучшению венгерско-французских отношений, Валко признал, что эти намерения имели небольшой успех. На закрытом заседании он пытался снять ответствен-

ность с венгерской стороны за такое состояние, подчеркнув, что французское правительство всегда рассматривало Венгрию как страну, относящуюся к германской сфере влияния. Эту мысль подхватили в странах Малой Антанты. Однако обнародование плана австро-германской таможенной унии внесло существенные изменения. Д. Валко заявил (имея в виду Францию), что присоединение Венгрии к таможенной унии означало бы, что так поступит и Италия, следовательно, сделало бы положение значительно более серьезным. Это заставило Париж обратить внимание на Будапешт. Валко заявил, что Венгрия в принципе готова на сотрудничество в экономической области, но в Австрии и Чехословакии многие выступают против этого³⁵.

В 1932 г. на заседании финансовой комиссии палаты представителей французского парламента новый премьер-министр А. Тардье предложил странам Дунайского бассейна — Австрии, Венгрии, Чехословакии, Румынии и Югославии — установить экономическую кооперацию в торгово-политическом направлении на основе преференций и контингента. Он обещал дунайским странам французскую помощь. Тардье также информировал членов комиссии, что Англия и Италия одобряют такое сотрудничество. Через два дня А. Тардье докладывал об этом плане в парламентской комиссии по иностранным делам и направил его в виде меморандума ряду правительств иностранных государств³⁶. А. Тардье предлагал заменить принцип наибольшего благоприятствования системой льгот и преференций. В этом отношении план Тардье выглядел сенсацией³⁷.

План был сдержано воспринят правительством Англии, отвергнулся Италией и с самого начала вызвал противодействие сторонников аншлюса в Австрии и Германии. Воспротивились ему и аграрии в Чехословакии. Многие видели в нем острие, направленное против Германии³⁸.

Германия хотя и не открыто, но по дипломатической линии немедленно заняла отрицательную позицию в отношении данного плана. Правящие круги особо обеспокоил тот факт, что французские представители вели предварительные перегово-

воры с дунайскими государствами, исключив Германию. Венгерский посланник в Германии Калман Каня сообщал в Будапешт, что в германском МИД в этом видят “неслыханный поступок” Тардье, направленный на полную изоляцию Германии. К. Каня говорил об острых противоречиях между Германией и Францией, а также о том, что Германия готова предоставить Венгрии, Австрии и другим дунайским странам, включая Болгарию (за исключением Чехословакии), с согласия стран, пользующихся режимом наибольшего благоприятствования, преференции на сельскохозяйственную и промышленную продукцию. В противовес этому Франция предлагала исключить все великие державы из кооперации дунайских стран. К. Каня не только писал, что Германия противится французскому плану, но и указывал на причину, согласно которой взаимные преференции дунайских стран подорвали бы конкурентоспособность немецких промышленных товаров, австрийские и чехословацкие товары надолго преградили бы путь немецкой экономической экспансии на Балканы³⁹.

Итальянское правительство, по существу, заняло такую же позицию, хотя и по иным соображениям, оно надеялось, применяя тактику затяжных переговоров с привлечением четырех великих держав, похоронить план⁴⁰.

Среди заинтересованных стран Дунайского бассейна только одна Чехословакия безоговорочно с воодушевлением приветствовала план Тардье, но и она выдвигала условие: он должен осуществляться пятью придунайскими странами без участия великих держав (это дало бы преимущества чехословацкой промышленности)⁴¹. По документам венгерского МИД, в других странах Малой Антанты по разным соображениям не поддерживали план Тардье⁴².

В венгерской печати того времени можно встретить разные подходы к плану Тардье, а фактически к перспективам экономической кооперации дунайских стран. Полуофициоз “Пестер лloyd”, выходявший на немецком языке, опубликовал несколько статей, в которых Густав Грац безоговорочно поддерживал план, а его оппонент барон Йожеф Стерени, председатель Всевенгерского совета промышленников и бывший ми-

министр торговли, занял сдержанную позицию в отношении преференций. По существу, он пытался защитить интересы венгерских промышленников от конкуренции. Буржуазно-радикальная печать (“Уйшаг”, “Ешти курир”) с пониманием отнеслась к проекту Тардье, но напоминала и о важности германского рынка с точки зрения размещения продукции венгерского сельского хозяйства. Газета “Мадяршаг”, сначала принадлежавшая легитимистам, а затем ставшая фашистской, выступила против проекта, мотивируя свою позицию экономическими интересами, на деле же ею двигали политические соображения⁴³.

Реакция венгерского правительства была отражена в докладе Л. Валко на закрытом заседании комиссии 33-х, о чем речь шла выше, т. е. с точки зрения интересов венгерского сельского хозяйства и промышленности (использовать преимущества кооперации дунайских стран и сохранить свободу связей с другими странами, увеличить экспорт в Дунайский бассейн)⁴⁴.

Венгерский посланник в Праге в одном из своих донесений приводил высказывание чешской газеты “Лидове новини”. Там отмечалось, что венгерский министр иностранных дел Лайош Валко проводит политику в духе Беллена, который часто совещается с премьер-министром Д. Каройи и является противником плана Тардье⁴⁵. Профранцузской ориентации в политическом смысле придерживались только легитимисты и Э. Байчи-Жилински, а в экономическом — Густав Грац да частично сторонники Т. Экхардта. Приверженцы Э. Байчи-Жилински сознательно подчеркивали антигерманское значение профранцузской ориентации. Социал-демократы стали на английскую точку зрения в отношении плана Тардье как представителя правых во Франции.

На дипломатические отношения в Центральной и Юго-Восточной Европе оказали влияние прежде всего выборы во Франции, смена правительства в Германии и соглашения в Лозанне. План Тардье в первоначальной форме после провала его автора на выборах потерял свое значение, хотя и был в центре внимания придунайских стран. В тот период не было

еще ясности в политике нового французского правительства по отношению к Германии и дунайским странам. По мнению венгерского посланника Виллани, новое правительство в принципе поддерживало экономическое сближение дунайских государств, но на первый план выдвигалась задача сближения с Германией и Италией⁴⁶.

В Венгрии же, прежде всего в правящих кругах, приход к власти во Франции левоцентристского правительства либерала Эдуарда Эррио вызвал тревогу, поскольку для хортистов это правительство казалось слишком левым. Однако летом 1932 г. выяснилось, что внешняя политика правительства Э. Эррио немногим отличалась от политики А. Тардье, в то же время венгерский МИД получил от своих посланников из Парижа и Вены сведения о намерении Франции поддержать левые силы в странах Дунайского бассейна⁴⁷. Граф Лайош Амбрози, венгерский посланник в Вене, в своем донесении отмечал, что Франция не желает возобновлять военные договоры с Польшей, Румынией и Югославией и поэтому поддерживает австро-венгерско-чехословацкое сближение. Венгерскую сторону особенно беспокоил в политике Э. Эррио разрыв с антисоветизмом Тардье и сближение Франции с СССР. Правда, до некоторой степени его успокаивало усиление правых тенденций в правящих кругах Германии, что вело к осложнениям в советско-германских отношениях⁴⁸.

Происходившие на международной арене перемены привели к тому, что в Италии Б. Муссолини взял бразды правления в сфере внешней политики в свои руки. Главной целью фашистской Италии стал подрыв французской гегемонии в Европе и поддержка реваншистских устремлений Германии.

Страны Малой Антанты знали, несмотря на заявление венгерских правителей, что они хотят достичь своих целей мирными средствами, о том, что политические и военные деятели Венгрии стремятся к реваншу. Хортисты, в свою очередь, тоже не сомневались в том, что ни в Праге, ни в Белграде, ни в Бухаресте не собираются уступать. Причем твердая позиция обеих сторон становилась принципом их внешнеполитической линии, не подлежавшей даже обсуждению. Так, в Будапеште

считали недопустимой даже возможность решения венгерских требований на этнической основе.

- ¹ Bethlen István gróf beszédei és írásai. II. k. 184. old.
- ² Ibid. 322. old.
- ³ *Hómán Bálint*. Külpolitikai irányok a magyar történetében // Budapesti Szemle. 1931. (ápr.), 56. old.
- ⁴ OL. K—64. 1931. 20. 333
- ⁵ Ibid. 11/a, 102.
- ⁶ OL. FT. 10934. d. E—674109 (Pol. abt. , DAP).
- ⁷ Horthy Miklós titkos iratai. Budapest, 1963. 110—111. old.
- ⁸ *Márkus László*. A Károlyi Gyula kormány bel-és külpolitikája. Bp. , 1968. 115—116. old.
- ⁹ Képviselő Napló. Budapest, 1931. I. k. 355—358. old.
- ¹⁰ Journal Officiel. 1931. 27. nov. Debats Parlamentaires. a 101, P. 4073.
- ¹¹ OL. K—63. 1931. 11. 5291.
- ¹² Ibid. 1932. 11. 139.
- ¹³ HIL. Vkf. 1931. 2. oszt. eln. 16173/a.
- ¹⁴ Képviselőházi Napló. I. k. 276. old. ;III. k. . 89—90. old.
- ¹⁵ HIL. Vkf. 1931. 2. oszt. eln. 16179/a.
- ¹⁶ OL. K—63. 1931. 11, 4144; HIL. Vkf. 1931. I. oszt. eln. 105345/91.
- ¹⁷ OL. K—63. 1931. 11,4381.
- ¹⁸ HIL. Vkf. 2. oszt. eln. 15759/a
- ¹⁹ OL. K—63. 1931. 7, 263. 4479.
- ²⁰ HIL. 1931. 2. oszt. eln. 15926/95.
- ²¹ Pesti Hírlap. 1931. 29. XII.
- ²² Pesti Hírlap. 1931. 25. XII.
- ²³ Budapesti Hírlap. Nemzeti Újság. 1932. 1.I.
- ²⁴ Nemzeti Újság. 1932. 1. 1.
- ²⁵ OL. K—64. 1932. 23, 52.
- ²⁶ Ibid. 178.
- ²⁷ OL. OgyL. K—513. 9. k.
- ²⁸ Népszava. 1932. 10. I.
- ²⁹ Nemzeti Újság. 1932. 23. I.
- ³⁰ OL. Kozma iratok, 14. Genfi—Berlini ut 12—24. II. 1932.
- ³¹ OL. K—63. 1932. 7. 23.

-
- ³² Lidové Noviny. 1932. 24. II.
³³ OL. K—63. 1932. 7. 300.
³⁴ Ibid. 11. 671.
³⁵ Ibid. 350.
³⁶ Ibid. 676.
³⁷ OL. K—63. 1931—1933. 23, 631.
³⁸ Világgasági Szemle. 1932, 244—245. old.
³⁹ OL. K—63. 1932. 11, 664.
⁴⁰ Ibid. 687; 1931/33. 23, 687.
⁴¹ OL. K—63. 1932. 7, 734.
⁴² Ibid. 764, 991.
⁴³ Külügyi Szemle. Bp. , 1932. 246—248. old.
⁴⁴ OL. OgyL. K—513. 10. k. 333—339. old.
⁴⁵ OL. K—63. 1932, 7, 1290.
⁴⁶ OL. K—63. 1932. 11, 1202.
⁴⁷ Ibid. 1368.
⁴⁸ Ibid. 1931/33, 23, 70; 3/350; 17.

Глава пятая. Первое правительство Дюлы Гёмбёша и изменения во внешней политике Венгрии

Курсом Иштвана Бетлена

Правительство Дюлы Каройи продержалось у власти неполных 13 месяцев и 21 сентября 1932 г. подало в отставку. Этот акт не был неожиданным, поскольку кризис созрел со дня образования этого правительства. Еще 27 июня 1932 г. на заседании комиссии 33-х министр внутренних дел Ференц Керестеш-Фишер признал банкротство правительства. Он подчеркивал, что всем совершенно ясно, что сегодня социальная нищета и безработица приняли такие размеры, которые уже невозможно сгладить, сдержать или притормозить административными мерами¹.

Когда правительство Д. Каройи подало регенту прошение об отставке, причина ухода кабинета не сообщалась общественности. Но комментаторы всех политических направлений сходились в том, что правительство пало из-за неспособности Каройи обеспечить себе поддержку правящей Партии единства. И в этом они не ошиблись. Активизация крайне правых сил, создание организаций фашистского типа, террор против левых движений, активизация сторонников Д. Гёмбёша, указывавших на левую и легитимистскую опасность, дали повод лидеру правящей Партии единства Иштвану Бетлену закончить перемирие с премьер-министром Д. Каройи. Пользуясь поддержкой аграриев и членов Партии защиты расы, он попытался вернуть себе власть главы правительства, что во внешней политике означало противодействие профранцузской ориентации.

1 сентября 1932 г. на заседании руководства Партии единства, когда премьер высказался против удовлетворения требований аграриев, последних поддержал Иштван Бетлен. Он от себя и от имени партии просил правительство серьезно

обдумать этот вопрос и обсудить его вместе с партийным руководством, а также постепенно реализовать намеченную программу². На следующий день И. Бетлен написал Д. Каройи письмо, в котором рекомендовал провести целый ряд перечисленных им мер. Бетлен понимал, что его претензии — удовлетворить требования аграриев — неосуществимы. По его замыслам, дело должно было закончиться отставкой министра финансов Фридьеша Корани и министра иностранных дел Лайоша Валко, которые представляли банковский капитал. Фактически это письмо являлось полуофициальным предложением Д. Каройи подать в отставку. Еще 23 июля И. Бетлен и Д. Гёмбёш присутствовали на приеме итальянских авангардистов. Первый попросил второго передать Альбрехту Габсбургу (на намечавшемся в тот день совместном ужине), что к октябрю по договоренности с регентом он, Бетлен, вновь будет премьер-министром³. Фактически адресатом этого был сам Гёмбёш, который также стремился занять пост главы правительства.

На совещании правящей партии правительство Каройи подверглось критике со стороны правых и левых экстремистов, требовавших срочных перемен⁴. И как писала одна газета, открытые политические вопросы предстояло решить правительству совместно с руководством Партии единства⁵. Позднее, уже после второй мировой войны, Д. Каройи сообщал, что в сентябре 1932 г. Партия единства, на которую приходилось правительству опираться как на партию большинства, неприемлемым способом объявила ему недоверие, в результате чего он сделал для себя вывод и подал в отставку⁶.

В своих воспоминаниях регент М. Хорти об этой перемене писал, что Д. Каройи подал в отставку в условиях угрозы раскола правящей партии⁷. Далее он подчеркивал, что их тесная дружба от этого не пострадала и Д. Каройи остался самым близким его советником. Новым премьер-министром М. Хорти назначил Дюлу Гёмбёша, и, как отметил регент, это положило начало новой эпохе, причем не столько из-за его вмешательства, сколько из-за изменившихся обстоятельств в Германии⁸.

Многие были осведомлены о том, что на протяжении лета Д. Гёмбёш вел переговоры с представителями различных течений о формировании нового правительства, в том числе и с лидерами оппозиции, в частности Кароем Рашпаи, которому при встрече на своей квартире Гёмбёш предложил идти вместе. Тот ответил одной фразой: “Я пошел бы, если знал бы, куда ты хочешь идти”. Во время аудиенции у Хорти регент заявил, что Д. Каройи его лучший друг. В сегедское правительство Каройи его пригласил, но теперь, в трудные времена, нужна сильная рука⁹.

И. Бетлен в день отставки Д. Каройи находился на отдыхе и появился в столице только 29 сентября. Он провел совещание руководства партии, затем побывал у Хорти, а вечером приветствовал в Партии единства Дюлу Гёмбёша и обещал ему поддержку партии. Иначе он поступить не мог, ведь Хорти поручил Гёмбёшу сформировать новое правительство. У И. Бетлена не было сомнений, что Д. Гёмбёш, военный министр в его правительстве, будет проводить его внешнеполитическую концепцию. Основной смысл ее был изложен Бетленом в выступлении в палате представителей парламента еще 4 мая 1932 г. Он, “как гладиатор”, по выражению одной из газет, защищал период своего 10-летнего правления в обстановке острых нападков со стороны оппозиции¹⁰. Во внешней политике Бетлен высказался против плана Тардье, точнее, обусловил его принятие условиями, что однозначно означало его отклонение. Он почти навязал правительству Д. Каройи политические шаги в отношении всего дунайского комплекса. Бетлен положительно отозвался об идее экономического союза Италия — Австрия — Венгрия, который “великолепен и для Венгрии более полезен и приемлем”, хотя и не лишен недостатка, а именно — он не осуществим¹¹. Эти же идеи высказывал И. Бетлен и на собрании Партии единства в Дебрецене 24 мая¹². Некоторые венгерские газеты придерживались мнения, что план Тардье — это фактически Дунайская конфедерация, поэтому Венгрия против него: ей не остается ничего, кроме борьбы за пересмотр Трианонского мирного договора¹³.

Выступления И. Бетлена вызвали отклики за рубежом, в частности в Германии, где указывали на антигерманские настроения оппозиции, да и в правящей партии¹⁴. Бывший министр иностранных дел Венгрии Густав Грац после посещения Чехословакии, Югославии, Румынии и Австрии пришел к выводу, что осуществить таможенную унию будет невозможно и что остается один выход: преференциальная таможенная система. Таким образом, в первой части его мысль не расходилась с мнением И. Бетлена, но вторая часть явно противоречила планам последнего¹⁵. Г. Грац в то время был членом правящей Партии единства. В марте 1932 г. по возвращении из Парижа и Женевы он заявил журналистам, что идея экономического сотрудничества дунайских стран близка к осуществлению, и рекомендовал правительству готовиться к переговорам¹⁶.

В агреле Г. Грац присутствовал на заседании так называемой торговой палаты в Иннсбруке. Как и на заседании в Лондоне, там не сошлись во взглядах представители Германии и Австрии. Первые решительно возражали против преференциальных договоров пяти дунайских стран по плану Тардье. Они предлагали потребителям освободить все средневропейские аграрные страны от пошлин. Венгерские представители поддерживали этот план частично. Они не возражали против льгот на пошлины, но требовали распространения их не только на пшеницу, но и на другие продукты сельского хозяйства, в частности животноводства. Венгрия отгородилась от плана Тардье, а представители Германии вообще не желали обсуждать этот план. Венгерские представители придерживались мнения, что нельзя отказываться ни от чего, что помогло бы вывести страну из кризиса. В результате возникло противоречие между венгерской и австрийской, с одной стороны, и германской — с другой, точками зрения¹⁷.

В мае 1932 г. Г. Грац прочитал лекцию в Париже о проблемах экономического и политического сотрудничества в Центральной Европе. Председательствовавший на собрании венгерский посланник барон Фридьеш Виллани представил

докладчика как сторонника сотрудничества между государствами Дунайского бассейна.

Критикуя политику Малой Антанты, Грац высказался в том смысле, что в Центральной Европе не будет успешного сотрудничества, пока она будет политически разделена на две части. Если Малую Антанту создавали для защиты своих владений от посягательств Венгрии, заявил Грац, то теперь уже признано, что установленные мирными договорами границы не соответствуют действительному этническому положению: много венгров проживает в соседних странах.

Грац напомнил о тех переговорах, которые велись им и премьер-министром П. Телеки в 1921 г. с чехословацкими представителями в Бруке. Там с обеих сторон доброжелательно обсуждался вопрос об установлении постоянных хороших отношений между Венгрией и Чехословакией, но переговоры тогда были прерваны. В последующие годы со стороны президента Т. Г. Масарика и министра иностранных дел Э. Бенеша был сделан ряд интересных заявлений. Весной 1928 г. в Праге Т. Г. Масарик сказал Г. Грацу, что при определенных предпосылках он в любое время готов продолжить начатую в Бруке линию. Но через два года в беседе с американским журналистом Э. Бенеш заявил, что если ранее и думал о компромиссе, то теперь этот вопрос нельзя обсуждать изолированно¹⁸.

Позднее, в частности в июле 1932 г., в прессе Г. Грацом была подвергнута острой критике сначала торговая политика венгерского правительства, а затем и внешняя политика. Он считал, что в таможенной войне с Австрией виноваты сами австрийцы, хотя к ней привели и ошибки в торговой политике Венгрии. Критиковал он свое правительство и за то, что оно не пошло по пути создания более дружественной атмосферы с Чехословакией¹⁹. Эта позиция привела Г. Граца к выходу из правящей партии и переходу на сторону либеральной оппозиции.

Правительство Д. Гёмбёша было образовано 1 октября 1932 г. Портфель министра иностранных дел в нем достался Эндре Пуки. На этот раз регент назначил премьер-министром человека (впервые в венгерской практике), не имевшего граф-

ского титула. Правда, он принадлежал к членам созданного М. Хорти Ордена рыцарей (витязей). Политическая деятельность Д. Гёмбёша началась в конце первой мировой войны. В Сегеде он установил дружеские отношения с М. Хорти. В политическую деятельность включился, будучи главой организации под названием Всевенгерского союза оборонных сил. Когда Карл IV Габсбург второй раз попытался вернуть себе венгерский трон, Гёмбёш со своими сторонниками пополнил небольшие воинские отряды, которые находились в распоряжении правительства накануне сражения под Будаершем. С тех пор Дюла Гёмбёш стал одним из вожakov крайне правых националистов и активно вмешивался в политическую борьбу в Венгрии. В 1922 г. он был заместителем-распорядителем Партии единства, которой руководил премьер-министр Иштван Бетлен. Гёмбёш пытался административным путем превратить эту партию в массовую опору хортистов. Однако честолюбивый граф И. Бетлен лишь до поры до времени терпел рядом с собой незнатного происхождения бывшего капитана генерального штаба, который нередко высказывал мнения, противоречившие планам Бетлена. В результате Д. Гёмбёш вынужден был вместе со своими сторонниками на время покинуть правящую партию и образовал оппозиционную Партию защиты расы.

Антикоммунизм, шовинизм и антисемитизм объединяли расистов и Партию единства, хотя они по-разному подходили к решению общих задач. Сторонники И. Бетлена учитывали международную обстановку, позицию стран-победительниц и союзников Франции — государств Малой Антанты. Венгрия в годы правления И. Бетлена вступила в Лигу наций, что требовало выполнения страной версальских договоров. Группа же Д. Гёмбёша настаивала на проведении более агрессивной внешней политики, не считалась с реальной обстановкой. Разногласия между Д. Гёмбёшем и И. Бетленом в этой области носили, однако, временный характер. Как только возникла более благоприятная, с точки зрения И. Бетлена, обстановка для осуществления “активной” внешней политики, он снова стал энергично привлекать к сотрудничеству сторонников “защиты

расы". Д. Гёмбёш со своими единомышленниками в 1928 г. вернулся в Партию единства и стал заместителем министра обороны, а затем министром обороны.

Будучи сторонником регента М. Хорти, Д. Гёмбёш разделял его взгляды относительно союзников, при поддержке которых можно было восстановить "Великую Венгрию", т. е. надеялся на помощь Италии и Германии. В 1921 г. он писал, что следует подождать, пока вокруг этих стран будут группироваться другие²⁰. Замыслы Д. Гёмбёша во внешней политике венгерский историк П. Приц сформулировал так: "Он желал видеть Венгрию на стороне оси Берлин—Рим, которая изменит систему, установленную мирными договорами. Венгрия виделась ему как независимое государство со своей самостоятельной миссией в Дунайском бассейне и на Балканах"²¹. Следовательно, он, как и многие другие политические деятели, в том числе и И. Бетлен, во внешней политике исходил из идеи "Великой Венгрии". От этой идеи Д. Гёмбёш не отказывался и тогда, когда ясно видел, что Венгрия собственными силами не сможет добиться пересмотра Трианонского договора. Но все же в качестве перспективы он заявлял: "Венгрия призвана к руководящей роли на Востоке"²². Или два года спустя "Мы должны стать во главе Балкан, и нам нужно передавать культуру нациям, находящимся на более низком уровне образования"²³. Ту же мысль позднее он выразил в словах: "Хотим быть англичанами Восточной Европы"²⁴.

Назначение Д. Гёмбёша на пост заместителя министра обороны, а затем и министра было уступкой И. Бетлена правым силам, которые в конце 20-х — начале 30-х годов усиливали нападки на правительство И. Бетлена, когда тот не смог справиться с трудностями, вызванными кризисом. Они обвиняли премьер-министра в забвении социальных проблем, сохранении феодально-еврейского направления, подчеркивали, что тот не выполнил сегедскую программу.

После того как Гёмбёш занял пост главы правительства, он опирался на различные фракции, но были у него и приближенные, поддерживавшие его в намеченных устремлениях. Так, Иштван Антал давал ему советы по юридическим вопро-

сам и по мастерству ведения пропаганды, а крупный историк Балинт Хоман, разработавший и исторически обосновавший хортистскую концепцию, в том числе ориентацию Венгрии на Германию, делал обобщения, перенося на венгерскую почву “гайст гешпихте”. Гёмбёша поддерживали Бела Мартон и большой специалист банковского дела Бела Имреди. Один из сотрудников венгерского МИД разделил сподвижников Д. Гёмбёша на три группы: 1) лица венгерского происхождения и патриоты, но малоинтеллигентные с минимальным уровнем культуры, с кругозором заместителя районного начальника. К ним он относил Б. Мартона, И. Келчеи, И. Чичери-Ронаи, Б. Барцаи и др.; 2) лица иностранного происхождения, интеллигентные, чрезмерно тщеславные, настойчиво продвигавшиеся вверх: Б. Имреди (Хайрих), И. Антал, Б. Хоман; 3) военные, которые приспособились к новому направлению и внесли в армию политику (Ене Рац и др.).

Правда, еще не став премьером, но уже будучи военным министром, Гёмбёш 28 мая 1930 г. произнес речь на заседании Союза общественных организаций, заместителем председателя которого он был. Министр заявил, что на 100% поддерживает И. Бетлена²⁵. Весной 1931 г., выступая в Мишкোলце, Гёмбёш отметил, что возможно и автократическое правление, при котором Венгрия была бы счастлива. Он опровергал слухи о готовящейся им подспудно диктатуре и высказался против тайных выборов²⁶.

Будучи в тот период сторонником И. Бетлена, Д. Гёмбёш в своих выступлениях уделял большое внимание Италии²⁷. В апреле 1931 г. он отмечал: “Меня обвиняют в том, что я — тайный фашист. Для Италии фашизм приемлем, но для Венгрии нет”. Тут же он высказал мнение о том, что общественных классов не существует, есть только братья. Но равенства не может быть, поскольку так устроена природа²⁸.

В 1931—1932 гг. Д. Гёмбёш почти в каждой своей речи говорил о советской или о “советско-русской” опасности, призывая все культурные нации объединиться против Советов²⁹. В одном из выступлений он утверждал, что “Венгрии придется

стать на сторону Европы против Советского Союза для защиты цивилизации”³⁰.

В одном из интервью, которые он часто и охотно раздавал, Гёмбёш отрицал слух о его намерении стать диктатором. В связи с этим социал-демократическая газета писала: “Но диктаторским тоном он заявил: “пусть никто не мечтает о помощи безработным””³¹. Когда Д. Гёмбёша спросили, каковы его отношения с И. Бетленом, незадолго до того подавшим в отставку, он ответил, что между ними не было противоречий и уже 16 лет они являются друзьями³².

В дни правления Д. Каройи И. Бетлен не выпускал из своих рук нити внешнеполитических связей. Так, находясь в январе 1932 г. в Риме, он заявил, что внешняя политика венгерского правительства не отклоняется от линии, которая выработана в период его 10-летнего правления. По его мнению, искренняя дружба с фашистской Италией лучше всего отвечает интересам Венгрии³³.

Эти высказывания были связаны не только с намерением сохранить дружбу с Италией, но и являлись ответом лидерам либеральной оппозиции (Иштвану Фридриху и др.), которые не только выступали за профранцузскую ориентацию, но и вели непосредственные переговоры с государственными деятелями Чехословакии. И. Фридрих встречался с Э. Бенешем, за что подвергался в Венгрии осуждению и острой критике. В своих многочисленных статьях он отстаивал возможность венгерско-чехословацкого сближения сначала по экономической линии, а потом и по политической. Выступал он и за более дружественную атмосферу между странами Центральной Европы, был сторонником союза народов этого региона и Дунайской конфедерации³⁴. В одной из статей И. Фридрих критиковал премьер-министра Д. Каройи за то, что тот в парламенте не ответил на его вопрос, почему не реагирует на доброжелательные заявления Э. Бенеша и министра иностранных дел Румынии князя Гики³⁵.

Либеральные круги, с которыми после своей отставки начал сближаться И. Бетлен, выступили против “национального движения” Гёмбёша. К либеральным кругам принадлежа-

ли прежде всего консервативные аристократы и капиталисты-евреи, имевшие западноевропейское образование (К. Рашпай, Б. Хоман, Ф. Хорин, Д. Бараньяи, М. Корнфельд, Д. Корниш, Т. Экхардт и др.).

Борьба между этими двумя группировками характеризовала политическую жизнь 30-х годов. В это время большинство органов власти находилось в руках аристократов-консерваторов. Они обладали и другими привилегиями — имущественными, а также имели связи с зарубежом. И тем не менее к власти пришли правые.

Итало-венгерская дружба не смогла смягчить очень тяжелое положение Венгрии. В январе 1932 г. ее правители информировали Рим, что им некуда сбыть излишки зерна.

Спасти Венгрию могло только одно — вместе с соседними промышленными странами осуществить таможенную унию и сбыть там свое зерно по ценам выше мирового рынка. Венгрия предложила Италии и Австрии заключить совместно с ней таможенную унию (это произошло в тот период, когда Тардьё выступил с планом преференциального союза пяти дунайских государств).

Несмотря на то, что правительство Д. Каройи колебалось и временами склонялось к профранцузской ориентации, что предполагало принятие ее плана, все же Венгрия предпочла таможенную унию с Италией и Австрией. Правители этих стран тем не менее не спешили заключать такой договор. Правда, в Земмеринге они подписали так называемое соглашение Брокки (подготовленное итальянским специалистом Ингилио Брокки), которое являлось первым шагом на пути к унии. Правительство Д. Гёмбёша также поддержало план унии трех государств.

Политика Д. Гёмбёша шла в русле курса, выработанного И. Бетленом. 1 октября 1932 г. последний призвал депутатов от Партии единства “всею силой поддерживать” нового премьер-министра Дюлу Гёмбёша³⁶. В выступлении по радио он вновь поднял вопрос о мирном пересмотре границ и повторял ревизионистские требования.

26 октября 1932 г. в венгерских газетах был опубликован так называемый Рабочий план правительства Гёмбёша, состоявший из 95 пунктов. Внешней политике в нем было уделено мало места и она определялась так: “Задачей нашей внешней политики считаем обеспечить венгерскому национальному государству ту роль, которую оно заслуживает, исходя из его прошлого, географического положения и исторического призвания”. В этой программе был еще один пункт, который относился к внешней политике. В нем говорилось, что венгерское правительство всеми силами стремится к тому, чтобы подвергнуть мирные договоры ревизии в духе права и справедливости. В этом документе делался акцент на полном осуществлении прав венгерского меньшинства в других странах и заявлялось о стремлении к сотрудничеству с дунайскими странами³⁷.

Таким образом, Д. Гёмбёш вышел на политическую арену с той программой, которая была у И. Бетлена. Правда, осуществлять ее ему пришлось в новой обстановке.

В день назначения на пост главы правительства Д. Гёмбёш направил телеграмму Б. Муссолини, в которой от своего имени и от имени нации предложил дуче “нерушимую дружбу” и просил его помощи. Итальянский премьер-министр 4 октября выразил надежду, что канет в прошлое охлаждение отношений между Италией и Венгрией, которое было связано с попыткой решительного поворота на одностороннюю профранцузскую ориентацию³⁸.

3 октября МИД Венгрии готовился дать указание посланнику А. Хори посетить Б. Муссолини и от имени венгерского главы правительства передать, что новый венгерский кабинет полностью принимает внешнеполитическую линию, выработанную в свое время Бетленом, основой которой является венгерско-итальянский договор о дружбе. Хори должен был высказать пожелание венгерского правительства тесно, как и прежде, сотрудничать с итальянским правительством, оно выражает надежду на дальнейшую помощь со стороны дуче. МИД Венгрии просил Хори сообщить Муссолини о тяжелом экономическом положении Венгрии и высказать прось-

бу учесть это при обсуждении общих экономических интересов двух стран.

Текст инструкции для посланника в Риме был подготовлен заведующим политическим отделом МИД Габором Апором и показан Д. Гёмбёшу. Эта депеша не была передана, А. Хори получил один экземпляр инструкции, которую передал ему премьер-министр Д. Гёмбёш³⁹, текст ее венгерский посланник должен был устно сообщить Б. Муссолини.

Этот случай свидетельствовал о том, что новый глава правительства не намерен был никому уступать внешнеполитическую область — ни престарелому Пуки, ни чиновникам МИД. А. Хори получил поручение сообщить Муссолини взгляды Гёмбёша. Последний считал необходимым информировать дуче о том, что между ним и Бетленом имеется полная договоренность как по вопросам внутренней, так и внешней политики. Гёмбёш подчеркивал: “Следуя политической линии, инициатором которой был граф Бетлен, желаю опираться на Италию Муссолини”⁴⁰. Он выражал уверенность, что эта линия лучше всего отвечает чувствам и интересам нации. Гёмбёш сообщал также, что самой большой заслугой графа Бетлена считает как раз то, что тот интуитивно понял интересы нации тогда, когда наметил свой путь в Рим.

Новый премьер поручил венгерскому посланнику проинформировать дуче о важности решения австрийского вопроса, которым он намерен заниматься самым тесным способом в согласии с Италией. Далее он сообщал, что “в Германии у меня сильные связи с правыми”, и разъяснял, что в отношении Германии его представления полностью совпадают с мнением графа Бетлена. Гёмбёш выражал надежду, что Рим и Берлин, с одной стороны, и Будапешт и Вена — с другой, могли бы образовать более сильный концерн, который играл бы значительную роль в политической жизни Европы. Он отмечал также свои дружеские отношения с Польшей, учитывая сохраняющиеся душевные предрасположения друг к другу двух наций. Премьер просил также посланника передать Муссолини, что особое внимание намерен уделить балканской проблеме. Учитывая хорошие отношения Венгрии и Италии с

Болгарией и Албанией, можно было бы успешно скооперироваться в отношении этого региона.

Новый венгерский премьер не мог обойти молчанием венгерско-французские отношения. По-видимому, к тому времени он не был в курсе складывавшихся франко-итальянских отношений, иначе бы не сообщал: "В последнее время со стороны Франции по отношению к нам наметилась лучшая позиция и французы стремятся создать более дружественную атмосферу, которую по мере надобности я хочу поддержать, учитывая значение Франции как великой державы".

В своем первом обращении к Муссолини Гёмбёш просил его поддержки в вопросе вооружения, в смысле поддержки равноправия на вооружение, причем венгерская сторона в своих намерениях наметила осторожную тактику для достижения цели (учитывался тот факт, что, если немецкие требования будут удовлетворены, это пойдет на пользу и Венгрии). Кроме того, венгерский премьер просил помощи для стабилизации экономического положения страны. Но, поскольку источником бед Венгрии являются трудности в размещении излишек сельскохозяйственной продукции, Гёмбёш выразил надежду, что Италия, как и прежде, поможет разместить сельскохозяйственную продукцию по хорошей цене. Взамен премьер выразил готовность предоставить льготы итальянской промышленной продукции⁴¹.

В устном послании не фигурировало желание Д. Гёмбёша посетить Рим, но Э. Пуки вдогонку информировал об этом А. Хори шифрованной телеграммой⁴². От Муссолини ответ прибыл 13 октября. А. Хори в краткой телеграмме сообщал, что при передаче устного послания Гёмбёша дуче выразил свою радость по поводу плана венгерского премьера прибыть в Рим в ноябре, хотя бы уже потому, что хотел подробно обсудить с ним вопрос о политическом сотрудничестве с рядом зарубежных стран. Сам он считал такое сотрудничество необходимым. Более подробно об этом дуче обещал прислать с курьером.

А. Хори отметил, что Муссолини выслушал его внимательно и особенно одобрил намерение Венгрии осторожно из-

лагать свою позицию в вопросе разоружения (это совпадало с итальянской позицией и потому ее поддержка была заранее обеспечена). Он также отметил, что Италия готова поддерживать Венгрию экономически в рамках земмерингского соглашения⁴³.

О встрече с Муссолини А. Хори прислал в Будапешт дополнения к тому, что сообщил в телеграмме. В частности, он подчеркнул, что Муссолини со своей стороны придает австрийской проблеме большое значение. Дуче сказал, что «сегодняшняя Австрия является препятствием нашим общим политическим и экономическим планам. Это занавес, который отгораживает Италию и Венгрию друг от друга. План Бетлена о таможенной унии провалился именно из-за австрийского сопротивления, хотя в интересах всех трех стран было бы осуществить его»⁴⁴. Он выразил сожаление, что эту великую идею Австрия саботировала. Муссолини отметил, что несколько дней тому назад он упрекнул за это австрийского посланника Эггера, который наивно проговорился, что в Вене ничего не осмеливаются делать без согласия Германии. «На это я ответил австрийскому представителю, — продолжал дуче, — что в таких обстоятельствах нет смысла сохранять функцию суверенитета, было бы значительно правильнее открыто признать, что страна считает себя немецкой колонией. Тогда по крайней мере я буду знать, что и австрийские дела мне нужно обсуждать с немецким послом»⁴⁵.

Учитывая первостепенное значение как для Италии, так и для Венгрии австрийского вопроса с точки зрения их общих устремлений, итальянский премьер предложил венгерской стороне вновь обсудить и согласовать свою политику по отношению к Австрии.

Такую же важность придавал Муссолини и югославской проблеме. Причем как венгерская, так и итальянская стороны считали, что Югославия на грани распада и что в Хорватии революционное движение сильнее, чем можно было предположить. Муссолини считал, что это известно и королю Александру, который прислал ему доверительное письмо и выразил готовность идти на сближение с Италией, даже заключить с

ней таможенную унию, порвать с профранцузской ориентацией, только бы не требовали от него одного — территориальных уступок, ибо это означало бы смерть. Король просил дать Югославии передышку на 10—20 лет.

Дуче предложил обсудить вопрос распада этой страны, ибо для него не было безразлично, что там происходит. Ведь если Франция увидит ослабление в Белграде своих позиций, она будет стремиться к преобразованию Югославии в федеративную республику, в которой Хорватия получила бы полную автономию, как Каталония в Испании. Прибичевич, по его мнению, стал орудием в руках французов. Муссолини считал осуществление этого плана пагубным для Италии и Венгрии и предложил наметить совместные меры действия. Он обещал поддержать позицию Венгрии в вопросе о разоружении, а также оказать Венгрии экономическую помощь.

По поводу намерения Д. Гёмбёша посетить Рим дуче выразил свое удовлетворение, поскольку они смогут непосредственно обсудить австрийскую и югославскую проблемы и определить свое поведение. Он высказался за необходимость придать политике двух стран более конкретное содержание. Муссолини считал, что в прошлом только говорили о доброй дружбе и “топтались на месте”, а теперь нужно придать политике “динамическую силу”. Он просил главу венгерского правительства подготовить свои предложения по этим двум вопросам, чтобы в Риме уже зафиксировать свою позицию⁴⁶.

Дуче выразил удовлетворение тем, что в политических вопросах Гёмбёш полностью согласен с графом Бетленом. Правда, когда А. Хори излагал ему план отношения Венгрии с Францией, тот никак не реагировал.

10 ноября 1932 г. венгерский премьер-министр Дюла Гёмбёш отправился в первую свою официальную поездку в Рим. По проблемам, которые предстояло обсудить, МИД подготовил ему ряд документов. Заведующий политическим отделом МИД барон Габор Апор в поезде по пути в Рим зачитал Гёмбёшу заготовленные тексты выступлений и замечания, которые премьер одобрил: проект беседы с Муссолини по юго-

славскому вопросу, материалы о внутреннем положении Австрии и по проблеме австро-венгеро-итальянской унии.

В материалах о внутреннем положении Австрии подчеркивался общий венгерско-итальянский интерес привести к власти в этой стране крайне правых, о чем договорились И. Бетлен и Б. Муссолини еще в 1928 г. Констатировалось, что хаймвер не располагает силой, достаточной для захвата власти, его возможно осуществить только сверху, по инициативе правительства, с применением насилия. Прежде, в период правления Бетлена, инициативу брало на себя правительство Венгрии. Оно строго следило за тем, чтобы связь австрийских экстремистов с Италией осуществлялась только через Будапешт. На этот раз МИД Венгрии предлагал Гёмбёшу, с чем тот согласился, уступить пальму первенства итальянскому правительству, которому в новой ситуации не нужно вкладывать в это денежные средства и оружие, но нужна материальная и моральная поддержка, которую венгерское правительство не может оказать. Австрийское правительство может рассчитывать на негласную поддержку Берлина и Парижа, а ее может обеспечить только Италия, в то время как Прага наверняка будет активно протестовать. Кроме того, австрийскому правительству для укрепления своей власти после переворота нужна будет материальная поддержка, которую может оказать только Италия. Лишь она одна сможет своей властью защитить Австрию от возможных экономических реторсий, т. е. мероприятий, которые не будучи формально незаконными, являются выражением неблагоприятного отношения (повышение пошлин, особые правила санитарного надзора и т. п.).

Итальянцы все портили своей активностью, а отвечать приходилось венграм. В новой обстановке, когда перспектив на успех было еще меньше, венгерская сторона предложила Риму опекал проект и нести ответственность, а сама обещала лишь поддержку и более тесное сотрудничество, для чего рекомендовала установить связь с итальянским посольством в Вене⁴⁷.

Авторы материалов, подготовленных для Гёмбёша, считали, что план установления австро-венгерско-итальянской таможенной унии трудно осуществим на практике. Уния могла быть проведена в жизнь постепенно, встречая серьезные препятствия. Такие же трудности существовали и в политической области. Так, гаагским решением был запрещен аншлюс, что могло бы стать предметом переговоров между Римом и Парижем. Венгрия же не может в Париже даже упомянуть об этом. Министр иностранных дел Чехословакии Э. Бенеш открыто заявил венгерскому посланнику в Праге Силарду Маширевичу, что против австро-венгерской таможенной унии он будет бороться так же, как и против аншлюса. Эти слова относились и к таможенной унии трех стран.

МИД Венгрии рекомендовал Гёмбёшу поддерживать перед итальянским правительством идею унии, инициатором которой был граф И. Бетлен и которую разделяло правительство Д. Каройи. В венгерском МИД полагали, что этой комбинацией можно добиться роста своего престижа в глазах итальянских правителей, кроме того, отпадет всегда грозившая Венгрии возможность заключения итало-югославской таможенной унии. В результате создания таможенной унии Венгрии получила бы возможность требовать развития соглашения в Земмеринге и таким путем увеличить итало-венгерский экономический товарооборот⁴⁸.

Подготовленный для Гёмбёша план переговоров с Муссолини по югославскому вопросу был составлен в следующем духе: в Югославии якобы назревает революция, ей грозит распад, и Венгрии с Италией следует быть к этому готовыми. Короче, правители Италии и Венгрии получали такую информацию, какую желали иметь, да к тому же подчеркивали, что взгляды на этот счет в Риме и Будапеште совпадают. Венгерские авторы материалов для премьера хвалили за подрывную деятельность хорватское движение сопротивления, заслуживавшее всяческой поддержки (хотя оно и прежде не было обделено венгерской стороной). Венгерские эксперты указывали на недопустимость недооценки македонского движения, хотя еще

не было установлено, какое из его течений следует поддерживать.

“Существенную” помощь хорватскому движению полагали возможным предоставить лишь тогда, когда распадется сербское правительство. В противном случае необдуманные действия могли бы привести к осложнениям, даже к катастрофе Венгрии.

В документах разъяснялось, что под распадом правительственной власти подразумевается не падение короля, а то, что правительство не могло бы распоряжаться своими органами, главным образом армией, жандармерией, полицией. Это может произойти в случае восстания в сербской армии. Именно поэтому следовало обеспечить нейтралитет двух других стран Малой Антанты — Чехословакии и Румынии. Ибо при наличии в тылу враждебной Чехословакии, Венгрия не способна к действиям. Принималось во внимание обострение франко-германских отношений и стремление Парижа приобщить Чехословакию к антигерманской политике. Одновременно усматривалась незаинтересованность Франции в отношении двух других стран Малой Антанты — Румынии и Югославии. Венгерская дипломатия полагала, что такое состояние можно было сохранить при условии, что Венгрия не станет предпринимать неуклюжие тактические шаги и тем самым не сплотит всю Малую Антанту с Францией⁴⁹.

В ноябре 1932 г. венгерская сторона полагала, что в случае революции в Югославии можно обеспечить нейтралитет Румынии и Чехословакии или хотя бы одной последней; важно только, чтобы итальянское правительство со своей стороны в свое время решительным демаршем потребовало этого от правительств указанных стран.

У Д. Гёмбёша, по-видимому, было собственное мнение относительно состояния дел в Югославии. В дипломатических бумагах МИД зафиксировано его сообщение о том, что в ходе переговоров с Муссолини он не поднимал вопрос об обсуждении двумя генеральными штабами положения в Югославии, ибо, по его словам, итальянское правительство и венгерский генштаб положение в Югославии рисуют темными красками

и, по мнению Гёмбёша, еще рано обсуждать этот вопрос генеральными штабами⁵⁰.

О самом ходе переговоров сохранилась запись, продиктованная венгерским премьером. Она была согласована А. Хори с итальянской стороной, которая составила свою запись.

Д. Гёмбёш передал дуче приветствия от регента М. Хорти и бывшего премьера И. Бетлена и заметил, что он пользуется полным доверием регента и что вступил на пост главы правительства с намерением вести дела на основе переосмысленных взглядов. Он отметил, что в последний год вследствие экономической депрессии в стране укоренились определенные экстремистские политические течения. Но после образования его правительства положение изменилось и нация с уверенностью смотрит в будущее. Гёмбёш заверял собеседника, что в Венгрии сохраняется стабильное военное положение. Развитие страны в этом смысле зависит главным образом от того, сколько и когда поступит материальной силы. Муссолини выразил свое удовлетворение состоянием дел в Венгрии и одобрил тезис о единстве политических и экономических проблем. Гёмбёш подчеркивал, что Венгрии прежде всего следует двигаться по линии Вена—Рим, в будущем как политические, так и экономические вопросы нужно рассматривать исходя из этого. Со стороны Италии и Венгрии такое намерение имеется. Нерешенным остается вопрос Австрии. Там нужно обеспечить “такое продвижение вперед”, которое развивалось бы в духе изложенной концепции.

Поскольку собеседники считали положение в Австрии неустойчивым, договорились главное внимание уделять упорочию правительства Дольфуса, которое симпатизировало движению хайвера. Для достижения этого можно использовать и нелегальные пути. Важную роль в данном вопросе решили отвести аккредитованному в Вене итальянскому посланнику, которому Будапешт под руководством Гёмбёша будет всячески помогать. Но сначала необходимо заключить соглашение с Дольфусом и Штарембергом о политической и экономической концепциях, а также решить военные вопросы.

Муссолини согласился с выкладками венгерского премьер-министра. Воспользовавшись благоприятной ситуацией, Д. Гёмбёш поставил вопрос о возможности использования Венгрией и Австрией порта Триеста и тем самым углубить сотрудничество между двумя странами. При обсуждении экономических вопросов Гёмбёш пришел к убеждению, что Австрию “объединенными усилиями следует принудить к таможенной унии”. Венгерский премьер информировал дуче о своих переговорах с австрийским канцлером Дольфусом, смысл которых состоял в том, что Австрия и Венгрия вместе с Германией должны согласиться на унию, но не заявлять об этом открыто, Муссолини напомнил собеседнику о беседе на эту тему с Бетленом и выразил сожаление, что с прошлого года данный вопрос не продвинулся вперед. Австрийцы постоянно затягивают его, и создается впечатление, что во внешней политике они зависимы от Берлина. В связи с этим Гёмбёш вновь указал на необходимость помочь прийти к власти в Австрии такому правительству, которое “искренне желало бы и хотело сотрудничать с нами”. Договорились в кратчайшее время образовать общую комиссию трех стран для обсуждения вопроса о таможенной унии. В венгерской записи о переговорах, составленной Гёмбёшем, в отношении численного состава комиссии сказано, что она должна состоять из трех представителей от каждой страны. В записи же государственного секретаря МИД Италии Сувича, который также присутствовал на переговорах, говорится о комиссии трех, т. е. по одному представителю от каждого государства.

Д. Гёмбёш подчеркивал, что Венгрия нуждается в итальянской помощи еще до образования таможенной унии. “Мы просим... не подарка, а реальной связи, которая была бы полезна и для Италии”, — заявил он. С конкретными данными в руках Гёмбёш пытался убедить Муссолини, что Италия покупает сельскохозяйственную продукцию и в тех странах, которые не являются дружественными. Он намекал прежде всего на Югославию. Венгрия же ввозит промышленные товары из стран, которые никак нельзя назвать дружественными. Он предложил немедленно изыскать возможность беспошлинных

поставок сельскохозяйственной продукции в Италию и промышленной — в Венгрию.

Гёмбёша удивило, что Сувич и Муссолини меньше боятся противодействия плану таможенной унии со стороны Франции, чем агрессивности Германии. В конце концов они убедились, что немедленное обнародование плана таможенной унии может привести к обострению отношений, и приняли предложение Гёмбёша, совпадавшее с мнением Дольфуса. Муссолини и Гёмбёш обсудили положение вооруженных сил Австрии и условились побуждать хаймвер и армию продолжать организационную работу, чтобы в распоряжении правительства имелись соответствующие вооруженные силы для выполнения его воли.

Обсуждая югославскую проблему, Муссолини заявил, что если прежде он скептически относился к самостоятельному хорватскому национальному движению, то теперь считает, что его следует поддерживать и что Павелич — это подходящий лидер для руководства движением. Гёмбёш поддержал данное мнение и, в свою очередь, высказался в пользу македонского движения, которое следует поддерживать “независимо от того, какому из его внутренних течений мы протезируем”. Договорились, что югославская проблема будет находиться в сфере влияния Италии, а Венгрия возмет на себя роль ассистента. Руководствуясь своими интересами, Гёмбёш подбросил Муссолини мысль, что, если Италия будет препятствовать импорту из Югославии сельскохозяйственной продукции, это окажет серьезное влияние на внутренний распад Югославии⁵¹.

Трудно установить, по каким соображениям, но в записи Гёмбёша опущено, а в документе Сувича содержится пункт, в котором сказано, что после заключения таможенной унии трех государств правительства этих стран подпишут между собой политический договор.

Когда Апор обратил внимание Гёмбёша на это несоответствие, тот ответил: “Действительно, это выпало из моей записи”⁵². Несомненно одно, и Гёмбёш оглядывался на Германию.

Сближение с гитлеровской Германией и визит Дюлы Гёмбёша в Берлин

В тот период, когда Дюла Гёмбёш стал главой венгерского правительства, итальянский диктатор уже считался с возможностью прихода к власти в Германии национал-социалистов. И хотя они по духу были близки итальянским фашистам, Муссолини не хотел, чтобы Австрия уходила из-под его влияния и стала жертвой Германии. В этом он видел опасность вытеснения Италии из Центральной Европы, чего он добился, правда, только частично ценой больших усилий. Теперь он хотел осуществить то, о чем договорился с И. Бетленом в начале 1932 г. Идея таможенной унии Италии, Венгрии и Австрии (некоторые историки считают, что она принадлежала Муссолини, но по тактическим соображениям предложил ее именно Бетлен), по замыслам дуче, должна была быть осуществлена на практике до прихода к власти в Германии гитлеровцев. и тем самым возникала возможность создания мощной преграды на пути аншлюса Австрии.

Еще до своей поездки в Рим Д. Гёмбёш попытался нажать на Австрию и склонить ее к таможенной унии. С этой целью у него состоялась тайная встреча с канцлером Дольфусом в Кирайсалташе 6—7 ноября. В ходе этих переговоров (как частных лиц) Дольфус, боясь реакции Лондона, Парижа и Берлина, высказался, что унию можно осуществить путем расширения соглашения в Земмеринге. Но итальянская сторона считала это недостаточным и просила Гёмбёша оказать на Австрию влияние в целях заключения таможенной унии трех. На встрече с Гёмбёшем Дольфус остался тем не менее на своей прежней позиции. Австрийский канцлер просил венгерского премьера на предстоящей встрече с Муссолини поднять вопрос о Южном Тироле⁵³

После возвращения из Рима Д. Гёмбёш, а точнее, МИД Венгрии (указание передавалось от имени премьер-министра,

но на документе содержится пометка, что оно не было предварительно показано Гёмбёшу) 15 ноября направил в адрес графа Амбрози в Вене послание, которое тот должен был передать в устной форме канцлеру Дольфусу. В нем говорилось, что в Риме с большой радостью приняли сообщение о встрече глав правительств Венгрии и Австрии и их решении сотрудничать по политической и экономической линиям. Там с удовлетворением приветствовали план таможенной унии с участием Австрии.

Гёмбёш предлагал Дольфусу как можно скорее назначить доверенное лицо, которое немедленно начало бы переговоры с представителем венгерского премьера. Итальянцы приняли предложение венгерского премьер-министра о предоставлении части порта Триеста Венгрии и Австрии по льготным тарифам для перевозок или на основе особого договора. Тем самым была подготовлена конкретная форма политического и экономического сотрудничества трех стран.

Далее сообщалось, что Италия и Венгрия приветствуют и поддержат австрийское политическое течение, направленное на сотрудничество Дольфуса и его партии с хаймвером. Оно будет осуществляться через итальянского посланника в Вене с привлечением венгерского премьер-министра⁵⁴.

Венгерское посольство в Вене получило приказ, чтобы этот документ зачитал Дольфусу временный поверенный в делах Венгрии в Вене Дьердь Бакач-Бешпеньеи. Подчеркивалось, что это должно быть в устной форме. В то же время поверенному следовало добиваться от австрийской стороны конкретных ответов на вопросы. На случай, если Дольфус затронет южнотирольский вопрос, Бешпеньеи должен заявить, что по нему у него нет ни сведений, ни указаний. Для личного сведения руководителя венгерской дипломатической миссии в Вене указывалось, что Дольфус просил премьер-министра Венгрии поднять этот вопрос в Риме⁵⁵.

На следующий день, 16 ноября, венгерский посланник в Вене Амбрози в зашифрованной телеграмме (в МИД и премьер-министру) сообщал, что он перевел депешу на немецкий язык и дважды зачитал канцлеру. Тот поблагодарил премьер-мини-

стра и сказал, что в отношении доверенного лица он примет решение и сообщит позднее. Канцлер еще не знает, будет ли это вице-канцлер, или он сам будет вести экономические переговоры, которые считает более срочными. Он предложил еще раз встретиться с премьер-министром Венгрии, чтобы его заместитель, который возглавлял делегацию на торговых переговорах в Будапеште, вызвал его туда. Посланник отметил также, что Дольфус не поднял вопроса о Южном Тироле⁵⁶.

20 ноября по вызову австрийского вице-канцлера Франца Винклера в Будапешт прибыл Энгельберт Дольфус, канцлер Австрии. На следующий день премьер и МИД Венгрии информировали посланника в Вене графа Лайоша Амбрози о ходе этих переговоров⁵⁷. В документе подчеркивалось, что канцлер прибыл в столицу Венгрии не только для того, чтобы высказаться по ходу торговых переговоров, но его интересовали результаты визита венгерского премьера в Рим. В отношении поездки в Рим Гёмбёш, как он сообщал, только отметил, что, когда будет подписан австро-венгерский договор и когда начнет работу итало-венгерская комиссия, было бы уместно, чтобы Австрия выслала в Италию постоянную комиссию для обсуждения итало-австрийских вопросов. Как подчеркивал Гёмбёш, канцлера особенно интересовало, выполнил ли венгерский премьер его просьбу, а именно затронул ли в беседе с Муссолини южнотирольский вопрос. Гёмбёш ответил, что не считал себя компетентным лицом в этом вопросе, и информировал Дольфуса, что четыре года тому назад Муссолини сам поднял данный вопрос, таким образом при возможности канцлер и дуче сами выяснят его. На Гёмбёша произвело впечатление, что Дольфус, по его мнению, настойчиво проводит политику аграриев, по всей вероятности исходя из партийно-политических соображений.

Венгерский премьер-министр, как он сам отметил, не смог удержаться и высказал мнение, что эта политика может иметь для Австрии катастрофические последствия, поскольку полностью жертвует австрийской промышленностью. (У Гёмбёша и здесь был свой интерес — вывоз в Австрию сельскохозяйственной продукции.) Гёмбёш пришел к выводу, что

между Дольфусом и Винклером нет гармонии и вообще в Австрии отмечается такая политическая неуверенность, на которую очень трудно делать ставку. Венгерский премьер высказал критическое замечание в адрес канцлера, что тот путешествует с чисто внутривластной, агитационной целью. Но он начинает понимать, что ему нужно провозгласить новую, самостоятельную политику и Австрия не может опуститься до уровня германской провинции⁵⁸.

23 ноября посланник в Риме А. Хори в зашифрованной телеграмме сделал запрос о предоставлении ему хотя бы общей информации о беседах с австрийскими государственными деятелями, поскольку в палатце Киджи будут этим интересоваться⁵⁹. Для сведения римским правителям министр иностранных дел Венгрии Пуки сообщал, что приезд Дольфуса в Будапешт прежде всего связан с торговым договором, в отношении которого канцлер не был согласен с вице-канцлером Винклером. В телеграмме отмечалось, что Гёмбеш считал важным создание постоянной австро-итальянской комиссии. Упомянул венгерский премьер и о своем плане поездки в Триест и Понгафели, которую Дольфус обещал поддержать.

Пуки информировал А. Хори, но исключительно для его сведения, что канцлер интересовался, был ли поднят южнотирольский вопрос, на что получил отрицательный ответ⁶⁰.

Итак, намечалось тесное сотрудничество трех стран — Венгрии, Австрии и Италии в экономической области. Вынашивался план заключения и политического договора, однако он все откладывался. В начале 1933 г. на международной арене произошли такие события, которые оказали далеко идущее влияние на политические и экономические цели трех государств. 29 января 1933 г. в Германии к власти пришел Гитлер — лидер национал-социалистов.

Цели и устремления гитлеровской Германии с самого начала яснее видели в Будапеште, чем в Праге, Париже и Лондоне. Конечно, в Будапеште это был не Эндре Пуки выбор которого на пост министра иностранных дел был крайне неудачным. М. Козма по этому поводу отметил, что над этим

выбором смеялись не только дипломаты, с которыми он даже разговаривать не мог, но и общественность⁶¹.

1 декабря 1932 г. М. Козма посетил премьер-министра Д. Гёмбёша и предложил ему, считая министерство Пуки невыносимым, взять на себя пост министра иностранных дел или назначить Калмана Каню, известного дипломата, который с 1921 г. по 1925 г. был постоянным заместителем министра иностранных дел, а затем венгерским посланником в Берлине. По мнению Козмы, назначение К. Кани министром имело бы вместе с тем и отрицательные последствия, поскольку он являлся решительным сторонником германо-итальянской ориентации. Но для Гёмбёша это было только плюсом, поэтому он ответил: "Мне Кания очень нужен; смелый, тяжелый человек — авторитет"⁶².

В ходе этой беседы возникла комбинация, в которой И. Бетлену предназначался пост посланника в Берлине, но из этого ничего не вышло, несмотря на то что бывший премьер нуждался в улучшении своего материального положения и новая должность могла дать ему это. Гёмбёш высказался в том смысле, что Берлин вскоре станет основой всех связей Венгрии и И. Бетлен подошел бы на данную роль.

Отношения с Германией пока складывались не в том направлении, как предполагал И. Бетлен, а он хотел наладить тесные связи Италии с Германией и обеспечить внешнюю силу для осуществления сокровенных планов хортистов — восставления "Великой Венгрии".

В начале 1932 г., т. е. в период правления Д. Каройи, венгерский МИД занимался вопросом, кто из венгерских правых деятелей установил контакты с Гитлером и возможно пользуется его финансовой поддержкой. МИД Венгрии в феврале 1932 г. дал указание своему генеральному консулу в Мюнхене Ласло Величу сообщить о ходе переговоров Тибора Экхардта с Гитлером, придавая особое значение установлению факта, пользуется ли Экхардт материальной помощью Гитлера⁶³. В ответе консула подчеркивалось, что на основе информации, полученной из двух источников, целью Экхардта было только установить контакт с Гитлером и обменяться мнениями.

“Считаю полностью исключенным, — писал Велич, — что вообще велся разговор о материальной помощи и что Гитлер отпустил бы для венгерских целей самую ничтожную сумму”⁶⁴.

В том же месяце выясняли, что поддерживал контакты с Гитлером некто Геза Биркаш⁶⁵. Еще 1 февраля 1932 г. генеральный консул из Мюнхена сообщал министру иностранных дел Лайошу Валко, что вслед за Золтаном Бесермени и Тибором Экхардтом и другие искали связей с гитлеровской партией и ее руководством. Так, Элемер Рудипич из Женевы, а также Ференц Олаи просили информацию серьезного значения. Причем последний взамен полученной обещал материалы в отношении венгерской ревизии. Венгерский гражданин Геза Биркаш, выступавший от имени организации “КС”, написал письмо Гитлеру из Киля. Консул просил министра сохранять конфиденциальность, ибо в противном случае его информатор может потерять место работы⁶⁶.

24 февраля 1932 г. Ласло Велич написал Лайошу Валко еще одно донесение, в котором сообщал, что Эрне Габор, проживающий в Будапеште, бывший владелец гостиницы в Веленце, 13 февраля написал письмо Алфреду Розенбергу, ссылаясь на их встречу в ноябре 1930 г., и сообщал, что его политические друзья образовали Венгерскую национал-социалистскую партию, официально ее зарегистрировали и опубликовали программу. Но осуществить задуманные планы не удалось, он разочаровался, вышел из партии и намерен образовать Венгерскую национал-социалистскую рабочую партию, которая работала бы в духе “свастики, радикализма и антисемитизма”. Он писал о мировом господстве еврейского крупного капитала и заявлял, что ему ближе учение Гитлера, чем учение фашистской школы. Габор просил информировать, кто пользуется доверием Гитлера или его материальной поддержкой, в этом случае я и мои друзья безоговорочно примкнули бы к этой личности. Если у Гитлера в Венгрии такого человека еще нет, то он просил бы его моральной поддержки для создаваемой партии и с удовольствием навестил бы его в Мюнхене за свой счет вместе с одним или двумя членами партии. Габор

предлагал также распространить в Венгрии около 1000 экземпляров газеты “Фелкишер беобахтер”⁶⁷.

Венгерское правительство и особенно Д. Каройи ревниво относилось к попыткам отдельных личностей установить связи с гитлеровцами, которых уже тогда многие расценивали как серьезных претендентов на власть в Германии.

Еще до прихода национал-социалистов к власти в Германии между правительствами обеих стран были точки соприкосновения, совместные выступления по ряду вопросов в Лиге наций (разоружение, репарации и т. д.). Обсуждали они и положение национальных меньшинств — венгерского в Чехословакии, Румынии и Югославии и немецкого в Венгрии. В феврале 1932 г. по указанию Лайоша Валко венгерский посланник в Берлине К. Каня посетил МИД Германии и имел беседу с Золфом, ведавшим вопросами национальных меньшинств. Они обсуждали положение немецкого меньшинства в Венгрии. Золф заявил, что, как видно, венгерское правительство желает вести переговоры только по тем вопросам, которые его интересуют. Он думает, что невозможно требовать от немецкого национального меньшинства поддержки венгерской ирреденты, хотя и допускает, чтобы немецкое национальное меньшинство более тесно сотрудничало с венгерским национальным меньшинством на отторгнутых от Венгрии территориях. Наконец, он поднял вопрос, не зависит ли позиция венгерского правительства от каких-либо неизвестных ему обстоятельств. Здесь К. Каня в скобках заметил: “Золф, как почти каждый немецкий политик, который говорит о Венгрии, по всей вероятности думает о якобы все более возрастающем у нас французском влиянии”.

К. Каня выразил мнение, что его собеседник не правильно оценивает позицию венгерского правительства. Не венгерское правительство, утверждал он, уклоняется от обсуждения дел немецкого меньшинства в Венгрии, а немецкое правительство не склонно вести переговоры о сотрудничестве венгерского и немецкого меньшинств, проживающих на отторгнутых территориях. Хотя этот вопрос и был включен в план переговоров еще в ноябре 1930 г.⁶⁸, спор по нему продолжался. Пал

Телеки и Золф обменялись письмами. Встречался министр иностранных дел Венгрии с германским посланником в Будапеште Хансом Шоеном⁶⁹.

Вопрос о меньшинствах затем был предметом обсуждения в декабре 1932 г. между немецким посланником и постоянным заместителем министра иностранных дел Венгрии Ш. Куэном-Хедервари, но все безрезультатно. Ханс Шоен посетил МИД Венгрии и сообщил, что в Берлине он заявил госсекретарю Бернхарду Бюлову о неудовлетворительности венгерско-немецких отношений. В связи с этим было проведено совещание заведующих отделами, на котором пришли к выводу: что касается германско-венгерских политических отношений, то у двух стран имеются жизненно важные общие интересы, а именно по вопросу разоружения и по вопросу территориальной ревизии.

По первому вопросу и прежде имелось сотрудничество, и германское правительство намерено поддерживать его и впредь. В отношении ревизии в принципе у них одинаковые политические интересы, но на практике эта политика расчленяется. Это в первую очередь касается польско-венгерских и чешско-немецких отношений. Вследствие венгерских ревизионистских устремлений у Венгрии острые противоречия с Чехословакией, и поэтому ей нужно поддерживать хорошие отношения с Польшей, если она хочет удержать ее на дистанции от Чехословакии. Эту политику германское правительство отлично понимает. Немецкое правительство, в свою очередь, из-за большого германско-польского прогиворечия не может сглановиться на позицию острого противоречия с Чехословакией, на что многие рассчитывают в Венгрии, ибо этим оно толкнуло бы Чехословакию в объятия Польши, чему хочет воспрепятствовать венгерское правительство своей политикой в отношении Польши.

Х. Шоен утверждал, что Германия придает большой вес поддержанию политических отношений с Венгрией, ибо осознает важность ее позиции в Юго-Восточной Европе. Но, пока Германия занята другими жизненно важными для себя вопросами, она не может заниматься Юго-восточным вопросом и

той мере, в какой следовало бы. По мнению германской стороны, венгерским правительством допущено много ошибок в отношении немецкого меньшинства в Венгрии, так же, как и со стороны немецких националистических организаций, которые обсуждали этот вопрос в немецкой печати не должным образом. Германское правительство не может проводить политику незаинтересованности в отношении немецкого меньшинства в Венгрии, чего ждет от него общественное мнение Венгрии. Немецкому меньшинству в Венгрии ничто не угрожает, поэтому оно лояльно. Шоен заявил также, что германское правительство считает желательным хорошие отношения венгерского и немецкого национальных меньшинств на отторгнутых от Венгрии территориях.

Куэн-Хедервари ответил немецкому посланнику, что венгерское правительство с пониманием и радостью воспримет сказанное им о венгерско-немецких политических отношениях и об исправлении венгерско-германских экономических отношений. Но он усомнился в готовности венгерского правительства вести беседу о немецком меньшинстве в Венгрии, поскольку в это время велись переговоры о сотрудничестве венгерского и немецкого меньшинств на отторгнутых территориях.

В ходе дискуссии Куэн-Хедервари заявил, что из германского ответа на меморандум Бетлена следовало: правительство в Берлине не может оказывать влияние на позицию немецкого меньшинства на отторгнутых территориях в отношении Венгрии. Он объяснял это тем, что тамошние немцы получают большую материальную помощь от официальных германских кругов. Посланник признал наличие субвенции, но заметил, что все же влияние германского правительства там на меньшинство не столь сильно, как "мы себе представляем". Эту помощь германское правительство оказывает не непосредственно, а через Союз немцев за границей и по внутривластным соображениям не может прекратить ее оказывать.

Обсуждали и вопрос австро-венгерско-итальянского сотрудничества. Посланник просил прояснить разговоры вокруг таможенной унии. Заместитель министра заявил о намерении

Венгрии углубить сотрудничество в экономической области с Италией и Австрией до такой степени, до какой только возможно. Ведущиеся в Риме переговоры покажут, чего можно достичь. О создании действительной таможенной унии не может быть и речи, ибо хорошо известно, что она не может быть осуществлена между суверенными государствами⁷⁰.

В таком духе решались открытые вопросы между Венгрией и Германией в период Веймарской республики, до прихода к власти Гитлера в Германии. События в Германии удивили многих, в том числе и И. Бетлена. В начале марта 1933 г. он отправился в Берлин по приглашению немецкого культурбунда. Там он выступал с докладом "Венгрия в новой Европе". О пребывании И. Бетлена с 4 по 10 марта, о его докладах и беседах писали различные немецкие газеты. На беседах присутствовали представители правительства и МИД, а министр иностранных дел К. Нейрат дал обед в честь Бетлена.

Бывший премьер в своем докладе счел необходимым подчеркнуть, что в первую мировую войну Германия и Венгрия воевали вместе и дружба по оружию не померкла в сердцах венгров до сих пор. После войны Венгрия оказалась окруженной со всех сторон странами Малой Антанты, а после заключения договора Австрии с Чехословакией кольцо замкнулось полностью. По мнению Бетлена, имелось два пути выбраться из железного окружения: через Прагу, но это был бы путь в Канносу, или же в Австрию, которая не проявляла заинтересованности в окончательной гибели Венгрии. Этим вторым путем при помощи дипломатии можно было мирно прорвать кольцо окружения. В результате Австрии и Венгрии при посредничестве Италии в Венеции удалось подписать соглашение о Западной Венгрии.

В Берлине И. Бетлен утверждал, что вопрос о Западной Венгрии первыми подняли чехи на предварительных переговорах в Версале и требовали эту территорию для себя, для создания коридора (наподобие Данцингского), который соединил бы южных и западных славян от Братиславы до югославской границы и обеспечил бы выход Чехословакии к Адриатическому морю. Против "этого дьявольского плана" чехов самым ре-

шительным образом выступила в Версале Италия, незаинтересованная в появлении объединенных славян в Адриатике. Италия взяла на себя посредничество между Австрией и Венгрией, что стало “первой братской услугой, оказанной Италией Венгрии”. Выступая в Берлине, Бетлен подбросил гитлеровскому правительству идею, согласно которой инициативу в посредничестве должна была взять в свои руки Германия, но тогдашнее социал-демократическое правительство упустило эту возможность. Затем И. Бетлен напомнил слушателям об итальянской поддержке в получении Венгрией иностранного займа и при решении вопроса о репарациях. Результатом политики Муссолини было заключение договора о дружбе Венгрии с Италией, который вывел Венгрию из того отчаянного положения, в котором она оказалась после Трианона. Эта политика дружбы двух стран, по мнению Бетлена, стала важным фактором европейской политики в Дунайском бассейне. Он считал, что самым большим и постоянным интересом Италии является не допустить объединение северных и южных славян, ибо, как бы оно ни произошло, путем ли покорения Румынии и Венгрии или путем образования коридора, или путем принуждения Венгрии вступить в государственный союз или какие-либо союзные отношения с южными и северными славянами, гегемония Италии в Адриатике и восточном бассейне Средиземноморья оказалась бы в опасности. Бетлен считал, что и Германия должна быть заинтересована в сохранении самостоятельной венгерской нации “как стража на этом перепутье народов на Дунае”⁷¹.

Сильный козырь Венгрии И. Бетлен видел в том, что она расположена в среднем течении Дуная и здесь ключ водных путей. Без Венгрии не может быть создан союз государств Дунайского бассейна, а принудить ее к этому никто не сможет. Она будет бороться за ревизию Трианона мирными средствами. Но тут же заявлял, что вновь приобрести территории, завоеванные железом и кровью, нельзя добрым словом и дипломатической игрой. Поэтому, если соседние страны не прозреют, нужно будет считаться с возможностями, т. е. с наличием силы⁷².

Во время поездки в Германию И. Бетлен выступил в университете Франкфурта-на-Майне. Там он говорил о борьбе Венгрии за место и роль в Дунайском бассейне. И это выступление широко излагалось в венгерских и зарубежных газетах. Там он рассуждал не о том, что было, а о предположениях. В частности, экс-премьер сказал, что если бы в России не было революции и она участвовала бы после первой мировой войны в дележе добычи как победительница, то в Праге сидели бы не ориентирующиеся на Запад Т. Масарик и Э. Бенеш, а славянофил Крамарж, а в Будапеште, Белграде, Бухаресте и Софии были бы только исполнители приказов русских военных, а в Катарро и Константинополе на кораблях развевались бы русские флаги. Дунайский бассейн стал бы так или иначе русской провинцией⁷³. Выступал Бетлен со своими взглядами и в Мюнхене⁷⁴.

В дни пребывания в Германии И. Бетлен опубликовал статью в "Берзенцайтунг", в которой выражал симпатию борьбе гитлеровского правительства против "большевистского подстрекательства", подчеркивая, что у него, Бетлена, на этот счет есть опыт, он испытал "прелести" большевизма на собственной шкуре. Бывший премьер писал, что в германском правительстве он видит союзника в борьбе против оков мирных договоров, а в немцах — народ, призванный сыграть основную роль в восстановлении средневропейских наций. Он выражал надежду, что из сотрудничества "двух гордых и сознательных народов родится умиротворение Европы", чего не смогли сделать мирные договоры, разделившие нации⁷⁵.

По возвращении в Будапешт И. Бетлен дал интервью ряду газет, подчеркивая, что приход к власти в Германии А. Гитлера не угрожает войной⁷⁶, существует мол славянская опасность, а "дранг нах Остен" сегодня уже анахронизм. Наличие же дружбы Италии с Венгрией и стремление Германии к сближению с Италией не повредят Венгрии, а, наоборот, сделают ее более мобильной⁷⁷. Вопрос ревизии границ станет на практическую почву.

И. Бетлен еще находился в Германии, а Эндре Байчи-Жилински, когда-то входивший в группу "защитников расы"

Гёмбёша — Экхардта и перешедший на сторону либеральной оппозиции, выступил с протестом против приобщения венгерской внешней политики к Гитлеру и резко критиковал позицию И. Бетлена, занятую им в Германии, куда он явился на второй день после инаугурации Гитлера, и проводил политику, которая противоречит интересам Венгрии⁷⁸.

Это выступление Э. Байчи-Жилинского не осталось незамеченным и в статье специального корреспондента из Будапешта. В немецкой газете сообщалось о протесте Э. Байчи-Жилинского против посещения бывшим премьер-министром И. Бетленом Германии⁷⁹.

Да и в Венгрии прогитлеровски настроенные элементы выступили в защиту ориентации страны на гитлеровскую Германию. Так, в одной из статей утверждалось, что евреи, чехи и румыны пытаются отравить венгерско-немецкие отношения. Она раскрывала и взгляды венгерских легитимистов и националистов, занимавших позицию против аншлюса. Легитимисты были против аншлюса потому, что надеются восстановить на троне Габсбургов при помощи Франции, особенно после смерти Аппони, который был врагом дуализма. Националисты приводят статьи из чешских и румынских газет, на основе которых гитлеровское движение распространяет карты с границами Германской империи, доходящей до оз. Балатон в Венгрии. Националисты считают Австрию бастионом против немецкого “дранг нах Остен”. В то же время газета отмечала, что венгерское правительство в отношении аншлюса заняло нейтральную позицию и считало ее единственно возможной⁸⁰.

Это беспокойство сторонников Гитлера в Венгрии имело под собой почву. В конце февраля 1933 г., когда внешняя политика правительства Д. Гёмбёша обсуждалась в палате представителей Государственного собрания, левая оппозиция критиковала ее односторонность. Беспартийный депутат Тибор Фаркаш внес интерпелляцию о новом союзе Малой Антанты, а маркиграф Дьердь Паллавичини в своем запросе подчеркнул, что в результате односторонней политики, дружбы с Италией “сильно подорваны симпатии Франции к Венгрии со времени правления Гёмбёша”. В интерпелляции депутата от социал-де-

мократической партии Мано Бухингера подчеркивалось, что врагом мира является фашизм, и содержался призыв о денонсации договора о дружбе с Италией, который до сих пор приносил стране только вред; обращалось внимание на опасные маневры гитлеризма в Германии⁸¹.

В венгерской печати продолжалась дискуссия, фактически борьба вокруг внешнеполитической ориентации. В начале мая 1933 г. в газете "Пепгги наплю" была опубликована статья "Нацизм до Хедьешхолма?", в которой шла речь об опасности распространения германской экспансии в сторону Венгрии, и не только гитлеризма, а и "дранг нах Остен" вообще⁸². Но уже несколько дней спустя другая венгерская газета опубликовала передовую статью в поддержку гитлеризма в Германии, выражая уверенность, что победа немецкого национализма приведет к избавлению и Венгрии от страданий и унижения⁸³.

Эта статья была передана всеми радиостанциями Германии, и на следующий день ей были посвящены отклики в таких немецких газетах, как "Фелкишер беобахтер", "Тат", "Берлинер тагеблатт" и др. В них высказывалось мнение, что "Венгрия поняла их" и, исходя из этого, "может лелеять самые радужные надежды на будущее"⁸⁴.

Поездку И. Бетлена в Берлин можно рассматривать как попытку зондажа, могут ли новые правящие круги в Германии стать действительной опорой в осуществлении замыслов хортистов. Новый глава правительства в этом не сомневался и решил действовать быстро и напористо. Еще находясь на посту военного министра, Д. Гёмбёш установил тесные связи с милитаристскими кругами Германии. После прихода Гитлера к власти он поспешил установить теснейшие связи с нацистами.

В дипломатических документах Германии довольно точно оценивали положение в Венгрии, перипетии периода кризиса. Отмечалось, что Венгрия добилась суверенитета финансов на конференциях в Париже и Гааге, подняла свой престиж на международной арене в результате поездок министра иностранных дел в Афины, Софию, Анкару, а премьера И. Бетлена в Париж, Рим, Лондон, Анкару и Берлин в 1930 г. В то же время подчеркивалось, что главной цели развала Малой

Антанты Венгрия не добилаь. Пропаганда ревизии в то время была рассчитана на внутреннее потребление⁸⁵.

Отмечалось, что изменения наступили в 1932 г. В связи с планом германо-австрийского таможенного союза Франция провела в Венгрии большую дипломатическую работу, в результате чего, а также под влиянием тяжелого экономического положения в середине года наметился поворот в Венгрии, ее переориентация на Францию. Но это еще не означало изменения всего курса внешней политики Венгрии. Прага и Париж желали втянуть Венгрию в Дунайскую конфедерацию. Немецкие дипломаты отмечали и осложнения в отношениях Венгрии с Италией из-за сближения Италии с Францией, но, несмотря на это, в экономическом отношении Венгрия продолжала политику опоры на Италию и Австрию. В документах обращалось внимание и на расчеты Венгрии разместить продукцию сельского хозяйства в Германии. "В последнее время Венгрия совсем клонится в сторону Германии", отмечалось в одном из отчетов⁸⁶.

В 1932 г. обращалось внимание на то, что план графа Бетлена улучшить экономическое положение, опираясь на связи с Италией и Австрией, а затем и Германией, не был осуществлен. Д. Каройи и Л. Валко в этой ситуации, в связи с планом Тардье, вновь стали ориентироваться на Францию. В то же время была образована итало-венгерская смешанная комиссия и подписано экономическое соглашение с Австрией. Была выдвинута идея тройственного соглашения (Австрия, Венгрия и Италия).

С приходом к власти Д. Гёмбёша, констатировали на Вильгельмштрассе, улучшились отношения с Германией, Венгрия через союз с Италией и Австрией переориентировалась на нее и начала отход от профранцузской ориентации. К тому же Д. Гёмбёш открыто выступил за ревизию Трианонского договора, на пути которой стояла Франция. Из стран Малой Антанты главным противником считалась Чехословакия⁸⁷.

В такой ситуации в начале 1933 г. Гёмбёш, сохраняя хорошие отношения с Италией и продолжая линию И. Бетлена, на основе сложившейся у него на протяжении предыдущего де-

сятилетия концепции спешил приветствовать приход к власти в Германии нацистов⁸⁸.

Почти одним из первых внешнеполитических его актов было указание венгерскому посланнику в Берлине Калману Кане как можно скорее нанести канцлеру Гитлеру визит вежливости и от его, Гёмбёша, имени передать ему поздравления и пожелания счастья. Он просил напомнить, что они уже 10 лет тому назад установили контакт через Шойбнер-Рихтера (одного из основателей нацистской партии) и поддерживали его на основе общности принципов и мировоззрения. Венгерский премьер просил передать новому канцлеру Германии: он убежден, что двум странам во внешнеполитической и экономической областях нужно идти вместе, и высказал свою особую чувствительность в том, что Германия еще не настолько открыта для венгерского сельского хозяйства, как хотелось бы, и выразил надежду на скорое урегулирование взаимных торговых поставок⁸⁹.

Гитлер ответил в таком же дружеском тоне. Как сообщал К. Каня, главной целью во внешней политике фюрер обозначил создание прочной основы и тесной итало-германской дружбы. На это он будет всегда делать главный упор, и в связи с этим он уверен: венгерско-немецкие отношения будут становиться все более дружественными и задушевными⁹⁰.

В феврале 1933 г. многие европейские газеты занимал вопрос о возможном союзе Венгрии, Италии и Германии⁹¹. Они реагировали на заявление главы комиссии по иностранным делам французского парламента Э. Эррио⁹², который сказал, что, хотя на бумаге договор и не подписан, он представляет опасность для Европы⁹³. В газетах писали и о том, что Италия поставит Венгрии десятки самолетов. Появились в прессе сообщения и о якобы тайно подписанном соглашении о тройственном альянсе. Уже 14 февраля в венгерских газетах сообщалось: даже французский посланник в Риме заявил журналистам, что он установил беспочвенность таких слухов и сожалеет об их распространении, ибо заинтересован в сохранении хороших отношений между Францией и Италией⁹⁴. Этот вопрос продолжал обсуждаться на страницах ряда газет в

течение февраля⁹⁵ и, естественно, в венгерской прессе. Нашел он отражение и в дипломатических документах.

В первой половине февраля 1933 г. венгерский посланник в Риме А. Хори в беседе с Б. Муссолини об итало-французских отношениях обратил внимание на заявление Эррио и о поднятом в Париже, в парламентской комиссии по иностранным делам, вопроса о якобы осуществленном венгерско-немецко-итальянском союзе, на что итальянский премьер-министр ответил: “Сегодня рановато говорить о союзе. Мы еще не подготовлены в военном отношении. Италия нуждается в развитии, особенно в авиации. Союзы, о которых сейчас распространяют слухи, только через два года станут актуальными”⁹⁶

Во время поездки И. Бетлена в Берлин, Гамбург, Франкфурт и Мюнхен с докладами по проблемам внешней политики Венгрии он имел беседы с государственными деятелями: министром иностранных дел Нейратом и военным министром Вернером Бломбергом. Встречался Бетлен и с А. Гитлером.

С 4 февраля 1933 г. министром иностранных дел Венгрии стал посланник в Берлине Калман Каня. В первые месяцы его деятельность носила на себе отпечаток прошлого — выработанной в МИД концепции сохранения свободных рук. Тогда еще внешнеполитическое ведомство продолжало обращать свои взоры на Париж.

После прихода к власти Д. Гёмбёша одним из его основных тезисов для печати был следующий: “Мирная ревизия мирных договоров”⁹⁷. В интервью он заявлял: “Мы и официально представляем позицию мирной ревизии”⁹⁸. Премьер разъяснял, что, когда говорят о “воскресении”, то понимают “мирную ревизию”⁹⁹. В новогоднем интервью премьер-министр говорил о “мирных внешнеполитических устремлениях”. Еще в январе 1933 г. Д. Гёмбёш заявлял французским журналистам, что он за сотрудничество со странами Центральной и Восточной Европы, за углубление отношений с Францией, за развитие дружбы с Францией¹⁰⁰.

В это время венгерские правители, наблюдая за флиртом Италии с Францией, опасались, что в результате Муссолини может отказаться от поддержки венгерских территориальных

претензий к их соседям. Новое правительство предприняло все возможное, даже добилось помещения во французской печати заявления о признательности венгерского правительства Франции за экономическую помощь, о симпатиях венгерского народа к французскому, которые “никогда не угасали”.

Под впечатлением первой встречи Д. Гёмбёша с французским посланником в Будапеште Луисом де Винном представитель Франции полагал, что в Будапеште всеобщим является мнение, согласно которому, Франции достаточно сказать одно слово — и Трианон будет упразднен¹⁰¹.

Как в Париже, так и в Риме внимательно следили за внешнеполитическими заявлениями новых венгерских государственных деятелей. Членов парламентской комиссии по внешнеполитическим делам Д. Гёмбёш проинформировал еще в начале февраля, но, поскольку заседание было закрытым, из опубликованного в печати можно было вычитать только о самом факте этого заседания¹⁰². В конце февраля премьер-министр Д. Гёмбёш и министр иностранных дел К. Кания выступили с изложением внешней политики в палате представителей Государственного собрания. В итальянских газетах отметили подчеркнутую благодарность венгерских деятелей за оказанную Италией политическую и экономическую помощь¹⁰³. В отношении ревизионистских притязаний Венгрии итальянские газеты писали, что государствам, продиктовавшим мирные договоры, нужно увидеть вопиющие несправедливости, допущенные в отношении Венгрии. Гёмбёш в своем выступлении отметил, что его поездка в Рим не преследовала цели заключения военного или аналогичного ему союза, он намеревался добиться расширения экономического сотрудничества на основе существовавшего договора о дружбе¹⁰⁴.

С французской стороны уже тогда по мелким штрихам видели намечавшиеся перемены во внешней политике Венгрии. Особенно отрицательные эмоции у французского посланника де Винна вызвала информация К. Кани, данная им 30 марта в комиссии по иностранным делам верхней палаты Государственного собрания. В связи с этим выступлением де Винн посетил К. Канию на следующий день и упрекнул министра за од-

носторонность и тенденциозность его доклада, выразил несогласие с его утверждением о наличии только одного, профранцузского союза в Европе и заявлением о возможности превентивной войны этой группировки против безоружных народов¹⁰⁵. В ответ К. Каня подчеркнул, что если Венгрию обвиняют в ревизионистском союзе с Италией и Германией, которого нет в природе, то и он имеет право говорить об антивенгерском союзе, существующем на деле и основанном на военной конвенции. По поводу превентивной войны он ссылаясь на сообщение во французской печати и на то, что такую войну считал нужной еще Леон Блюм¹⁰⁶.

Ухудшившиеся венгерско-французские отношения к началу мая начали вновь улучшаться. До некоторой степени это было связано с пактом четырех (Италия, Франция, Англия и Германия), как казалось тогда, успешно создававшимся по инициативе Италии и имевшим антисоветскую направленность.

После встречи с А. Гитлером К. Каня сделал вывод, что его внешнеполитическая линия идет в унисон с венгерской. Он вернулся к задумке И. Бетлена, согласно которой сближение между Римом и Берлином, т. е. столицами двух стран, на которые базировала свою внешнюю политику Венгрия, не шло из-за Австрии. Поэтому К. Каня и предпринял конкретные шаги: 20 февраля он дал указание венгерскому посланнику в Австрии Ене Нелки установить контакт с одним из руководителей хаймвера — майором Пабстом и выяснить его связи с правыми течениями (“стальными шлемами” и нацистами)¹⁰⁷.

Ответ Ене Нелки о беседе с Пабстом для Кани не мог быть утешительным, хотя тот и сообщал о налаживавшемся сотрудничестве хаймвера со сторонниками “Стального шлема” для противоборства... с австрийскими нацистами. Пабст, наоборот, полагал, что при помощи венгерской стороны, хотя бы временно, пока Гитлер не упрочил своих позиций в Германии, он смог бы поддержать и правительство Дольфуса, и хаймвер. Пабст высказал сомнение относительно возможности членов хаймвера удержаться у власти, если при благоприятных обстоятельствах Штаремберг сможет захватить ее. Ибо,

как он отмечал, будет отсутствовать нужное для окончательного успеха общее настроение, поскольку “деньгами нельзя восполнить голос народа”¹⁰⁸.

К. Каня пытался выполнить рекомендацию Пабста и обратился с письмом, конечно, не на Вильгельмштрассе, а к своему старому знакомому по Берлину, консерватору, вице-канцлеру в коалиционном правительстве Гитлера Францу фон Папену, который на просьбу поддержать Дольфуса ответил, что “против личности австрийского канцлера у него нет возражений”. Он согласился с венгерским предложением о тесном германо-итало-венгерском сотрудничестве в австрийском вопросе¹⁰⁹. Но поскольку Папен делами не занимался, ему легко было давать обещания, в которые, правда, венгерский МИД не поверил, и совершенно обоснованно. По одному из вопросов Папен поддержал гитлеровскую позицию, а именно о целесообразности проведения выборов в Австрии в надежде, что таким путем существовавшее там правительство удастся сменить на новое, более удобное. Венгерское правительство придерживалось противоположной точки зрения: поддержать правительство Дольфуса без проведения выборов¹¹⁰. Венгерская сторона считала опасным для себя, если в случае падения правого правительства пришла бы к власти “черно-красная” коалиция, т. е. социал-демократы в союзе с нацистами. Д. Гёмбёш просил Гитлера, чтобы тот дал указание руководству национал-социалистов Австрии не сотрудничать с социал-демократами в целях провала Дольфуса, а, наоборот, поддерживать его и тем самым обеспечить сохранение правого направления в Австрии, “возможность политической эволюции не в сторону красных, а в обратном направлении”¹¹¹.

Гитлер не согласился с этим мнением, как в свое время и с позицией Муссолини по этому вопросу. Он не допускал возможности (под влиянием событий в Германии) коалиции христианских социалистов с социал-демократами в Австрии и выразил мнение, что и без его вмешательства в события они приведут к выборам¹¹².

Германский посол в Риме Ульрих Хассел сообщал из столицы Италии в Берлин о беседе с К. Каней 15 марта. Он утвер-

ждал, что Муссолини восторгался победой Гитлера и выразил надежду на доброе сотрудничество с ним. К. Каня убеждал фюрера в неактуальности аншлюса в то время, на что дуче реагировал спокойно: главное путем сотрудничества христианских социалистов, хаймвера и национал-социалистов “разгромить марксизм в Австрии”. В качестве последующей задачи Муссолини выдвигал “незаметное, но тесное сотрудничество” в Дунайском бассейне Италии, Германии, Австрии и Венгрии¹¹³.

20 марта Д. Гёмбёш дал указание находившемуся в Риме министру иностранных дел Венгрии К. Кане сообщить Б. Муссолини мнение венгерского премьера о внутривластическом положении в Австрии, что выборы там нежелательны как с венгерской, так и с итальянской точки зрения, ибо они привели бы к падению Дольфуса и Штаремберга. “Между прочим, Дольфус принял мою точку зрения, — писал Д. Гёмбёш. — Выборы закончились бы решающей победой нацистов, ландбунда и великогерманцев, что было бы равнозначно аншлюсу. Этим и объясняется позиция Гитлера в пользу выборов”. Он просил К. Канию оказать влияние на Б. Муссолини, чтобы тот поддержал Дольфуса и Штаремберга в обход выборов. Это была реакция венгерского премьера и на колебания дуче, которые он высказал накануне К. Кане. На этот раз Муссолини, как и всегда в беседах с глазу на глаз, разделил точку зрения венгерских руководителей и обещал немедленно дать указание своему посланнику в Вене вести дела именно в таком духе, т. е. поддерживать Дольфуса и Штаремберга¹¹⁴.

Однако вскоре в МИД Венгрии пришло донесение временного поверенного в делах Венгрии в Германии Яноша Ветгштейна, согласно которому 29 марта его вызвал к себе Герхард Кепке, заведующий отделом германского МИД, и сообщил, что Папен письмо Гёмбёша в защиту Дольфуса передал министру иностранных дел барону Нейрату, а тот лично доложил А. Гитлеру. Последний повторил ранее сказанное, что внутривластическое положение Австрии нельзя упорядочить при канцлере Дольфусе, ибо тамошней национал-социалистской партии обязательно нужно получить в прави-

тельстве принадлежащее ей место; не позже осени следует провести выборы. После этого, по мнению Гитлера, национал-социалисты с другими партиями национального направления образуют правительство. Личность Дольфуса, который допустил очень большие ошибки, фюрер считал совершенно неприемлемой.

Аналогичные указания получил и германский посол в Риме. Фюрер не хотел отрицательно отвечать на личное послание Д. Гёмбёша и попросил Кепке передать ответ главе венгерского правительства. Гитлер сообщил, что цели ходатайств Италии и Венгрии совершенно понятны и направлены против аншлюса. Он передал, что аншлюс Германия не считает актуальным и ничего не предпринимает в его пользу, хотя и борется против преждевременного по нему решения¹¹⁵.

Венгерские и итальянские правители в то время поддерживали Дольфуса еще и потому, что тот принял решительные меры и потеснил левые силы в стране. Гёмбёша не особенно тревожила позиция Гитлера, ведь в конце концов интересы их совпадали, сближение происходило прежде всего на основе рваншистских устремлений. Он желал упрочить это сближение прежде всего на экономической основе. 22 апреля 1933 г. Д. Гёмбёш направил письмо канцлеру Гитлеру, в котором предлагал быстрее упорядочение отношений между Венгрией и Германией, главным образом в экономической области. Чтобы задобрить фюрера, венгерский “везер” (фюрер, вождь) якобы мимоходом заметил, что он уже наказал “ту еврейско-расистскую газету”, которая нападала на Гитлера и Германию: “Этим я хотел засвидетельствовать, что я на вашей стороне, Ваше Превосходительство, не только с точки зрения мировоззренческой, принципов, но и по соображениям реальной политики”. Он просил помочь упрочить в Венгрии его политическую линию путем закупки венгерской сельскохозяйственной продукции¹¹⁶.

В ответе фюрера сообщалось об обоюдных дружеских чувствах и выражалось пожелание углубить существующее идейное взаимопонимание двух правительств до настоящего политического взаимосогласия. Если же экономические отно-

шения этому мешают, то будут найдены пути и средства их решения. Причем в связи с поставками сельскохозяйственной продукции в качестве решающих будут приняты во внимание политические соображения и будет найдено удовлетворительное решение для обеих стран¹¹⁷.

Вопросы венгерско-германских отношений широко обсуждались в печати различных политических направлений. Так, газета "Мадяршаг" утверждала, что евреи, чехи и румыны ложными слухами стремятся отравить венгерско-немецкие отношения. Гитлеровская газета "Фелкишер беобахтер" подключилась к этой кампании. В ней подчеркивалось, что Франция очень печется о независимости Австрии. Говоря о Венгрии, газеты этого политического направления подчеркивали, что еврейская печать настроила население против аншлюса. Правда, и в других слоях общества опасались аншлюса, прежде всего среди либеральной буржуазии и легитимистов¹¹⁸.

Венгерское же правительство в этом вопросе стремилось занять нейтральную позицию. Но, поскольку данный вопрос занимал не только венгерскую, но и германскую печать, дипломаты не могли обходить его молчанием.

9 мая германский посланник в Венгрии Ханс Шоен доносил в свое внешнеполитическое ведомство, что в Венгрии легитимисты (даже по официальному венгерскому мнению) высказываются против аншлюса, что можно объяснить французским влиянием, а в других случаях это делает социал-демократическая и еврейско-демократическая печать, поддерживающая связи с Прагой, настраивая в определенном направлении общественное мнение. Он отмечал, что недавно и югославский посланник в Будапеште предпринял попытку настроить Венгрию против Германии из-за аншлюса под предлогом пангерманской угрозы. Он сообщал об информации, полученной от К. Кани, которого посетил посланник Йован Дучич (в документе Дудич) и который после лирического вступления предложил Венгрии заключить оборонительный союз с Италией и Югославией против опасности, которая угрожает всем трем государствам в случае аншлюса. К. Кани просит немецкого

посланника передать это сообщение германскому правительству¹¹⁹.

В это время в Германии почти во всех центральных и местных газетах обрушились против тех сил в Венгрии, которые не желали восхвалять германский национал-социализм¹²⁰. В "Фелкишер беобахтер" 15 мая была опубликована статья "Венгрия и германская революция" с нападками на тех, кто не поддержал режим нацистов. В ней утверждалось, что печать в Венгрии на 90% якобы находится в руках евреев, а венгерский народ "еврейский раб в собственной стране"¹²¹.

Венгерский министр иностранных дел провел некоторые перестановки в дипломатическом корпусе. Временного поверенного в делах в Берлине Яноша Ветштейна, работавшего там долгие годы, перевели посланником в Прагу, а посланником в Берлин был назначен Силард Маширевич, старый дипломат, начавший свою карьеру еще в 1911 г. в общем министерстве иностранных дел Австро-Венгрии, с 1920 г. он был поверенным в делах Венгрии в Австрии, с 1921 г. стал там посланником, затем с 1925 г. в той же должности работал в Праге, а в мае 1933 г. переведен посланником в Берлин, где служил три года. В немецкой печати его называли Константином¹²².

Ведя подготовку к установлению более тесных связей с Германией, Д. Гёмбёш поднял в печати кампанию против легитимистов и королевского вопроса. Для начала в беседе с корреспондентом газеты "Берлинер берзенцайтунг" Гёмбёш заявил, что Венгрия и Германия в известной мере связаны единой судьбой¹²³, что дружественные отношения двух стран "всегда были ведущей идеей венгерской внешней политики"¹²⁴. Одновременно подбрасывалась идея целей этой дружбы реваншизм. Отвечая Бенешу и Титулеску, Гёмбёш подчеркивал, что условия мирного труда в Дунайском бассейне может создать лишь мирная ревизия¹²⁵; предпосылкой мира должно быть устранение несправедливостей, "на которых построена современная Европа"¹²⁶. Одновременно премьер выступал против своих возможных конкурентов в деле сотрудничества с германскими нацистами. В тот период в Венгрии создавался целый ряд национал-социалистских движений. Гёмбёш обратился к Золта-

ну Мешко, организатору одного из таких течений, и предложил ему не ссылаться постоянно на фюрера, который не является гражданином Венгрии¹²⁷. Спустя неделю в Сексарде он высказал убеждение, что новая Германия “поймет пожелания Венгрии” и будет покупать у нее продукцию¹²⁸.

Эта политика вызвала бурную реакцию противников аншлюса в Австрии и Венгрии. В последней печатались статьи, заявления политических деятелей и публицистов о нужности венгерско-австрийского сближения; в парламенте раздавались голоса, причем не только Антала Шиграи и Тураи, но и других, с требованием поиска приемлемых экономических и политических отношений с Австрией. В венгерском буржуазно-демократическом еженедельнике “А реттел” были опубликованы интервью австрийских государственных и политических деятелей, в том числе канцлера Дольфуса, министра юстиции и просвещения Шушнига, о необходимости тесной экономической и политической кооперации Венгрии и Австрии. Они вызвали большой интерес еще и потому, что публикация их состоялась после вытеснения руководителя хайвера из правительства¹²⁹. В том же венгерском еженедельнике 12 июня была помещена статья главного редактора Миклоша Лазара “Австрия — Венгрия”. Еженедельник был буржуазно-демократической направленности. В ней отмечалось, что четыре месяца нас потрясала волна ревизии. Двойственная линия И. Бетлена — ориентация на Италию и Германию, по утверждению автора, лопнула.

Четыре месяца назад, утверждал он, Венгрия приближалась к цели внешней политики Бетлена: опираясь на Италию и Германию, при помощи симпатии Великобритании, повернув французское общественное мнение к лучшему отношению, Венгрия, казалось, достигнет своих целей мирными средствами и мирным трудом.

Теперь все изменилось. “Герой нашего времени Муссолини заинтересован в сохранении Австрии, и в этой воле он един с Францией”. Он выражал надежду, что германский империализм не проникнет в Дунайский бассейн¹³⁰.

В такой ситуации в стране Д. Гёмбёш решил на поездку к Гитлеру. С венгерской стороны визит был задуман как частный, причем инкогнито, с расчетом, что общество будет информировано о нем только после возвращения. Встреча намечалась в районе Мюнхена. Путь вел через Австрию, и посланника в Вене министр иностранных дел К. Каня проинформировал вечером 16 июля. Он сообщал, что идея встречи родилась в Будапеште во время пребывания там в конце мая Вернера Дайца, специалиста нацистской партии по экономическим вопросам Юго-Восточной Европы. Встреча намечалась на 17 июля¹³¹. Как сообщал из Будапешта в Варшаву польский посланник Станислав Лепковский, 17 июля в полдень по всей столице Венгрии разнеслась весть, что Гёмбёш в Берлине. Это подтвердили ему и заместитель министра иностранных дел Венгрии Ш. Куэн-Хедервари, причем доверительно сообщил, что и он, и министр узнали об этом только час тому назад, когда позвонил премьер-министр из Берлина. Ибо, согласно программе, 16 июля он тайно покинул Будапешт, а на следующий день должен был встретиться с Гитлером в горной резиденции в Баварии. Когда поездом Гёмбёш прибыл в Мюнхен, его там ждали посланцы Гитлера во главе с начальником сектора иностранных дел гитлеровской партии Дайцем и сообщили, что фюрер не смог покинуть столицу, и на личном аэроплане канцлера доставили его в Берлин¹³².

Дюла Гёмбёш покинул Будапешт в сопровождении Андраша Мечера, бывшего офицера из хортистских белых отрядов, который с сентября 1919 г. был военным атташе в Берлине, а с 1931 г. депутатом парламента от правящей партии. Со времен учебы в Мюнхене он находился в хороших отношениях с руководством национал-социалистической партии Германии. Об отъезде не было оповещено ни немецкое, ни австрийское, ни итальянское посольства в Будапеште¹³³.

В телеграмме, которая была послана венгерскому посланнику в Вене, цель поездки первоначально обозначалась как "подвести новую основу под венгерско-германские отношения". Но затем, чтобы в Вене не вычитали из нее, что без согласования с Австрией Венгрия ищет новую внешнеполитичес-

кую ориентацию, К. Каня вставил словечко “экономические”, т. е. “основу под экономические отношения”¹³⁴.

Эта телеграмма была отправлена и в венгерское посольство в Берлине, хотя цель переговоров была указана в ней другая: “Переговоры по всем политическим вопросам, интересующим два государства, в том числе и германо-австрийской проблемы”¹³⁵. Затем и посланник в Италии был проинформирован также широко, как и посланник в Берлине. А венгерские представители в Лондоне и Париже, как и посланник в Вене, получили информацию лишь в урезанном виде. 17 июля, как только МИД Венгрии узнал, что Гёмбёш будет вести переговоры с Гитлером в Берлине, он немедленно оповестил об этом своих посланников в Вене, Париж, Лондоне и Риме, причем последнему сообщалось и то, что в тот день произойдет беседа с Гитлером, а вечером с лидерами нацистской партии.

Поскольку на первом месте стояли экономические вопросы, то следует отметить, что Д. Гёмбёш действительно стремился заручиться обещанием Гитлера по проблемам закупок зерна и получить большие льготы по сравнению с Югославией и Румынией, которые сбывали излишки зерна в Германии. Фюрер не согласился в итоге с предложениями венгерского премьера, пытавшегося отстранить своих конкурентов с немецкого рынка, учитывая, что рейхсканцлера не покидала мысль перетянуть от Франции на свою сторону и эти страны. Д. Гёмбёш остался до некоторой степени разочарованным, он полагал, что льготы на экспорт в Германию сельскохозяйственных продуктов он и его сторонники заслужили своей верностью идеологическому и политическому курсу гитлеровского режима¹³⁶.

Самым трудным на переговорах между Гитлером и Гёмбёшем был австрийский вопрос. Он был тесно связан с венгерско-итальянскими отношениями. В первые годы нахождения у власти Гитлера австрийский вопрос был камнем преткновения и в итало-германских отношениях. Италия пыталась сохранить свое влияние в Центральной Европе и не допустить проникновения Германии на Балканы. Она продолжала отстаивать идею необходимости сохранения самостоятель-

ности Австрии. Германия же, как отмечалось выше, стремилась к хорошим отношениям с Италией, но позиция ее в австрийском вопросе стояла на пути гитлеровцев к овладению “юго-восточным жизненным пространством”. Как И. Бетлен, так и Д. Гёмбёш стремились примирить Италию и Германию, пытались посредничать между ними, прежде всего преследуя цель приобретения внешней поддержки для достижения основной внешнеполитической задачи ревизии мирных договоров и восстановления страны в довоенных границах.

Именно во время этой встречи Д. Гёмбёш подобрал Гитлеру идею, что если территория Австрии после аншлюса не будет закрыта от венгерских сельскохозяйственных продуктов, то Венгрия, которая до того занимала нейтралитет в этом вопросе, не станет возражать против захвата Австрии гитлеровской Германией. Правда, тогда Гитлер еще разъяснял своему собеседнику, что Германия якобы не стремится к аншлюсу, а только желает, чтобы в Австрии было образовано с участием австрийских национал-социалистов такое правительство, которое гарантировало бы абсолютную дружбу этой страны с Германией¹³⁷.

В ходе переговоров, когда обсуждался вопрос об итало-венгерско-германском сотрудничестве, создавалось впечатление, что Гитлер согласен на коалиционное правительство в Австрии с участием правых партий в целях оттеснения социал-демократов (даже при сохранении в нем Дольфуса). Но и это оказалось только тактическим шагом со стороны Гитлера.

Обсуждался и один из основных для Венгрии во всей ее внешней политике вопрос восстановления “Великой Венгрии”. И тут премьер-министр не мог не призадуматься, а может быть, и разочароваться. Если он и получал со стороны фюрера обещание поддержки претензий в отношении Чехословакии, то не склонен был поддерживать венгерские территориальные претензии к Румынии и Югославии, предложив отложить рассмотрение проблемы этих двух стран¹³⁸. Гёмбёш, с одной стороны, мог видеть в этом и нереальность всей политики ревизии Трианона, а с другой — мог надеяться на изменение в позиции германского канцлера. Ведь и Муссолини в свое вре-

мя в 1927 г. рекомендовал И. Бетлену первоначально сосредоточить все усилия на Чехословакии, т. е. как первый шаг к осуществлению всех замыслов хортистов.

Что касается методов достижения цели, то в беседе с Гитлером, в отличие от публичных заверений “о мирной ревизии”, Гёмбёш заявил, что он не считает возможным достижение результатов в международных делах мирным путем и единственным средством в этом видит войну. Он высказал уверенность, что если Германия и Венгрия выступят совместно, то Чехословакия будет расчленена, т. е. цель в отношении этого государства будет достигнута¹³⁹.

Еще одним вопросом, который интересовал Гёмбёша, было положение немецкого меньшинства в Венгрии и отношение к нему гитлеровской Германии, а точнее, ведомства А. Розенберга. Венгерский премьер-министр добивался признания этого вопроса внутренним делом Венгрии. Однако по этому вопросу Гитлер, исходя из тактических соображений, отмалчивался.

Июльская встреча Гитлера и Гёмбёша явилась в известной мере поворотным пунктом во внешней политике Венгрии. Выявилась готовность осуществлять нерешенные вопросы военным путем. Венгерский представитель увидел в Германии реальную военную силу и получил заверения о поддержке. Достигнута была принципиальная договоренность о предстоящем расчленении Чехословакии и принесение с венгерской стороны в жертву Австрии.

Как только закончились переговоры, Д. Гёмбёш дал интервью журналистам. Он умилился положением дел в Германии, предупредительностью Гитлера, который предоставил ему личный самолет для перелета из Мюнхена в Берлин. Естественно, он не назвал вопросы, которые обсуждались. Для общественности выделил только один — договориться о размещении на германском рынке венгерской сельскохозяйственной продукции, в частности об экспорте в Германию венгерских “хрустящих черешен”.

Конечно, никто не верил в эту версию, в печати на этот счет появились карикатуры. Не верил в это никто не только в

Венгрии, но и за рубежом. Недоверие и смятение общественности возрастали по мере того, как постепенно становилось известно о том, что в Германии принимали Гёмбёша как частное лицо и по линии национал-социалистской партии.

Гёмбёш намеревался до поры до времени скрывать свою поездку в Берлин. Но это не было в интересах Германии, которая с момента прихода Гитлера и власти находилась в полной внешнеполитической изоляции. Д. Гёмбёш оказался первым иностранным главой правительства, который нанес визит Гитлеру. Именно поэтому гитлеровская Германия в отличие от Гёмбёша не собиралась скрывать факт пребывания премьер-министра Венгрии в Берлине. Уже 19 июля в гитлеровском офицозе “Фелкишер беобахтер” была помещена статья и фотография Гёмбёша на смотре штурмовиков в Эрфурте. В тот же день в другой газете было опубликовано коммюнике нацистской партии под заглавием “Значение визита Гёмбёша”¹⁴⁰. Это не могло понравиться венгерскому премьеру, и он просил опубликовать другое коммюнике. Гёмбёш в тот день возвратился в Будапешт и вынужден был тогда же давать объяснения в парламенте. На следующий день о поездке Гёмбёша писали “Берлинер тагеблатт”, “Манчестер гардиан” (две статьи), “Дейли гералд” и др. В упомянутом коммюнике говорилось о “начале полного преобразования Юго-Восточной части Европы, и, как показывает визит Гёмбёша, все это не оставит неза тронутым и положение, складывающееся в Австрии”¹⁴¹.

Факты свидетельствуют о том, насколько был прав канцлер Австрии, когда заявлял, что визит Гёмбёша в Берлин был “ударом, нанесенным ему в спину”. Как отмечал 21 июля в своем донесении в Берлин германский посланник из Будапешта, Гёмбёш визитом в Берлин связал свою страну с политической и экономической ориентацией на Германию, в австрийском вопросе он также стал на позицию Германии. Гёмбёш обещал немецкому посланнику заявить канцлеру Дольфусу, что Венгрии не безразлично, если в Австрии будет расти влияние Франции. Германский посланник писал, что в Будапеште легитимисты упрекают Гёмбёша за поездку в Германию, что ослабило, по их мнению, позиции Дольфуса. Обвиняли пре-

мьера и за то, что он, возвращаясь из Германии, в Вене не встретился с австрийским канцлером. Премьер парировал: “Если я возвращаюсь от друга, то не могу повернуться к нему спиной для того, чтобы пожать руку его противнику”¹⁴². Это записано в донесении Шоена.

После выступления в парламенте¹⁴³ Гёмбёш принимал некоторых иностранных посланников и пытался разъяснить им свою позицию, причины поездки. Так, Хансу Шоену он говорил, что поездку именно в то время он предпринял из-за усилившихся антивенгерских настроений в Малой Антанте. Кроме того, была боязнь, что правительство Дольфуса может вступить в более тесные отношения с Францией и Чехословакией¹⁴⁴. Рассказывая о своих впечатлениях от Гитлера, он заявил, что возвратился домой убежденным, что национал-социалистский режим это “непреходящее явление, базирующееся на прочной и долгосрочной основе”. Последнее он повторял в те дни часто: в парламенте, в частных беседах, не забывая о той исторической роли, которую в интересах Европы сыграл имперский канцлер, разгромивший коммунизм. Говорил премьер об этом и польскому посланнику в Венгрии. Тот в своем донесении в Варшаву отметил, что Гёмбёш пришел к выводу: гитлеровский “режим удержится, ибо немецкий народ нуждается в большой встряске после 14-летнего маразма”¹⁴⁵.

Правда, венгерский историк Эндре Ковач, использовавший это донесение, почему-то утверждает, что у Д. Гёмбёша якобы было мнение: гитлеровский режим не способен удержаться¹⁴⁶.

28 июля Гёмбёш говорил Лепковскому, что целью его поездки являлось узнать Гитлера, его планы, обсудить дела Австрии и получить хозяйственные концессии. В беседе с этим посланником премьер не был откровенным до конца, когда заявлял, что Венгрия не отказывается от сближения с придунайскими странами. Но те, в свою очередь, должны признать равноправие на вооружение и в конечном счете ревизию Трианонских границ на этнической основе. Тут Гёмбёш добавил, что, “видимо, только общая польско-венгерская граница могла бы обеспечить Венгрии независимость в транспортном от-

ношении” и дала бы возможность опираться на государство, с которым “его все объединяет и ничто не разделяет”¹⁴⁷.

Поездка Гёмбёша в Берлин, как отмечал Шоен в МИД Германии, была подвергнута критике ораторами от демократической партии и легитимистами (речь шла об интерpellации Э. Байчи-Жилинского, выступлениях К. Рапшаи и Д. Паллавичини)¹⁴⁸.

Посланник писал и об откликах в венгерской печати о поездке Гёмбёша в Берлин, причем “очень критически высказывалась либерально-еврейская печать (иного и нельзя было ожидать), она, в частности, подчеркивала, что противоречащее интересам Венгрии сближение с Германией происходит в такое время, когда та полностью изолирована”¹⁴⁹. Резко высказывалась социал-демократическая газета “Непсава” и буржуазно-либеральные газеты “Ешгги курир”, “Аз уйшаг” и “Мадяр хирлап”¹⁵⁰. Заслуживает внимания и пассаж германского посла в Риме Ульриха Хассела в его донесении в МИД Германии от 30 июля. Говоря о визите Гёмбёша в Берлин и о реакции на него в Италии, он подчеркивал, что в итальянских правящих кругах нет беспокойства по поводу того, что Германия и Венгрия обсудили между собой экономические проблемы и немецко-австрийский вопрос, внутреннее положение двух стран. Тем более что Гёмбёш в верхней палате парламента заявил, что “дружба с Италией является ключевой позицией венгерской внешней политики”¹⁵¹.

Еще не утихли страсти вокруг поездки Гёмбёша в Берлин, как в зарубежной, в частности английской, печати появились статьи о планах объединения Венгрии и Австрии¹⁵². В них, как и в большинстве газет Венгрии, была дана перепечатка из “Эко де Пари” о том, что министр иностранных дел Франции Поль Бонкур разработал новый план в отношении Центральной Европы. Этот план предусматривал объединение Австрии и Венгрии, что должно было воспрепятствовать присоединению Австрии к Германии. Если это не произойдет, то вслед за Австрией потихоньку Германия проглотит и Венгрию. Поэтому необходимо выбирать меньшее зло. Ибо, по замыслу Бонкура, австро-венгерскую унию позднее, согласно планам Гар-

дье, можно было бы включить в экономический союз всех дунайских государств. Одна из венгерских газет писала, что Малая Антанта “всеми средствами” попытается помешать осуществлению этого плана¹⁵³.

По мнению английской газеты “Таймс”, итальянское правительство поставило перед французским послом в Риме вопрос об объединении Австрии и Венгрии. Франция не уклоняется от ведения таких переговоров. По мнению “Дейли телеграф”, английское правительство спокойно наблюдало за развитием событий, в то время как на континенте нервничали. 21 июля в Париж вылетел министр иностранных дел Югославии Евтич, туда через три дня направился и Бенеш. Малая Антанта считала, что Франция поддерживает дунайскую политику Италии, которая хочет предвосхитить немецко-австрийское объединение венгерско-австрийским объединением под властью Габсбургов.

Но Малая Антанта скорее согласилась бы с немецко-австрийским объединением, чем с воссозданием в урезанном виде бывшей двуединой монархии. Если последнее произойдет, Малая Антанта вынуждена будет вести мобилизацию. В Берлине считали это комбинацией, направленной против аншлюса.

Если Евтич и Бенеш отправились в Париж, то Титулеску поехал в Лондон. Чехословацкое телеграфное агентство сообщило о полученном из Парижа заверении, что Франция никогда не пойдет на такие комбинации, которые могли бы привести к распаду Малой Антанты. В ряде газет, в том числе и “Дейли геральд”, эти сообщения считали плодом воображения¹⁵⁴. Некоторые газеты обращали внимание на то, что Д. Гёмбёш в последнее время высказывался против такого плана. Одни газеты посвящали этому вопросу целые полосы, другие лишь краткие опровержения¹⁵⁵.

24 июля в газетах появились сообщения о том, что Муссолини не предлагал великим державам проект объединения Австрии с Венгрией и публикации с опровержением Венгерского телеграфного агентства по поводу статей в стране и за

рубежом о реставрации австро-венгерской монархии. Сообщение подобного рода “лишены всякого основания”¹⁵⁶.

Еще несколько дней эта проблема не сходила со страниц мировой печати, а в конце месяца много писалось о планах Дунайской федерации.

Что же происходило на самом деле? По свидетельству дипломатических документов, венгерскому правительству не удалось выяснить, что именно говорил Муссолини французскому послу, поскольку, согласно заявлению статс-секретаря итальянского МИД, дуче забыл сделать запись об этой беседе. В венгерских документах сообщалось, что Муссолини тогда поднял вопрос о реставрации власти Габсбургов, а также о плане австро-венгерской унии¹⁵⁷.

По заданию венгерского МИД посланник в Риме А. Хори беседовал с статс-секретарем итальянского МИД Сувичем. Тот подтвердил факт встречи и сообщил: Муссолини разъяснял французскому послу, что Австрия и Венгрия никогда не присоединятся ни в каком виде к дунайской конфедерации, ибо это означало бы окончательно сдать свои позиции Малой Антанте. Дуче выразил мнение, что указанные две страны нужно сделать жизнеспособными независимо от Малой Антанты. Одновременно Муссолини просил, чтобы Франция не создавала трудности в деле оказания помощи Австрии и Венгрии со стороны Италии, направленной на более тесное сотрудничество этих двух государств. Сувич добавил, что о реставрации и об унии речь не шла¹⁵⁸.

В связи с этим сообщением министр иностранных дел Венгрии К. Каня дал указание посланнику в Риме А. Хори передать в палаццо Киджи, что венгерское правительство приветствует инициативу Муссолини, но с подписанием политического соглашения намерено подождать, чтобы Венгрию не втянули в австро-немецкий спор, ведь Австрия могла бы использовать подобное соглашение в качестве оружия против Германии¹⁵⁹.

1 июля Хори ответил, что он имел беседу с статс-секретарем итальянского МИД: Муссолини намерен в ближайшее время предложить австрийскому и венгерскому правительст-

вам установить между собой более тесные отношения в целях экономического, а затем и политического сближения¹⁶⁰. Действительно, 8 июля от Муссолини были получены письма с таким предложением.

Муссолини писал Гёмбёшу, что если он правильно трактует письмо Гёмбёша от 24 июня, то поездка последнего в Рим, которая была совершена в целях заключения экономического соглашения, не отменяет намеченной линии, связанной с организацией Средней Европы. "Следовательно, в качестве исходного пункта... всего дальнейшего развития Дунайской Европы остается более тесное сотрудничество между Австрией и Венгрией", — заключал дуче.

Муссолини признавал, что канцлер Дольфус, о котором Гёмбёш прежде говорил с симпатией, оправдал ожидания и действительно проделал и продолжает делать большую работу, направленную на сохранение независимости Австрии.

Муссолини подчеркнул, что Италия против австро-венгерской унии и реставрации Габсбургов, в патронаже которых в последние дни его обвинили. Он высказался за сближение Италии, Венгрии и Австрии, считая нужным, чтобы правительства взяли на себя обязательства проводить общую политику¹⁶¹.

После получения ответов от Гёмбёша и Дольфуса Муссолини предложил встретиться и обсудить шаги практического осуществления этой программы.

Однако, учитывая нежелание Дольфуса прибыть в Будапешт, Гёмбёш отправился 9 июля в Вену. К этому времени в Венгрии в газете "Ешти курир" была опубликована статья Микши Фенье "Венгрия и Австрия". Автор утверждал, что в той упорной борьбе, которую ведет Франция при поддержке Италии против аншлюса, "мы подошли к решающему повороту". По его мнению, фактически два замысла противостояли друг другу; 1) идея более тесного таможенного союза дунайских государств с предоставлением друг другу преференций и с единой таможенной и торговой политикой в отношении третьих стран; 2) венгерско-австрийская концепция, базиро-

вавшаяся на объединении производительных сил двух стран, которая позднее могла бы перейти в таможенную унию.

Когда после провала соглашения Курциуса—Шобера Тардье выступил со своим планом, тот еще нес на себе отпечаток итало-малоантантовских противоречий и имел целью помешать аншлюсу, с одной стороны, ослабить антиитальянскую политику Малой Антанты — с другой.

Нельзя отрицать и того, что затея Муссолини о венгерско-австрийском единстве, опирающемся на Италию (проводником ее в Венгрии был прежде всего Бетлен), возникла в тот же период, только Муссолини “видел опасность европейскому миру” в Дунайской конфедерации, означавшей чехо-югославскую гегемонию.

С тех пор произошли большие перемены в европейской политике и, хотя напряженные отношения Италии с Малой Антантой не смягчились, а, наоборот, даже обострились, в результате сближения Франции и Италии дунайские проблемы предстали в совершенно ином свете.

Представитель либеральной буржуазии, глава всевенгерского союза фабрикантов и заводчиков, который всегда баллотировался, но никогда не был избран в парламент, М. Фенье полагал, что страх перед аншлюсом приведет к сближению Франции и Италии¹⁶². Он допускал венгерско-австрийское образование и даже сотрудничество его со странами Малой Антанты в том случае, если Франция поймет, что никаким иным способом не сможет воспрепятствовать аншлюсу¹⁶³. Этому плану большое внимание уделяли австрийские и германские газеты¹⁶⁴.

В те же дни, когда пресса оживленно обсуждала эту проблему, совершенно в другом направлении велись переговоры между главами правительств двух соседних государств. 10 июля начальник политического отдела МИД Венгрии Габор Апор зафиксировал со слов Гёмбёша ход переговоров с канцлером Дольфусом. Канцлер не скрывал своих опасений по поводу визита Гёмбёша в Берлин, но венгерскому премьеру легко удалось их развеять и восстановить доверительные отношения. Дольфус предложил восстановить и расширить обмен

секретными письмами (1931 г.) между Бетленом и Шобером и информировать друг друга о политических вопросах, а перед принятием решений осуществлять консультации. Д. Гёмбёш согласился с этим предложением, но потребовал от канцлера письменного подтверждения этому. Таким образом, он желал оформить согласие строить политические австро-венгерские отношения на трех принципах: 1) основу общей политики составляет дружба с Италией; 2) стремление поддерживать дружественные отношения с Германией; 3) борьба против Малой Антанты. Дольфус с этим согласился, только заметил, что последний принцип он желал бы сформулировать по-иному. На следующий день он заявил, что обещает не предпринимать ничего против интересов Венгрии, но от письменного подтверждения воздерживается¹⁶⁵. Затем дипломаты уточнили второй пункт: Австрия и Венгрия обязались сохранять полную независимость. Третий принцип после того, как притупили его острие, выглядел так: Дольфус "готов совместно с Венгрией бороться против гегемонистских устремлений Малой Антанты"¹⁶⁶. Позднее Гёмбёш дал согласие на то, чтобы договоренность по третьему пункту не упоминалась. Связано это было с тем, что венгерский премьер-министр считал предпринятые им меры и без того недостаточными, чтобы не допустить сближения Австрии с Францией и Малой Антантой.

11 июля венгерский МИД через посланника в Риме информировал итальянское правительство о соглашении по названным выше пунктам, а также об устном обязательстве венгерского и австрийского правительств ничего не предпринимать по вопросам, затрагивающим интересы двух стран, без предварительного согласования между ними¹⁶⁷.

Кроме того, К. Каня просил А. Хори передать германскому послу в Риме, что визит Гёмбёша в Вену проходил в духе прежде проводившейся политики. Венгерское правительство желает сохранять дружественные отношения как с Австрией, так и с Германией, что было доведено до сведения и Дольфуса. Он просил передать искреннее сожаление по поводу спора между Австрией и Германией, "но мы не хотим вмешиваться в него"¹⁶⁸.

В тот же день К. Каня поручил А. Хори сообщить итальянскому правительству, что поездка Гёмбёша в Вену “завершилась полным успехом”. Удалось окончательно развеять сомнения, возникшие в результате визита в Берлин. Между главами двух правительств было достигнуто устное консультативное соглашение в смысле договоренностей Бетлена и Шобера. Экономические отношения также полностью отвечали интересам обеих стран¹⁶⁹.

Как сообщал А. Хори из Рима, Муссолини заявил ему, что итальянское правительство никогда не будет способствовать австро-венгерской унии, как и реставрации Габсбургов¹⁷⁰.

27—28 июля состоялась встреча Муссолини, Сувица, с одной стороны, и Гёмбёша, Кани — с другой. Премьер-министр Италии заявил, что он “при любых обстоятельствах непоколебимо будет стоять на стороне венгерских территориальных претензий”. Он высказал удовлетворение тем, что сторонники Венгрии есть в Англии и даже во Франции. Франко-германские отношения дуче считал настолько плохими, что дальше некуда, и выразил готовность посредничать между ними. После подписания “пакта четырех” отношения между Италией и Францией улучшились, но оставалась проблема паритета флотов.

Муссолини выразил удовлетворение большим размахом гитлеровского движения, готов был прилагать усилия в направлении поддержания хороших отношений с Германией, что существенно облегчило бы решение австро-германского спора. Муссолини высказался о Дольфусе как о симпатичном, сильном и ловком человеке, который, правда, в последнее время совершил много ошибок. Он обещал предложить Вене и Берлину прекратить братоубийственный спор. Муссолини желал наладить венгерско-австро-итальянское сотрудничество и любым способом помешать осуществлению плана Дунайской федерации¹⁷¹.

Гёмбёш настаивал на необходимости сближения с Германией, чтобы вернуть себе ее рынок и упрочить союз в дипломатической борьбе против Чехословакии. Венгерский премьер

объявил себя сторонником тесного экономического сотрудничества с Италией и Австрией вплоть до таможенной унии, но сомневался в готовности к этому Дольфуса. Гёмбёш говорил о необходимости дружбы Венгрии как с Италией, так и с Германией¹⁷².

Муссолини предложил венгерской стороне текст секретного соглашения, а Гёмбёш, в свою очередь, обратил внимание на то, что к соглашению трех Италии, Австрии и Венгрии нужно будет “в дальнейшем привлечь в какой-то форме и Германию”¹⁷³.

Министр иностранных дел Венгрии Калман Каня, информируя своих посланников в Лондоне, Париже, Вене, Вашингтоне, Анкаре, Белграде, Бухаресте и Праге о приглашении его и Гёмбёша в Рим для обсуждения актуальных политических вопросов, сообщил, что оно было принято. “После подписания “пакта четырех”, — отмечал он, — в итальянской печати явно обозначились признаки детанта, и французская печать писала об Италии в таком тоне, что вполне могли возникнуть опасения: не произошло ли в политике итальянского правительства отклонение, которое могло бы негативно сказаться на национальных интересах Венгрии”¹⁷⁴.

По мнению Муссолини, “пакт четырех” несколько уменьшил франко-итальянское напряжение, причем политика Италии осталась без изменений. 1. В полной мере сохраняется прежняя политика, направленная на ревизию мирных договоров. 2. Сохраняется отрицательное отношение к Дунайской конфедерации, желание более тесного сотрудничества Венгрии с Австрией, правда, при исключении персональной унии и реставрации Габсбургов. 3. Стремление и в будущем поддерживать хорошие отношения с Германией, но в качестве условия выдвигается признание со стороны Германии независимости Австрии, из чего вытекает в свою очередь, что итальянское правительство самым решительным образом осуждает вмешательство национал-социалистов во внутренние дела Австрии.

Из бесед с Бенито Муссолини Калман Каня сделал вывод, что Франция будет стремиться оторвать Италию от Германии, а Италия отделить Малую Антанту от Франции.

Кроме того, К. Каня дал следующее указание посланнику в Берлине С. Машпиревичу: если в германском МИД поднимут австрийский вопрос, он должен сказать, что Муссолини и МИД Италии сохраняют наилучшие побуждения в отношении Германии, но резко осуждают любое германское вмешательство в австрийские дела. Следовательно, можно опасаться, что если будут продолжаться национал-социалистские махинации в отношении Австрии, то это серьезно ухудшит германо-итальянские отношения и в противовес намерениям итальянского правительства улучшит франко-итальянские отношения¹⁷⁵.

Так складывалась ситуация в германо-итало-австро-венгерских отношениях, когда еще ни Италия, ни Германия не смогли решиться на открытое сотрудничество итальянских фашистов и германских нацистов, находившихся у власти, когда еще амбиции и частные вопросы выдвигались на первый план, несмотря на идентичность взглядов на внутривнутриполитические и внешнеполитические цели.

¹ OL. Ogyl. a 33—as bizottság jegyzőkönyvei, 12. 1.

² Budapesti Hirlap, 1932, 2. IX.

³ OL. Kozma Miklós iratai, 14. cs.

⁴ Magyarország. 1932. 15. IX.

⁵ Nemzeti Újság. 1932. 15. IX.

⁶ Markus László. Op. cit. 297. old.

⁷ Horthy Miklós. Emlékirataim. Buenos Aires. 1953. 156. old.

⁸ Ibid.

⁹ Karsai Elek. Op. cit. 235. old.

¹⁰ Bethlen als Gladiator // Pester Lloyd. 1932. 5. V.

¹¹ Magyarország. 1932. 5. V.

¹² Magyarország. 1932. 5. V. ; Pesti Napló. 25. V.

¹³ Magyarország. Az Est. Magyar Hirlap. 1932. 26. V.

¹⁴ Germania. 1932. 26. V.

¹⁵ Magyarország. 1932. 26. II. ; Esti Kurir. 1932. 26. V.

¹⁶ Magyarország. 1932. 19. III.

¹⁷ 8 órai Újság. Az Est. 1932. 27. IV.

¹⁸ Az Est. 1932. 13. V.

-
- ¹⁹ Magyar Hirlap. 1932 19. VII.
- ²⁰ Szózat. 1921. 1. I.
- ²¹ *Pritz Pál*. Magyarország külpolitikája Gömbös Gyula miniszterelnökség idején; 1932—1936. Bp. 1982. 51. old.
- ²² Szózat. 1925. 15. VII.
- ²³ Magyar Újság. 1927. 15. III.
- ²⁴ Magyar Újság. 1928. 3. VI.
- ²⁵ Az Est. 1930. 29. V.
- ²⁶ Magyarság. 1931. 27. III.
- ²⁷ A Regel. 1930. 10. XII.
- ²⁸ Pesti Hirlap. 1931. 21. IV.
- ²⁹ Újság. Magyar Hirlap. 1931. 30. IV. ; Magyarország. 1931. 23. V.
- ³⁰ Pester Lloyd. Pesti Hirlap. Népszava. Újság. Pesti Napló. 1931. 6. V.
- ³¹ 8 órai Újság. Népszava. A Regel. Hétfői Hírek. 1931. 28. IX.
- ³² Újság. 1931. 2. IX.
- ³³ Budapesti Hirlap. 1932. 17. 1.
- ³⁴ Pesti Napló. 1932. 3. I. ; Magyarság. 1932. 20. I.
- ³⁵ Pesti Napló. 1932. 23. I
- ³⁶ AZ Est. 1932. I.X.
- ³⁷ Nemzeti Újság. Magyar Hirlap. 1932. 2. X.
- ³⁸ *Pritz Pál*. Op. cit. 66. old.
- ³⁹ OL. K—64. 1932, 23, 545, 16—17.1.
- ⁴⁰ Ibid. 23/7, 22, 52/932, 18. 1.
- ⁴¹ Ibid. 18—19. 1.
- ⁴² Ibid. 2252.
- ⁴³ Ibid. 2252/932, 13—14. 1.
- ⁴⁴ OL. K—64. 1932. 23. 580, 1—2. 1.
- ⁴⁵ Ibid. 2. 1.
- ⁴⁶ Ibid. 4—5. 1.
- ⁴⁷ OL. K—64. 1932, 23, 621, 14—15. 1.
- ⁴⁸ Ibid. 16—17. 1.
- ⁴⁹ Ibid. 12—13. 1.
- ⁵⁰ Ibid. 1. 1.
- ⁵¹ Ibid. 9—11. 1.
- ⁵² Ibid. 2. 1.

- ⁵³ OL. FT. X—10933. d., E 673112—673114; OL. K—64, 1932, 20, 620.
- ⁵⁴ OL. K—64. 1932, 20, 616, 2—5. 1.
- ⁵⁵ Ibid.
- ⁵⁶ Ibid. 623, 1. 1.
- ⁵⁷ Ibid. 633, 4. 1.
- ⁵⁸ Ibid. 4—5. 1.
- ⁵⁹ OL. K—64. 1932, 20, 640, 2. 1.
- ⁶⁰ Ibid. 1—7. 1.
- ⁶¹ Ibid. Kozma iratok. Adatgyűjt., 1932, 3. cs.
- ⁶² Ibid.
- ⁶³ OL. K—64. 1932. 21/7, 217, 2. 1.
- ⁶⁴ OL. K—64. 1932. 21. 91.
- ⁶⁵ Ibid. 80. 5—7. 1.
- ⁶⁶ Ibid. 8. 1.
- ⁶⁷ Ibid. 114, 1—3. 1.
- ⁶⁸ OL. K—64. 1932, 21, 113.
- ⁶⁹ Ibid. 368, 1—2. 1.
- ⁷⁰ OL. K—64. 1932, 21, 690 /680/, 6—9. 1.
- ⁷¹ Pesti Hírlap. 1933. 9. III.
- ⁷² Pesti Napló. Magyar Hírlap. Magyarság. 1933, 9. III.
- ⁷³ Magyarország. 8 órai Újság. Nemzeti Újság 1933, 17. III.
- ⁷⁴ Pester Lloyd. 1933. 18. III.
- ⁷⁵ Budapesti Hírlap. 1933. 12. III.
- ⁷⁶ Az Est. 1933. 16. IV.
- ⁷⁷ Budapesti Hírlap. 1933. 16. III.
- ⁷⁸ Magyar Hírlap. 1933. 17. III.
- ⁷⁹ Die Stunde. 1933. 18. III. ; OL. K—609. 1933, 1—25, I—XII, 202, 1, 60. 1.
- ⁸⁰ Magyarság. 1933. 23. IV. ; Ibid. 108.1.
- ⁸¹ OL. K—609. 1933. 1—25, I—VII, 37. 1. ; Népszava, 1933, 24. II.
- ⁸² Ibid. 118. 1. ; Pesti Napló. 1933. 7. V.
- ⁸³ Budapesti Hírlap. 1933. 11, 13. V.
- ⁸⁴ OL. K—609. 1933. 1—25, I—VII, 124. 1.
- ⁸⁵ Deutsche Zentralarchiv /Potsdam/. 09. 01. Auswärtiges Amt, Abt. II. (1936—1945), Allgemeines 3. Ungarn, a 40000, S. 53—58.

- ⁸⁶ Ibid. S. 53—58.
- ⁸⁷ Ibid. S. 84—92.
- ⁸⁸ Székely Lajos. Gömbös és a faszizmus külpolitikai koncepciójának alapvonásai //Acta Uniuersitate Szegediensis de Attila Jósef nominatae. //Acta Historica XIV. Szeged, 1963. 1—12. old. Pritz Pál. Op. cit. 26—63. old.
- ⁸⁹ A Wilhelmstrasse é Magyarország. Német diplomáciai iratok Magyarországról 1933—1944. Bp., 1968, 43. old.
- ⁹⁰ Karsai Elek. Iratok a Gömbös — Hitler találkozó /1933. június 17—18. /történetéhez. Bp. 1962, 55. old.
- ⁹¹ Berliner Tageblatt. 10. II, 1933; 11. II; Journal des Debats. 1933, 11. II; 12. II.
- ⁹² L'Oeuvre. 1933. 10. II.
- ⁹³ Neue Zürcher Zeitung. 1933. 13. II; Le Petit Parisien. 1933. 14. II.
- ⁹⁴ Pesti Hírlap. 1933. 14. II.
- ⁹⁵ The Morning Post. The Daily Telegraph. 1933. 16. II; Le Temps. 1933. 17. II; 19. II.
- ⁹⁶ OL. K—64. 1933, 23, 98, 122—123. 1.
- ⁹⁷ Újság. 1932. 6. X.
- ⁹⁸ Budapesti Hírlap. 1932. 9. X.
- ⁹⁹ Pesti Napló. 1932. 9. X.
- ¹⁰⁰ Budapesti Hírlap. 1933. 15. I; Pesti Hírlap. 1933. 5. I.
- ¹⁰¹ Documents diplomatiques francais I Serie, t. II. P., 1966, a 65.
- ¹⁰² Budapesti Hírek. Pesti Napló, 1933, 2. II.
- ¹⁰³ Giornale d'Italia. Tribuna. 1933, 24. II.
- ¹⁰⁴ Budapesti Hírlap. 1933. 25. II.
- ¹⁰⁵ OL. K—63. 1933, 11/7, 1010.
- ¹⁰⁶ Ibid.
- ¹⁰⁷ OL. K—64. 1933, 20, 119, 49—50. 1.
- ¹⁰⁸ Ibid. 132, 45—48.1.
- ¹⁰⁹ Ibid. 170/44/, pol., 30. 1.
- ¹¹⁰ Ibid. 148. 38—39. 1.
- ¹¹¹ Ibid. 170, 176; 41, 149.
- ¹¹² Ibid.
- ¹¹³ A Wilhelmstrasse és Magyarország. 44. old.
- ¹¹⁴ OL. K—63. 1933, 23/7, 669; 20, 169.

- 115 Ibid. K—64. 1933. 20, 186, 16—18. 1.
- 116 A Wilhelmstrasse és Magyarország. 45. 1.
- 117 Ibid. 46. 1.
- 118 Magyarország. 1933. 23. IV.
- 119 A Wilhelmstrasse és Magyarország. 46—47. old.
- 120 Berliner Börse— Courier. 1933. 9. V; Völkischer Beobachter. Tat.
Berliner Tageblatt. 16. V.
- 121 Völkischer Beobachter. 1933. 15. V; Magyarország. 1933, 17. V.
- 122 Vossische Zeitung. 1933. 19. V; Germania. 1933. 29. V.
- 123 Pesti Napló. 1933. 13. IV.
- 124 Nemezeti Újság. 1933. 14. IV.
- 125 8 órai Újság. 1933. 1. I. 1933. 16. V.
- 126 Pesti Hírlap. 1933. 18. V.
- 127 Magyar Hírlap. 1933. 18. V.
- 128 Pesti Hírlap. 1933. 24. V.
- 129 Esti Kurir. 1933. 7. VI.
- 130 A Reggel. 1933. 12. VI.
- 131 OL. K—609. 1933,1—25, I—VII,201, I, 155—156.1
- 132 AAN /W—wa/, MSZ, PB, 1925, 1931—1937, 14/W/, s.103.
- 133 Ibid. s. 104.
- 134 *Karsai Elek*. A budai Sándor—palotában történt, 243. old.
- 135 Ibid.
- 136 *Pritz Pál*. Op. cit. 119. old.
- 137 *Karsai Elek*. Iratok a Gömbös — Hitler találkozó... 2, 23, 24. sz.
- 138 Ibid. 1, 2, 24. sz.
- 139 *Karsai Elek*. A budai Sándor—palotában történt, 247. old.
- 140 Vossische Zeitung. 1933. 19. VI.
- 141 Ibid.
- 142 A Wilhelmstrasse és Magyarország. 50. old.
- 143 Képviselőházi Napló. Bp. XVII. 356—362. old.
- 144 A Wilhelmstrasse és Magyarország. 49. old.
- 145 AAN. MSZ. PB. 1931—1937, 14 /W/, s. 119.
- 146 *Kovács Endre*. Magyar—lengyel kapcsolatok. 210. old.
- 147 AAN. MSZ. PB. 1931—1937, 14 /W/, s. 122—123.
- 148 KN. 1931. XVII, 335, 351—359, 399, 494—495.old.

-
- ¹⁴⁹ Népszava. Esti Kurir. 1933, 18. VI; Az Újság. Magyar Hirlap. 1933, 20. VI.
- ¹⁵⁰ Ibid.
- ¹⁵¹ OL. FT. X-10945. d. E 413074-413076.
- ¹⁵² OL. K-609. 1933, 1-25, I-VII; Az Est. 1933, 22. VI.
- ¹⁵³ Echo de Paris. 1933, I. VI.; Az Est. 1933, 22. VI.
- ¹⁵⁴ Magyarország. 1933. 23. VI.
- ¹⁵⁵ Magyarország. Esti Kurir. Pesti Hirlap. Nemzeti Újság, 1933. 23. VI.
- ¹⁵⁶ Pesti Hirlap. 1933. 24. VI.
- ¹⁵⁷ OL. K-64. 1933, 23, 290, 304.
- ¹⁵⁸ OL. K-64. 1933, 23, 304, 6-7.1.
- ¹⁵⁹ Ibid. 179.1.
- ¹⁶⁰ Ibid. 305, 180.1.
- ¹⁶¹ Ibid. 201.1.
- ¹⁶² Esti Kurir. 1933, 7. VII.
- ¹⁶³ Ibid.
- ¹⁶⁴ Berliner Börsen Zeitung. Neues Wiener Abendblatt. 1933, 11, 12. VII.
- ¹⁶⁵ OL. K-64. 1933, 20, sz. n., 3-5.1.
- ¹⁶⁶ Pritz Pál. Op. cit. 128. old.
- ¹⁶⁷ OL. K-64. 1933, 20, 320, 6-8.1.
- ¹⁶⁸ Ibid. 9.1.
- ¹⁶⁹ Ibid. 10-12.1.
- ¹⁷⁰ OL. K-64. 1933, 23, 354, 1-3.1.
- ¹⁷¹ Ibid. 17-25. 1.
- ¹⁷² Ibid. 16-22. 1.
- ¹⁷³ Ibid. 6-7. 1.
- ¹⁷⁴ Ibid. 353.
- ¹⁷⁵ Ibid. 2-4. 1.

Глава шестая. Установление дипломатических отношений между Венгрией и Советским Союзом

К началу 1934 г. приближалось десятилетие с тех пор, как в 1924 г. между Венгрией и Советским Союзом были подписаны документы об установлении торговых и дипломатических отношений, но они не были даже поставлены венгерским правительством на ратификацию парламентом¹.

Правда, вопрос этот с повестки дня не снимался. Так или иначе он затрагивался в беседах дипломатов в разные времена и во многих странах².

Венгерский военный атташе в Берлине Деме Стояи (Стойкович) сообщал начальнику генштаба Венгрии, что ему еще в 1930 г. предложили (генерал фон Хаммерштайн в германском МИД) услуги посредничества с русскими. Венгерский посланник в Германии Калман Каня решил выяснить, как в правящих кругах Венгрии смотрят на восстановление венгерско-советских отношений. Как К. Каня, так и Стоякович “с военной точки зрения” считали это желательным, что могло привести к образованию германо-венгерско-русской линии сотрудничества. После марта 1930 г. генерал Хаммерштайн не поднимал этого вопроса, только в декабре 1932 г. в беседе с К. Каней в присутствии Д. Стояковича он подчеркнул, что политические связи по интересующим Германию и Венгрию вопросам могут быть легче установлены, если бы удалось вступить в контакт с русскими. Таким путем была бы проложена дорога германо-итало-венгеро-русских связей. Об этом он докладывал в Будапеште устно.

2 февраля 1933 г. на приеме в советском посольстве в Берлине Хаммерштайн задал Стояковичу вопрос, остается ли прежней или же поменялась позиция Венгрии в отношении установления советско-венгерских отношений. Тот ответил, что премьер-министр, начальник генштаба армии и вступающий

в ближайшие дни в свои обязанности министр иностранных дел занимают в этом вопросе положительную позицию, но сомневаются, вследствие известного внутривластного противодействия, удастся ли преодолеть имеющиеся настроения против Советской России и убедить правящие круги и правительство в полезности установления дипломатических отношений³.

Зондаж шел и через другие страны, в частности через Турцию. Еще в ноябре 1930 г. венгерский премьер-министр Иштван Бетлен посетил Турцию и в беседе с премьер-министром Исмет-пашой на вопрос последнего, не склонна ли, учитывая русско-турецкие отношения Венгрия установить дипломатические связи с Советским Союзом. Бетлен ответил, что с внешнеполитической точки зрения между Венгрией и СССР нет никаких противоречий и, несмотря на различие системы правления, "мы могли бы во внешней политике быть даже союзниками". Он подчеркнул, что видит преимущества от установления дипломатических отношений с Советской Россией, но исключительно по внутривластным причинам пока не может этого добиться от парламента. Но пообещал, учитывая политику Италии и Турции в отношении России, готовить общественное мнение и законодателей в том смысле, что установление этих связей рано или поздно неизбежно⁴. В Турции произошла первая встреча Д. Гёмбёша с официальным представителем Советского Союза. Исмет-паша представил ему советского поверенного в делах в Анкаре Г. А. Астахова. В дни пребывания Гёмбёша в Анкаре много говорили о венгеро-советских отношениях. На приеме у венгерского посланника Ласло Тахи жену советского полпреда Сурица отнюдь "не случайно" посадили рядом с Д. Гёмбёшем, который "приятно беседовал" с ней⁵.

Известные политические деятели Венгрии понимали необходимость установления с СССР нормальных дипломатических отношений. Так, Иштван Бетлен на закрытых заседаниях комиссии по иностранным делам палаты представителей парламента несколько раз указывал на их неизбежность как с политической, так и с экономической точек зрения⁶.

Затрагивали этот вопрос и в период пребывания Д. Гёмбёша в Риме⁷. Узнав о поездке наркома СССР М. М. Литвинова в Рим, министр иностранных дел Калман Каня дал указание венгерскому посланнику в Италии Андрапу Хори прозондировать, можно ли с помощью стран-друзей Италии создать в Центральной Европе и на Балканах равновесие сил, не дать возможность усилению противников ревизионистских взглядов, т. е. Малой Антанты. В том случае, если бы итальянская дипломатия сочла готовность СССР действовать в данном направлении и этому препятствовало бы отсутствие дипломатических отношений с Венгрией, то венгерское правительство готово было в общих венгерско-итальянских интересах убрать “чисто внутренние преграды” на пути установления советско-венгерских дипломатических связей”⁸.

В условиях возможной изоляции Италия проявляла заинтересованность в сохранении хороших связей с СССР. Заместитель министра иностранных дел Фульвио Сувич был не очень уверен в успехе, но пообещал прозондировать. В то время Б. Муссолини исполнял обязанности и министра иностранных дел. 4 декабря 1933 г. в беседе с М. М. Литвиновым он спросил наркома, желает ли СССР восстановить отношения с Венгрией⁹. Нарком ответил, что поскольку объем работ в рамках “пакта четырех” неограничен, “там могут обсуждаться и решаться вопросы, затрагивающие наши интересы”¹⁰. Этот довольно туманный и в то же время ядовитый ответ М. М. Литвинова итальянские дипломаты сочли положительным.

5 декабря 1933 г. в НКВД СССР направил телеграмму и полпред СССР в Италии В. П. Потемкин (о беседе с Муссолини на приеме в советском полпредстве 4 декабря). Он отмечал, что заискивания министра иностранных дел Турции Рюштюбея перед Францией и возня с Малой Антантой, в частности с Югославией, внушают итальянцам понятные опасения, которые разделяет и Венгрия, боящаяся изоляции в результате сближения Турции с Малой Антантой. Ему все это изобразили так, что именно это задерживает нормализацию отношений Венгрии с СССР, ибо “венгры считают политику Советов и Турции координированной”¹¹.

Зная позицию регента М. Хорти, из-за которой в 1924–1925 гг. подписанный договор об установлении дипломатических отношений не был ратифицирован¹², К. Каня поставил актуальный вопрос о восстановлении дипломатических отношений Венгрии с СССР на совещании у М. Хорти. Последний в 1924 г. высказывал мысль, что он пошел бы на этот акт, но при условии, что в Будапеште не будет существовать ни советской миссии, ни советского посланника, чтобы не пришлось принимать у него верительных грамот. Зная эту позицию, министр иностранных дел на этот раз предложил следующее: советским посланником в Будапеште по совместительству будет советский полпред в Вене. Регент Хорти только на этом условии разрешил начать переговоры¹³.

В новых условиях против этой идеи К. Каня открыто выступать не решался (да и не мог, для него это было рискованно). 22 декабря 1933 г. он направил венгерскому посланнику в Италии шифрованную телеграмму, в которой отметил, что “удалось устранить те внутренние препятствия”, которые мешали успешно завершить переговоры с Советским Союзом в Берлине (в 1924 г.), и выразил желание “немедленно вновь начать переговоры”. Он просил сообщить об этом в МИД Италии с целью, чтобы итальянское правительство довело до сведения советского полпреда в Риме “нашу готовность”. Одновременно указывалось, что вести переговоры с венгерской стороны поручено посланнику в Анкаре Юнгерту, который лучше всех знает материал и на протяжении многих лет поддерживал связи с советскими дипломатами.

В отношении места и времени переговоров К. Каня обещал приспособиться “к пожеланиям русских”, хотя венгерская сторона предпочла бы вести их в Риме. Там же указывалось, что в интересах обеспечения положительных результатов переговоры следовало проводить тайно¹⁴.

Советский полпред в Риме В. П. Потемкин в телеграмме от 27 декабря 1933 г. сообщал в НКВД СССР, что начальник канцелярии МИД Италии Помпео Алоизи по поручению Муссолини просил передать М. М. Литвинову следующее: “Нынешний министр иностранных дел Каня от имени своего пра-

вительства доводит до сведения Советского правительства через итальянцев, что венгерское правительство готово возобновить переговоры с СССР о восстановлении дипломатических отношений”, а также и то, что Венгрия уполномочивает для ведения переговоров Юнгерта, нынешнего посланника в Анкаре¹⁵.

Комментируя этот факт в начале января 1934 г., В. П. Потемкин в письме в НКВД СССР высказал мысль, что, боясь изоляции, Италия желает сохранить дружественные отношения с СССР. В этом аспекте весьма показательный смысл приобретает и явно инспирированное Римом предложение венгерского правительства начать переговоры об установлении нормальных отношений между Венгрией и СССР. 28 декабря 1933 г. состоялось заседание коллегии НКВД, где рассматривалось предложение Венгрии о советско-венгерском договоре и протоколе о дипломатических и консульских отношениях с Венгрией. Участники совещания посчитали текст соглашения отчасти повторяющим договор и протокол, подписанные в Берлине 5 сентября 1924 г. и нератифицированные Венгрией, отчасти же содержащим однозвонные и неприемлемые статьи /ст. 3, 4, 10/¹⁶.

Поверенный в делах Венгрии в Риме Дьердь Киранди-Лукач о выполнении поручения К. Кани сообщил телеграфом, а затем 3 января 1934 г. повторил в донесении, в котором к тому же сообщал, что полпред СССР в Италии В. П. Потемкин болен, и 27 декабря 1933 г. итальянская сторона сообщила поверенному в делах Вейнбергу об этом с целью срочной передачи венгерского предложения в Москву.

Он затронул еще один вопрос, который обсуждался в МИД Италии, — о намерении Советского Союза признать Малую Антанту. Итальянцы, по его утверждению, неодобрительно относятся к попытке Малой Антанты выступить в качестве “великой державы”, но в то же время это известие воспринимается скептически. Киранди-Лукач не исключал возможности склонить Москву на переговоры с каждой из этих стран в отдельности. Ознакомившись с донесением Киранди-Лукача, министр иностранных дел К. Кани 8 января

1934 г. направил ему зашифрованную телеграмму, в которой просил оказать влияние в палатце Киджи, чтобы Италия разъяснила русским: установление связей с Малой Антантой, этим явно выраженным антивенгерским объединением, было бы чрезвычайно опасным как для Италии, так и для Венгрии¹⁷.

Это пожелание венгерской стороны было передано в Москву. Обсуждаемым проблемам была посвящена и телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР Литвинова полпреду В. П. Потемкину 13 января 1934 г. Он сообщал, что итальянский представитель в Москве Бернардо Аттолико объяснял задержку в переговорах с Венгрией опасением признания Советским Союзом Малой Антанты. “Хотя я абсолютно отрицаю” наличие такого предложения, “я отвел попытку Аттолико добиться обещания не признавать навсегда Малой Антанты в качестве политической единицы”. Нарком разъяснил ему и позицию СССР в отношении Балканского пакта; “мы в нем не заинтересованы, Турцию к нему не поощряем, не высказывали никакого одобрения, но что не считаем нужным возражать против пакта”¹⁸.

С точки зрения установления нормальных отношений между Венгрией и Советским Союзом интерес представляют беседы посланника Венгрии в Турции Михая Юнгерта-Арноти с советским полпредом в Анкаре Я. Сурицем. Прибывший в столицу Турции М. Юнгерт-Арноти в начале 1934 г. наносил визиты дипломатическим представителям, в том числе и Я. Сурицу 11 января (последний нанес ему ответный визит на следующий день). Об этих беседах сохранились донесения как Я. Сурица, так и Юнгерта-Арноти, а также записи в дневнике венгерского посланника. Сопоставление их дает основание судить о том, на что обращали особое внимание обе стороны.

М. Юнгерт-Арноти представился Я. Сурицу давнишним другом и сторонником советско-венгерского сближения. Я. Суриц отметил, что Юнгерт оказался солидно осведомлен об СССР. Венгерский посланник изложил свое представление о развитии событий в мире, отметив, что в турецкой политике вызревает тенденция включиться в орбиту антиревизионист-

ской политики Франции. В этом отношении он считал особенно тревожными для Венгрии последние балканские акции турецкого правительства. Наметившийся курс сотрудничества с Малой Антантой заостренный против Болгарии, не может не иметь отрицательного резонанса и на положении Венгрии в Центральной Европе, поскольку влияние Малой Антанты на Балканах усиливается.

М. Юнгерт-Арноти записал в своем дневнике, что 12 января 1934 г. Я. Суриц нанес ему ответный визит. Между прочим, автор дневника отметил: вчера министр иностранных дел Тевфик Рюшгю-бей сообщил ему о полученных из Рима сведениях, согласно которым в Риме состоятся переговоры между "нами и русскими" об установлении дипломатических отношений¹⁹. На вопрос Я. Сурица, знает ли он об этом, М. Юнгерт-Арноти изложил историю дела и заявил, что перед отъездом из Будапешта он участвовал в обсуждении вопроса об установлении с СССР дипломатических отношений. Поводом для этого послужили поступившие из Рима сообщения о состоявшемся обмене мнениями между Б. Муссолини и М. М. Литвиновым. Тогда наметилась готовность приступить к переговорам. Начать их, как планировалось ранее с учетом ряда соображений, в том числе роли Турции в переговорах, которые велись в 1924 г. в Берлине, намечалось в Анкаре, куда и прибыл в качестве посланника М. Юнгерт-Арноти. Принималась во внимание и личность Я. Сурица. По мнению Юнгерта, венгерский посланник и советский полпред в Анкаре должны были вести эти переговоры.

М. Юнгерт-Арноти отмечал, что переговоры в Берлине не удалось довести до логического конца главным образом из-за сопротивления, как отметил в своем донесении Я. Суриц, крестьянской (должно быть христианской. — *А. П.*) партии, входившей в свое время в правительственную коалицию. Но обстановка изменилась, названная партия — в оппозиции и влияние ее было незначительно.

Интересно отметить, что и на этот раз венгерский посланник обошел молчанием роль М. Хорти в 1924—1925 гг. и его условия для начала переговоров в новой обстановке. Он

лишь настойчиво подчеркивал финансовые трудности венгерского правительства, что создало у полпреда впечатление: венгерское правительство, по-видимому, намерено поручить представительство своих интересов одному из своих посланников в соседней стране, может быть, знатоку Советского Союза Юнгерту–Арноти, чем и обусловлено его назначение в Анкару. В этом предположении он угадал замысел венгерских правителей, как и то, что собеседник Я. Сурица еще ничего не знал о решении перенести переговоры в Рим. Полпред полагал, что идея переноса переговоров в Рим навязана венграм итальянцами в самое последнее время в расчете зачислить в свой актив “венгерское признание и сыграть при переговорах роль арбитра”²⁰. М. Юнгерта–Арноти беспокоило указание своего правительства вести дела, связанные с восстановлением дипломатических отношений с Советским Союзом, в глубокой тайне. В тот же день вечером он получил телеграмму из венгерского МИД с указанием выехать в Будапешт в связи с переносом переговоров в Рим. В Анкаре ему предлагали объяснить свой отъезд внутренними делами в Венгрии. Юнгерт–Арноти просил разрешения сказать Рюштю–бею правду, поскольку тот и без того уже знает об истинной цели поездки.

13 января 1934 г. заместитель наркома иностранных дел Н. Н. Крестинский информировал полпреда СССР в Италии В. П. Потемкина о том, что М. М. Литвинов сообщил телеграфом венгерской стороне, что “мы предпочитаем обменяться с венгерским правительством краткими нотами о возобновлении дипломатических и консульских отношений”, отложив урегулирование всех остальных практических вопросов до того момента, когда в Москве и Будапеште будут организованы венгерская миссия и советское полпредство, и можно будет обсудить их в нормальном дипломатическом порядке²¹.

15 января 1934 г. М. Юнгерт–Арноти отправился в Будапешт, чтобы обсудить условия переговоров и получить инструкции. 18 января К. Каня сообщил ему о срочности переговоров. В своем дневнике Юнгерт записал, что он сторонник решения этого вопроса путем обмена нотами. Если, по его мнению, не подписывать соглашения о торговле, то можно было

бы обойти и парламент, где предстояла ратификация документа, что и было причиной провала договора 1924 г. Заведующий политическим отделом МИД Габор Апор предложил проект ноты и высказал предложение начать переговоры на основе соглашений 1924 г.²²

М. Юнгерт-Арноти утверждал, что он этого предложения не принял, и рекомендовал решить дело следующим образом: 1. Обменом нот правительства заявили бы о решении установить дипломатические отношения. 2. В ноте или протоколе отмечался бы метод установления дипломатических отношений на основе соглашений 1924 г. 3. После назначения посланников немедленно начать переговоры о торговле, что зафиксировать в ноте. 4. Нота о возвращении на родину военнопленных. Министру Кане и заведующему политическим отделом МИД Апору понравилось такое решение, при помощи которого можно было бы обойти парламент, но первый высказался за необходимость еще раз посоветоваться с юристами.

В отношении числа сотрудников миссий предстояло обменяться секретными письмами. На переговорах следовало довести до сведения русских, что Венгрия пока не может по финансовым причинам открыть в Москве миссию, поэтому советской стороне лучше не присылать в Будапешт посланника, а назначить венского полпреда по совместительству в Венгрии²³.

На руку М. Юнгерту-Арноти было и прибывшее в тот же день, т. е. 16 января, донесение временного поверенного в делах в Италии Д. Киранди-Лукача. В нем сообщалось, что в палатце Киджи выяснили, каким путем устанавливал Советский Союз дипломатические отношения прежде: были случаи заключения договоров, но в последнее время это происходило чаще путем обмена нотами. Этот метод был применен в отношении Скандинавских стран и США.

За обменами нотами автоматически устанавливаются дипломатические отношения. Итальянский посол в Москве Б. Аттолико передал, что, по мнению М. М. Литвинова, лучше, если бы признание СССР со стороны Венгрии произошло путем обмена нотами, это потребовало бы коротких предвари-

тельных переговоров и ускорито бы процесс²⁴. Киралиди-Лукач отметил, что как итальянский посол, так и директор политического департамента предлагали Венгрии принять рекомендованный М. М. Литвиновым способ, чтобы в противном случае “при затяжных переговорах нас не обошли другие страны”.

Между тем в юридическом отделе МИД Венгрии обсуждали вопрос о том, можно ли обойти Государственное собрание, если из договоренностей 1924 г. будут опущены те положения, которые были связаны с установлением торгового соглашения. Участники бесед согласились с предположением М. Юнгерта-Арноти, который высказал пожелание все это согласовать с премьер-министром Д. Гёмбёшем. Однако Г. Апор и другие пытались убедить его в том, что необходимости в этом нет, ибо К. Каня имеет на правительство неограниченное влияние. Кроме того, по мнению Апора, Д. Гёмбёш не вмешивается во внешнеполитические дела. К. Каня был высокого мнения о таких членах правительства, как Б. Имреди, Керестеш-Фишер и Б. Хоман, остальные же, по его мнению, не имели большого веса²⁵.

В тот же день обсудили условия предстоящих переговоров на совещании в министерстве иностранных дел у К. Кани. Договорились об обмене совершенно идентичными нотами с обеих сторон. Однако решили, что необязательно настаивать на согласованном тексте, если другая сторона будет против.

В протоколе была принята формулировка Юнгерта о том, что обе страны пока не будут открывать миссии, а назначат посланниками дипломатов, аккредитованных в других странах. Юнгерт отметил: К. Каня не желает, чтобы торговая делегация прибыла в Будапешт до назначения постоянного посланника. Пока пусть заключают, как и прежде, торговые сделки²⁶.

Наконец, пришли к согласию пока не посылать постоянного посланника по причинам престижа. Согласовали также разделы, относившиеся к курьерам, кадровому составу миссий, о пропаганде, о торговых переговорах. Признали и необходимость иметь раздел об учреждении миссий на случай, “если

действительно наступит черед их создания”²⁷. Это замечание свидетельствует о том, что не только регент М. Хорти, но и министр иностранных дел К. Каня предполагали возможность установления дипломатических отношений с СССР без учреждения соответственно в Москве и Будапеште миссий.

Названные пункты, особенно первые, как записал М. Юнгерт-Арноти в своем дневнике, нужно включить в протокол, поскольку К. Каня пообещал регенту, что установление связей будет осуществлено на основе соглашений, достигнутых в 1924 г.²⁸

Г. Апор предлагал просто обменяться нотами, в которых имелась бы ссылка на соглашения 1924 г. Но участники совещания не приняли этого предложения. В двух соглашениях от 1924 г. отмечалось, что они вступают в силу после их ратификации парламентом. Кроме того, 3—й и 4—й пункты соглашения от 12 сентября 1924 г. включались в новый текст, которые упорядочили бы торговые отношения.

В ходе совещания К. Кане позвонил Иштван Винклер, руководитель образованного в 1932 г. торгового управления Венгрии, и просил, чтобы в документы была включена и торговая часть. К. Каня раздраженно заметил, что это невозможно, ибо он не собирается выносить этот вопрос на одобрение парламента. Торговые переговоры он предложил перенести на период после обмена посланниками. Винклер успокоился.

Первую ноту и протокол решили считать неделимыми, и Юнгерт должен был подписать их только вместе. На совещании также решили (хотя к данному делу это не относилось) о необходимости обменяться нотами о военнопленных. Правда, договорились, что этот вопрос М. Юнгерт-Арноти сразу снимет, если советская сторона предложит обменять военнопленных на коммунистов.

Четвертый документ, который планировалось подписать, — это обмен секретными письмами, в которых решался бы личный состав миссий. М. Юнгерт-Арноти просил у К. Кани разрешения, если возникнут трудности, посетить Муссолини и воспользоваться посредничеством итальянцев. Если “русские

спросят, кто будет аккредитован у них”, Юнгерт должен был ответить, что он²⁹.

20 января 1934 г. на совещании в министерстве иностранных дел еще раз все обсудили и одобрили вчерашнюю позицию. Юнгерт отметил, что К. Каня настаивал на том, чтобы Советский Союз не высылал в Будапешт не только дипломатическую миссию, но даже торговую делегацию. Он полагал продолжать торговые дела по-прежнему: “Пусть приезжают деловые люди, заключают сделки и уезжают”³⁰. Правда, о том, какие сделки он имел в виду, никто из присутствовавших не знал.

По поводу подготовленного текста будущего коммюнике об установлении дипломатических отношений с СССР К. Каня заметил, что он против ссылки на “пожелания Муссолини”. Г. Апор получил указание снять ее³¹. В тот же день вечером М. Юнгерт–Арноти выехал в Италию и на следующий день прибыл в Рим.

22 января 1934 г. М. Юнгерт–Арноти в сопровождении венгерского поверенного в делах в Италии Д. Киранди–Лукача отправился к начальнику политического департамента МИД Италии Джино Бути, которому изложил, в какой форме и какого содержания дипломатические отношения намерена установить Венгрия с СССР. Д. Бути сообщил ему, что русский полпред В. Потемкин болен и вести беседы можно только с его заместителем, который обещал после прибытия Юнгерта немедленно его посетить. Д. Бути тут же известил его об этом по телефону, и в 4 часа после обеда состоялась встреча в венгерской миссии в Риме³².

К этому времени и советское полпредство располагало указаниями из Москвы. В письма Н. Н. Крестинского В. П. Потемкину от 13 января содержались и инструкции, в которых указывалось, что если венгры будут настаивать на разрешении некоторых вопросов одновременно с обменом нотами, “мы в качестве второй позиции согласны подписать и протокол”, но как видно из указаний центра, он был бы совсем иного содержания, чем мыслила себе венгерская сторона. Протокол состоял бы из четырех пунктов: первый содержал бы заяв-

ление о том, что “венгерская миссия в Москве и наше полпредство в Будапеште рассматриваются как единственные представительства Венгрии и СССР”, второй и третий пункты были бы посвящены дипломатическим привилегиям состава венгерской миссии в Москве и советского полпредства и трех руководящих работников торгпредства, составляющих часть советского полпредства в Будапеште. Четвертый пункт предусматривал бы, что до заключения консульской конвенции консульские функции будут выполняться дипломатическими миссиями.

Об ограничении числа сотрудников миссий добавить конфиденциальными письмами в которых будет сказано, что оно осуществляется по соображениям жилищной нужды. Но можно об этом сказать в крайнем случае и в пятом пункте протокола.

По поводу последнего Н. Н. Крестинский разъяснял: “Вы понимаете, конечно, что несмотря на мотивировку жилищной нуждой, ограничение числа сотрудников, введенное в 1924 г. по инициативе венгерского правительства объяснялось в действительности его боязнью, что сотрудники наших учреждений будут заниматься пропагандой” и полагал, что в этом можно уступить лишь в крайнем случае³³.

О первой встрече в венгерской миссии в Риме Д. Киралди-Лукача с М. Юнгерт-Арнети полпред В. Потемкин информировал заместителя наркома иностранных дел СССР Н. Н. Крестинского. Не ограничиваясь этим, Потемкин поручает первому секретарю Л. Б. Гельфанду посетить Юнгерта, извиниться по поводу вынужденной отсрочки встречи на 2—3 дня и одновременно выразить уверенность, что в виду несложности задачи удастся “без замедления выполнить возложенное на нас поручение”³⁴. При этом венгерскому представителю было сказано, что если до встречи с советским полпредом он хочет сообщить какие-либо пожелания или предложения, то можно это сделать через первого секретаря.

Прибывший в венгерскую миссию в Риме Л. Б. Гельфанд выполнил поручение полпреда и сразу приступил к переговорам. М. Юнгерт-Арнети изложил историю переговоров 1924

г. и сообщил, что венгерское правительство на этот раз желает упорядочить отношения не путем заключения договора, а проще, путем обмена нотами, секретными письмами и протоколами. Л. Б. Гельфанд сообщил, что и советское правительство желает установить дипломатические отношения обменом нотами, как это имело место в отношении Испании. Предварительные условия СССР не принимает, а решение всех остальных вопросов предлагает перенести на период после установления нормальных отношений. М. Юнгерт разъяснил, что венгерская сторона желает в протоколе зафиксировать только то, что сможет на практике осуществить. Он обратил внимание на то, что еще полтора месяца тому назад при упорядочении Советским Союзом отношений с США наряду с простым обменом нотами были изложены и другие вопросы. Да и Венгрия готова решить предложенные проблемы обменом нотами вместо фиксации их в протоколе.

В донесении министру иностранных дел Венгрии К. Кане 23 января 1934 г. М. Юнгерт изложил свое впечатление, согласно которому "Советская Россия после признания ее Америкой во всех отношениях считает себя субъектом одного ранга с остальными великими державами" и при установлении дипломатических отношений с оставшимися "несколькими малыми странами" требует соблюдения тех формальностей, которые приняты между другими государствами.

В дневнике же он записал, что эта форма удовлетворила Л. Б. Гельфанда, поскольку, как он заявил, Советский Союз в последнее время в иной форме и не устанавливал дипломатических связей. Затем М. Юнгерт зачитал ему венгерский проект ноты, в которой два правительства заявляли об установлении дипломатических отношений. Л. Б. Гельфанду понравился текст ноты, он только предложил дипломатические отношения дополнить консульскими. Юнгерт принял это к сведению.

Затем последний счел нужным разъяснить, что в проект протокола включены только те пункты, которые в свое время приняли Н. Н. Крестинский и М. М. Литвинов, т. е. те два политических деятеля, которые сейчас призваны одобрить ре-

зультаты переговоров. Он зачитал проект протокола пункт за пунктом, а их всего было 11³⁵. М. Юнгерт–Арноти умолчал о том, что и в 1924 г. с советской стороны против некоторых из этих пунктов имелись возражения.

Хотя у Л. Б. Гельфанда были и полномочия принять пожелания Юнгерта и передать полпреду, он пустился в обсуждение предложенных венгерским представителем текстов. (У Юнгерта имелись заготовленные тексты обмена нотами и дополнительного протокола.) “Передавая этот материал, Юнгерт сопровождал его некоторыми устными пояснениями. В предвидении этого я заранее дал первому секретарю указание, не открывая с Юнгертом дискуссии и не разворачивая перед ним наших позиций, предупредить его, что мы рассчитывали ограничиться простым обменом нотами для установления отношений”, — отмечал В. Потемкин³⁶.

Полпред в своем письме в адрес Н. Н. Крестинского отметил, что некоторые критические замечания, высказанные Л. Б. Гельфандом по ряду статей зачитанного Юнгертом протокола, сигнализировали о нежелательности осложнения задачи такими предложениями, которые шли бы дальше обмена нотами³⁷.

Л. Б. Гельфанд заметил Юнгерту, что пункты, изложенные в протоколе, можно оговорить усно после установления нормальных связей. Юнгерт в своем дневнике, да и в донесении о переговорах подчеркивал, что на Л. Б. Гельфанда не произвело особого впечатления, что Венгрия не желает сейчас учреждать фактические дипломатические миссии. Мотивировку причин этого (отсутствие средств в бюджете на этот год) Гельфанд также понял и не возражал, как и против предложения назначить представителем для Венгрии советского полпреда в Вене³⁸.

Пункты с 1-го по 4-й он считал ненужными, отражающими естественный ход работы, но все же признал, что эти вопросы можно зафиксировать в письменном виде³⁹. По поводу 5-го пункта протокола (о налаживании почтового и телеграфного обмена) Л. Б. Гельфанд заявил, что это можно решить после установления дипломатических отношений. 6-й, 7-й и

8-й пункты проекта протокола он отверг, мотивируя это 15-летней практикой дипломатических представительств в Москве, которые, как и везде в мире, пользуются дипломатическими привилегиями без их фиксации в протоколе. Требование включения этих пунктов с венгерской стороны производит впечатление, “что мы думаем, что вступаем в контакт с диким африканским племенем”⁴⁰, — записал Юнгерт слова Гельфанда (речь шла прежде всего о материальном обеспечении). Советский дипломат разъяснял, что нужные сотрудникам вещи, которые нельзя приобрести в СССР, они могут без пошлины купить за рубежом.

В результате М. Юнгерт–Арноти в своем донесении записал: “Думаю, бесперспективно включать эти пункты, поскольку вопрос открытия миссий отодвигается, они стали неактуальными”, но на всякий случай добавил, что здесь можно провести корректировку⁴¹.

9-й пункт был посвящен курьерской службе, весу ручной клади и багажа. Советский представитель возражал против этого пункта, как не отвечавшего реальному положению дел. С 1924 г. курьерская служба изменилась: в начале 1934 г. всю службу осуществляли 12—15 курьеров, список которых рассылался во все иностранные дипломатические представительства в целях предоставления им виз. Венгерская же миссия, если кто-то из курьеров ей не нравится, имеет право не дать ему визу; очень редко, когда работник МИД выезжает в качестве курьера. Юнгерт отметил, что его собеседник и слышать не хотел об установлении числа курьеров, а установление веса багажа, не подлежащего контролю, его просто не интересовало. В то же время Юнгерт заявил, что не может быть и речи о том, чтобы опустить эту проблему, но согласился этот пункт перефразировать.

По 10-му пункту (о недопустимости использования в составе миссии бывших граждан Венгрии) Л. Б. Гельфанд, как отметил М. Юнгерт, начал с того, что Н. Н. Крестинский еще в 1924 г. при обсуждении этого пункта сказал: “Неужели вы думаете, что мы захотим послать в Будапешт Белу Куна”⁴². Даже если бы мы пытались направить неприемлемого для

Венгрии кандидата, ему можно отказать во въездной визе. М. Юнгерт-Арноти считал, что этот вопрос затрагивает внутреннюю политику Венгрии и не может рассматриваться только с канцелярско-технической точки зрения. Судя по всему, он боялся, что коммунисты, эмигрировавшие после свержения Венгерской советской республики, могли прибыть в Будапешт в качестве советских дипломатов. В своем донесении К. Кане он писал, что Н. Н. Крестинский и М. М. Литвинов в свое время поняли, да и теперь понимают, что венгерскому правительству в любом случае важно включить этот пункт в протокол⁴³.

11-й пункт протокола фиксировал венгерское пожелание о недопустимости коммунистической пропаганды работниками советской миссии в Будапеште. Л. Б. Гельфанд мотивировал бессмысленность этого пункта тем, что распространяемые ложные слухи о коммунистической пропаганде давно стали преданием. Юнгерт утверждал, что он легко одержал верх над советским представителем, процитировав ему соответствующее место из ноты, которой СССР обменялся с США.

Об обмене секретными письмами, в которых устанавливалась численность сотрудников венгерской миссии в Москве (10 человек) и советской в Будапеште (14 человек), советский представитель заявил, что об этом следует запросить Москву⁴⁴. Л. Б. Гельфанд сообщил М. Юнгерту, что он доложит о венгерских предложениях советскому полпреду в Риме и затем они будут направлены в Москву.

О беседах Гельфанда с Юнгертом 22 и 23 января 1934 г. представитель полпредства в Риме отметил в своей записи, что в ответ на информацию М. Юнгерта-Арноти он изложил свою в основном отрицательную позицию за исключением статьи 5 и обещал все передать полпреду В. П. Потемкину. Но услышанное, продолжал он, противоречит установке Москвы, которая считает необходимым простой обмен нот об установлении отношений. Поэтому он телеграфом сообщит Москве об этих "совершенно, по-моему, неприемлемых требованиях Венгрии", и дружески рекомендовал получить от Будапешта согласие на ограничение переговоров простым обменом нот и уже "во всяком случае на снятие всех одиозных статей прото-

кола”, если бы полпред и Москва согласились вообще вести переговоры о каком-либо протоколе”⁴⁵.

В телеграмме В. П. Потемкина в НКВД СССР от 23 января 1934 г. сообщалось: прибывший в Рим Юнгерт в беседе с советником полпредства СССР в Италии (Л. Б. Гельфандом) выразил готовность предварительно ознакомить нас с привезенными им предложениями своего правительства и передал нам их текст с некоторыми устными пояснениями. Предложения сводятся к следующему: 1. Обмен нотами между Юнгертом и мною в редакции, обычно принятой нами. Проект говорит только об установлении дипломатических отношений, однако Юнгерт не предвидит возражений против добавления и “консульских”. 2. Дополнительный протокол, на котором Юнгерт по соображениям внутренней политики настаивает. В телеграмме излагалось содержание проекта этого протокола и других требований венгерской стороны, по поводу которых советником полпредства СССР было указано Юнгерту, что они представляют собой “напрасное осложнение простой задачи установления дипломатических отношений проектами, содержащими требования, частью имеющие десятилетнюю давность и устаревшие, частью явно для нас неприемлемые и одиозные”. В заключении телеграммы говорилось: “В ближайшие дни рассчитываю иметь первую официальную встречу с Юнгертом, причем, разумеется, со всей твердостью буду отстаивать наши позиции”⁴⁶.

Об этой беседе и ее существенных моментах М. Юнгерт направил еще в тот же день шифрованную телеграмму, в конце которой подчеркивал, что его собеседник с пониманием воспринял доводы относительно отсрочки открытия миссий в Москве и Будапеште. Но, не имея инструкций, он, естественно, “свою позицию в этом вопросе не высказал”⁴⁷.

23 января 1934 г. М. Юнгерт-Арноти нанес визит советскому полпреду в Риме. В. П. Потемкин был еще болен, и беседа с ним по тем же проблемам продолжил первый секретарь полпредства Л. Б. Гельфанд. Он сообщил М. Юнгерту, что полпред принял венгерский проект обмена нотами со вчерашним дополнением — “консульских”, а остальное, т. е. прото-

кол и обмен секретными письмами относительно численного состава миссий, считает неактуальным, поскольку венгерская сторона не хочет учреждать миссию. В то же время, как подчеркнул Л. Гельфанд, полпред готов предложить своему правительству принять первые четыре пункта протокола, но он этого не может сделать, поскольку венгерская сторона настаивает на включении в протокол пунктов 9—11. Ст. 5—8 М. Юнгерт не отстаивал, поскольку, как он писал, “они действительно устарели, их ни в коем случае не примет советская сторона, да и для нас они не важны, если мы не открываем миссию в Москве”. Он заявил, что, если дипломатические отношения будут установлены на основе венгерских предложений, т. е. путем аккредитации в Москве и Будапеште посланников, которые находятся в других странах, тогда можно было бы эти статьи изменить или объединить.

Что же касается пунктов 9—11, т. е. о курьерах, использовании бывших венгерских граждан и пропаганды, Юнгерт решительно настаивал на их включении в протокол и повторял ранее высказанные им доводы или приводил новые аргументы в их пользу. Советская сторона не возражала против содержания этих статей, но она считала ненужным их включение в протокол, поскольку в случае необходимости эти вопросы можно было решить путем джентльменского соглашения. М. Юнгерт в своем донесении отметил, что он “намеренно на это ни разу не реагировал”⁴⁸, хотя и признавал, что актуальность 9-го и 10-го пунктов также уменьшилась, “если не учреждать сейчас миссию”⁴⁹.

В. П. Потемкин в письме Н. Н. Крестинскому отмечал, что “на протоколе, хотя бы в сокращенном виде, М. Юнгерт, по-видимому, будет настаивать. Особый акцент ставит он на ст. 9, 10, 11 своего проекта, подчеркивая, что они внесены туда “в силу соображения порядка внутреннеполитического””⁵⁰.

М. Юнгерт-Арноти еще в первом своем донесении из Рима о посещении им МИД Италии и в беседе с директором политического департамента Д. Бути сообщал: по словам венгерского поверенного в делах Д. Киранди-Лукача, Д. Бути сделал для Б. Муссолини и Ф. Сувича запись беседы с Юнгертом, в

которой с сожалением отметил, что “мы сейчас в Москве не хотим учредить действительную миссию”⁵¹.

24 января Д. Киралди-Лукач сообщил М. Юнгерту, что Д. Бути сказал ему: Муссолини даст своему посланнику в Будапеште герцогу А. Колонна указание заявить венгерскому премьеру Д. Гёмбёшу, что, по мнению итальянского правительства, преимущества от установления дипломатических отношений с Россией будут потеряны, если Венгрия не откроет миссию⁵².

Д. Бути от своего имени и статс-секретаря Ф. Сувича заявил М. Юнгерту, что нет пользы от того, что вы “хотите установления дипломатических отношений с русскими только теоретически. Необходимо, чтобы Венгрия имела в Москве постоянную миссию, которая, с одной стороны, стремилась бы “оказывать влияние на русские политические круги” в интересах нашей общей политики, а с другой — пыталась бы прежде всего противостоять влиянию Малой Антанты и ее интригам. Учредить миссию в Москве венгерская сторона предлагала в начале нового финансового года, потому что в условиях начавшихся переговоров представлялось сложным сделать это немедленно.

М. Юнгерт сказал Д. Бути, что учреждение миссий, согласно венгерскому проекту, может быть осуществлено в любое время. Он подробно изложил те причины, которые побудили венгерское правительство уклоняться от немедленного учреждения миссий (финансовые трудности, внутривнутриполитические причины — общественное мнение, настроение парламентских партий). Избранная венгерским правительством форма призвана подготовить общественное мнение к установлению нормальных связей с Советским Союзом.

М. Юнгерт доверительно сообщил ему и о позиции регента М. Хорти, с которой приходилось считаться правительству⁵³. В дневнике же он записал, что М. Хорти дал согласие на начало переговоров при условии, что в Будапеште не будет постоянного русского посланника⁵⁴. Доводы М. Юнгерта и позицию регента Д. Бути воспринял с усмешкой и, как отметил венгерский уполномоченный, не позволил убедить себя в

правильности венгерской позиции. Бути подчеркнул, что, если правительство действительно желает установить дипломатические отношения с другой страной, оно изыщет средства для этого и сможет устранить внутривластные препятствия. Он считал, что за премьер-министром Д. Гёмбёшем стоит сильная партия, поэтому вряд ли могут возникнуть трудности с данным вопросом. Итальянский представитель напомнил Юнгерту о весе Советского Союза в международной жизни, учитывая его величину и численность населения; все великие державы признали его и за исключением Германии и Японии, находятся с ним в хороших отношениях. Малая Венгрия не может, как прежде, предъявлять России условия установления дипломатических отношений. Д. Бути как частное лицо предостерегал его от того, чтобы чрезмерными требованиями не толкнуть Советский Союз на заключение дипломатических отношений со странами Малой Антанты⁵⁵.

В П. Потемкин в письме к Н. Н. Крестинскому подчеркивал, что Д. Бути, поддерживавший тесный контакт с венграми и находящийся в курсе всех их предложений, в частном порядке сообщил первому секретарю Л. Б. Гельфанду, что статьи проекта протокола навязаны Юнгерту реакционными кругами Будапешта, близкими к регенту и враждебно настроенными в отношении СССР. Д. Бути с досадой говорил о напрасных осложнениях, которые вносятся венграми в переговоры с Советским Союзом. Он сообщил, что откровенно высказал М. Юнгерту: предложения, основанные на берлинских переговорах 1924 г., явно устарели и теперь неуместны; если венгерская сторона настаивает на протоколе, ей следует внести в него лишь самое актуальное⁵⁶.

В. П. Потемкин отмечал, что не подлежит сомнению заинтересованность итальянцев в скорейшем соглашении СССР с Венгрией: "не исключено, что в силу этого они будут пытаться воздействовать на Юнгерта и здешнюю венгерскую миссию, дабы побудить их к большей сговорчивости"⁵⁷.

Говоря о беседе с Д. Бути, М. Юнгерт-Арноги сообщил министру иностранных дел Венгрии К. Кане: позиция Италии в ходе переговоров, скорее всего, будет направлена на то, что-

бы мы отказались от своих требований, которые итальянцы считают устаревшими⁵⁸. Он пытался выяснить причину такой позиции Италии. Она попала, по мнению Арноти, в очень щепетильное положение в отношениях с Москвой, спровоцировав неприятное впечатление своей политикой в отношении Германии и “пакта четырех”. Сыграли свою роль поворот России в сторону Франции и двойственное поведение Турции. “Тем, что нас ведут в Москву, хотя это и в наших интересах, они хотят упрочить там свою позицию. . . привести в Москву укрощенным самого одержимого советского противника”⁵⁹.

Против этого венгерская сторона, естественно, возражать не могла, ибо упрочение итальянской позиции было и в ее интересах. М. Юнгерт заверил Д. Бути, что после установления дипломатических отношений Венгрия “сразу направит посланника в Москву и изучит возможность учреждения там миссии”. Итальянцы хотят делать услуги не только нам, но одновременно и русским, как записал Юнгерт в дневнике⁶⁰.

26 января 1934 г. итальянский посланник в Венгрии Дон Аскания Колонна посетил министра иностранных дел Венгрии К. Каню и выразил мнение, что те политические преимущества, на которые венгерская сторона возлагала надежды с установлением русско-венгерских дипломатических отношений, невозможно будет осуществить, если она не решится на фактическое открытие миссии в Москве. Министр вновь сослался на отсутствие средств в бюджете и заверил Колонну, что Юнгерт сумеет активно сотрудничать в Анкаре с Сурицем и сможет оказать влияние, поскольку известно, что Суриц находится в тесных связях с М. М. Литвиновым и обладает весом в советском правительстве. Между прочим, сообщал Каня, Юнгерт будет несколько раз в году посещать Москву. По мере же финансовой возможности венгерское правительство направит постоянную миссию в Россию⁶¹.

Вряд ли такой ответ удовлетворил МИД Италии. Между тем 27 января полпред Потемкин пригласил к себе Юнгерта и сообщил ему о прибывших из Москвы инструкциях относительно советско-венгерских переговоров (переговоры В. П. Потемкина с М. Юнгертом состоялись 27, 31 января и 3 февра-

ля). Согласно инструкциям, М. М. Литвинов принял текст обмена нотами и выразил желание, чтобы в нем было указано, что соглашение “вступает в силу со дня подписания”; к “дипломатическим” следует добавить — “и консульские” отношения; ноты как советской, так и венгерской стороны должны быть идентичны.

Он принял и формулу протокола⁶², а также ст. 2, 3, 4, 9, 10, 11 в предложенной формулировке. Юнгерт пишет, что принятие ст. 9–11 оказалось для него большой неожиданностью, он отметил в связи с этим, что, видимо, русские серьезно и быстро желают осуществить дело⁶³.

В отношении ст. 1 протокола нарком принял из нее только первое предложение. Он желал, чтобы миссии были открыты сразу. Этим он хотел избежать кривотолков в общественном мнении, что якобы две страны только формально установили отношения. Он хотел наладить взаимную дипломатическую работу, для чего необходимо было сразу открыть миссии в Москве и Будапеште.

Юнгерт вновь пытался обосновать свою позицию отсутствием финансовых средств, которые правительство без парламента не сможет выкроить и в новом бюджетном году, а тот скорее готов был закрывать дипломатические миссии, чем открывать новые. Как сообщал Юнгерт, “приятный собеседник” Потемкин зафиксировал эти трудности и обещал сообщить о них наркому Литвинову.

В отношении же численности миссий Н. Н. Крестинский просил увеличить число лиц советской миссии с 14 до 20 человек, а венгерской — с 10 до 14. Юнгерт это предложение отклонил и сообщил, что по опыту 1924 г. знает, что это может только спровоцировать затяжные переговоры без того, чтобы венгерское правительство могло уступить. Потемкин обещал, что предложит оставить первоначальный вариант⁶⁴.

В тот же день М. Юнгерт–Арноти сообщил в Будапешт о всех существенных моментах переговоров с Потемкиным, в частности он подчеркивал, что полпред предложил опустить из ноты пассаж об отсрочке открытия миссий и спросил о воз-

возможности определения срока открытия их в начале нового финансового года, который начинается 1 июля⁶⁵.

Позиция Юнгерта, изложенная в телеграмме, была вкратце следующей: пока придерживаться прежнего текста. В случае достижения соглашения Венгрия немедленно направит в Москву представителя, который наряду с дипломатической работой изучит финансовые возможности открытия там миссии. Скорое появление в Москве венгерского посланника могло бы рассеять и опасения Литвинова в отношении международного общественного мнения.

Юнгерт сообщал и об обмене секретными письмами в связи с численным составом миссии и просил телеграфом дать указания относительно изменений в ноте, предложенных советской стороной, а также определить позиции по поводу немедленного установления миссий, назначения срока к 1 июля, возможности опустить из протокола ст. 5–8⁶⁶. Об этом Юнгерт написал в адрес К. Кани пространное письмо.

29 января Гельфанд сообщил Юнгерту о телеграмме из Москвы, в которой НКВД предлагал немедленно открыть миссии или назначить точную дату их открытия, поскольку предложение о назначении посланником аккредитованного и находящегося в другой стране дипломата, считает неприемлемым. Юнгерт передал содержание этой беседы Г. Апору в Будапешт и предложил устно или письменно обозначить начало нового финансового года сроком открытия миссий. При этом он добавил: “На практике же этот срок можно затем отодвинуть”⁶⁷.

30 января Юнгерт не смог ничего сообщить навестившему его советскому полпреду Потемкину, поскольку решение венгерского правительства на его телеграфный запрос пока не поступило. Во время этой встречи обменялись мнением по общим политическим вопросам. Потемкин советско-германские отношения оценил как плохие и заявил, что он знает назначенного в СССР германского посла Надолного как хорошего дипломата, который давно стремился попасть в Москву, но и он не сможет вернуть эти отношения в старое русло, ибо только способностей и хороших намерений недостаточно. До-

брая воля одного человека не может перебороть великую движущую силу мировой политики. Несмотря на дружеские заявления со стороны Германии, Москва не может доверять немцам. Юнгерт отметил, что Потемкин и в германско-польском договоре о ненападении видит антирусское соглашение.

Когда затронули положение в Центральной Европе, Юнгерт счел подходящим изложить позицию и взгляды венгерских правящих кругов. Он назвал ревизию в качестве одного из краеугольных камней внешней политики и пытался обосновать мирные возможности ее достижения. Изложил он и свое понимание отношения СССР к ревизии. Юнгерт обратил внимание на последнюю речь Литвинова в ЦК ВКП(б), в которой тот указал на несправедливости, которые были допущены, и выступил за их исправление мирным путем⁶⁸. Это, как отметил Юнгерт, “как раз наш случай”, и подчеркнул, что Венгрия желает отделить свою ревизию от германской. Ее проще осуществить, ибо Венгрия не посягает ни на чье государственное существование, речь идет только о том, что мы хотим воссоединить с родиной тех венгров, которые проживают в соседних государствах.

31 января М. Юнгерт-Арноти получил на свой запрос инструкции правительства. В них давалось согласие на ряд изменений в ноте, в частности на то, что ст. 5–8 протокола могут быть опущены, но предлагалось настаивать на ранее согласованной численности посольств. Вновь подтверждалось, что учреждение миссии с венгерской стороны невозможно по финансовым причинам. Избежать неблагоприятного впечатления можно путем назначения его (Юнгерта) посланником в Москву немедленно после вступления в силу соглашения. Между прочим, сообщалось, что частыми его поездками в Москву и постоянным контактом с Сурицем желают поддерживать тесные связи с СССР.

К. Каня подчеркивал, что он придает большое значение тому, чтобы открытие миссий в Будапеште и Москве отложить на более позднее время. Он просил Юнгерта склонить советского представителя к принятию этого аргумента. В крайнем случае, если венгерская позиция будет угрожать срыву пе-

реговоров, Юнгерт получил полномочия пообещать учредить венгерскую миссию в начале нового финансового года, т. е. 1 июля. Но тут же К. Каня отметил: “Надеюсь, что черед этому не наступит”⁶⁹.

С этими указаниями Юнгерт прибыл в советское полпредство, где встретился сначала с Потемкиной, а затем с ним и Гельфандом. Как утверждал венгерский представитель, с советской стороны с удовлетворением восприняли сообщение об уступках венгерской дипломатии. Он вновь убеждал Потемкина в том, что из-за финансовых обстоятельств Венгрия не может выслать немедленно миссию в Москву, что его правительство готово поддерживать сотрудничество путем его, Юнгерта, частых поездок в Москву и тесным контактом с Сурицем в Анкаре. Однако В. Потемкин констатировал, что в телеграмме Литвинов требует немедленно учредить миссии. На этот раз приводился и другой аргумент в пользу открытия миссий, а именно настроение советской общественности: у нее может возникнуть впечатление, что венгры из-за прежнего негативного отношения к Советской республике или коммунизму не пускают советскую миссию в Будапешт.

Потемкин очень гордился этим доводом, как отметил в своем дневнике Юнгерт, однако венгерский представитель заявил, что советский посланник в Вене может немедленно приехать в Будапешт, а “я — венгерский — в Москву”, и все будут удовлетворены. По мнению Юнгерта, Потемкин после этого “чувствовал себя побежденным и хотел бы пойти на уступки, но не мог”⁷⁰. Он только ответил, что если венгерское правительство немедленно посылает Юнгерта в Москву, это положительный момент. При этом Потемкин добавил, что, может быть, Москва и согласится на учреждение миссии с 1 июля, но на большее рассчитывать не приходится.

Юнгерт направил телеграмму в Будапешт, в которой отметил, что Потемкин обещал рекомендовать Москве принять позицию Венгрии (хотя, как отмечено в его дневнике, Потемкин излагал позицию советской стороны по-другому), и закончил так: “Если советское правительство, несмотря на это,

отклонит предложение, не остается ничего, кроме как решить дело установлением срока июльского”⁷¹.

Между тем венгерского министра иностранных дел беспокоил текст коммюнике для печати об установлении дипломатических отношений. К. Каня считал, что готовить его следует в Будапеште. Но предложенный вариант был значительно переработан: итальянская и советская стороны не хотели отмечать инициативу Муссолини и Италии вообще в этом деле, считая, что сам факт проведения переговоров в Риме красноречиво говорит сам за себя⁷².

Эти переговоры велись в то время, когда создавалась Балканская Антанта. Поэтому неудивительно, что Юнгерт часто возвращался к международным проблемам. 3 февраля в беседе с Потемкиным Юнгерт–Арноти критиковал позицию Турции и Рюштю–бея в балканском вопросе. Он считал, что Грецию, Болгарию, Турцию и Венгрию нужно бы связать, а Сербию и Румынию оставить там, где они находятся, т. е. в Малой Антанте. Потемкин, как пишет Юнгерт в своем дневнике, не одобрял эту политику. Россия дала Рюштю–бею полную свободу действия, а он возомнил, что сможет примирить Балканы. Потемкин подчеркнул, что план Балканского пакта Рюштю–бея вполне во французском духе. По его мнению, итадо–турецкие отношения не очень искренние. Муссолини пообещал дать кредиты Турции, но затем не дал. Турки самолюбивы, поэтому они с осуждением восприняли этот поступок⁷³.

Юнгерт принял переданное ему Потемкиным сообщение из НКВД СССР к сведению и заметил, что такая позиция Москвы делает для венгерского правительства невозможным установление отношений. Венгерский представитель сомневался в том, что Потемкин верил в возможность правительства Венгрии раздобыть немедленно финансы, нужные для открытия миссии⁷⁴. В своем дневнике Юнгерт–Арноти записал: “Предвижу, что мое правительство вынуждено будет уступить. Каня будет рассержен. Но ведь я сейчас достиг большего, чем в 1924 г. Если же регент не хочет разрешать, чтобы советская миссия прибыла в Будапешт, тогда не нужно было принимать инициативу Муссолини. . . Теперь же даже итальянское прави-

тельство встало в данном вопросе на сторону русских, т. е. против нас”⁷⁵.

После беседы с Потемкиным Юнгерт направил в Будапешт телеграмму, в которой, между прочим, отметил, что советское правительство в вопросе установления миссий определило срок 1 июля. В телеграмме Литвинов подчеркнул, что “русское правительство дальше этого не может идти и не пойдет”⁷⁶. Юнгерт отметил, что в переговорах достигнут максимум возможного. Дальнейшее форсирование венгерских требований может привести к срыву переговоров. Он просил дать указание, настаивать ли на прежних требованиях или подписать ноту. Если Будапешт решится на последнее, то он предлагал в первый абзац ноты вписать: “к 1 июля 1934 г. “

Юнгерт, естественно, не знал о той борьбе, которая велась в Будапеште вокруг установления дипломатических отношений с СССР. 5 февраля в ожидании ответа из столицы он записал в дневнике: “Из Будапешта никаких известий”. Далее следовали его рассуждения о том, что еще раз нужно заявить регенту, что нельзя избежать учреждений миссий. Действительно, Кая не подготовил регента и правительство к тому, что следует считаться с тем, что естественным следствием установления дипломатических отношений будет учреждение миссий. “Я был прав, — записал Юнгерт, — что дело нужно было обсудить у премьер-министра, где я мог бы открыто высказать свое мнение”.

Позже, возвратившись в Будапешт, полномочный представитель Венгрии узнал, что вопрос о миссиях обсуждался на совещании у регента. К. Кая сообщил Хорти, что уже был период, когда он думал, что придется отказаться от всего. Когда на совещании у регента Кая прямо сказал о своем намерении прекратить борьбу, Хорти неожиданно заявил, что раз начали, то следует дело довести до конца. Он уже был настроен на это⁷⁷. Так фактически было снято единственное препятствие на пути установления дипломатических отношений с СССР. Все надуманные доводы развеялись в один миг.

Вечером 3 февраля Юнгерт получил телеграмму с полномочиями подписать подготовленные документы. На следую-

ший день, т. е. 6 февраля 1934 г., в полдень в посольстве СССР в Италии были подписаны три документа: ноты об установлении дипломатических отношений, протокол и секретные письма о численном составе миссий. Первый документ датирован 4 февраля, а два остальных 6 февраля.

В нотах, которыми обменялись полномочный представитель СССР в Италии посол В. П. Потемкин и специальный уполномоченный венгерского правительства посланник Венгрии в Турции М. Юнгерт-Арноти, сообщалось о решении обеих сторон установить с момента настоящего обмена нотами нормальные дипломатические и консульские отношения и учредить дипломатические представительства. Правительства двух стран выразили твердую надежду, что «установление отношений между нашими народами» будет способствовать поддержанию дружественных связей между ними и делу всеобщего мира⁷⁸.

Было согласовано коммюнике и решено одновременно опубликовать его в печати в Риме, Москве и Будапеште, причем протокол в Советском Союзе не публиковался, а Венгрии предоставлялось право поступать в этом вопросе по своему усмотрению. В тот же день М. Юнгерт-Арноти послал в Будапешт зашифрованную телеграмму, в которой сообщал, что 6 февраля в 2 часа дня он с послом Владимиром Потемкиным в дворце посольства подписал три документа, относящиеся к установлению венгерско-русских дипломатических отношений. Дата 4 февраля на нотах, отметил он, была поставлена по желанию русского правительства, что, «с нашей точки зрения, не имеет никакого значения»⁷⁹.

Поскольку переговоры в Риме велись втайне от общественности, опубликование в печати известия об установлении дипломатических отношений Венгрии с Советским Союзом стало сенсацией. М. Юнгерт-Арноти вклеил в свой дневник вырезку из газеты «Мессаджеро» от 7 февраля 1934 г. На следующий день в своем дневнике он отметил, что близкая к правительству печать в Будапеште одобряет соглашение и придает ему политическое значение. «Мадяршаг» еще не знает, ру-

гать или хвалить, “Мадяр немзет” сильно, но неуклюже нападет на правительство⁸⁰.

Итальянские, немецкие и болгарские газеты также сообщали об этом факте как о шаге большого дипломатического значения. “Мессаджеро” поместила дипломатический комментарий, проследив важнейшие внешнеполитические шаги Венгрии в послевоенный период, в том числе венгерско-итальянский договор 1927 г.

7 февраля 1934 г. все венгерские газеты как о великой сенсации сообщили об установлении венгерско-советских дипломатических отношений. Все они поместили официальное разъяснение Венгерского телеграфного агентства о том, что еще Австро-Венгерская монархия, заключив Брест-Литовский мир, признала советское правительство России. Однако Венгрия не находилась с ней в дипломатических отношениях, хотя с целью установить их велись в 1924 г. в Берлине переговоры, которые не привели к окончательным результатам по чисто внутренним причинам, ничем не обоснованным во внешней политике. Внешнеполитические интересы СССР и Венгрии, как отмечалось в официальном разъяснении, во многом совпадают или могут быть согласованы в едином русле. Мысль о нормализации отношений между двумя странами, особенно по экономическим соображениям, возникла на заседании внешнеполитических комиссий венгерского парламента осенью 1933 г. и поднималась в период последнего посещения народным комиссаром иностранных дел СССР Рима. Теперь переговоры М. Юнгерта-Арноти с полпредом Потемкиным в Риме являются продолжением прерванной нити переговоров в Берлине 1924 г. В газетах отмечалось, что переговоры начались 22 января и завершились успехом — установлением дипломатических отношений между двумя странами, что открыло путь нормальному торговому обмену; для продолжения торговых переговоров в ближайшее время направится в Москву венгерская делегация⁸¹.

“Мадяршаг” остановилась на дипломатических возможностях, полученных Венгрией в результате достигнутых соглашений в Риме. Газета напоминала, что, когда венгерское пра-

вительство направило Юнгера–Арноти посланником в Анкару, уже тогда она отметила, что начинаются переговоры с Советским Союзом и К. Каня желает осуществить свою мечту 1924 г., не осуществленную из-за сопротивления общественного мнения и правящих партий. Далее в газете говорилось, что сегодня, когда целый ряд европейских государств признал Советский Союз, в том числе правительства Муссолини, Гитлера и Дольфуса, Каня счел подходящим осуществить свой замысел. Но решение правительства поставило в тяжелое положение Национальную партию единства, которой предстояло взять на себя политическую ответственность за этот шаг. Эта партия теперь указывает, что Венгрия получила большие дипломатические возможности. За спиной Малой Антанты, особенно Чехословакии и Румынии, она может получить дипломатическую поддержку России и сорвать попытку Малой Антанты окружить ее. Газета выражала надежду, что, поскольку Советская Россия не подписала мирные соглашения, заключенные в Версале, она может поддержать требование ревизии Трианонского договора, если этот вопрос будет поставлен в Лиге наций. В кругах правящей партии особое внимание обращали на то, что переговоры проходили при посредничестве Турции и Италии. Газета “Уйшаг”, между прочим, отметила: подписание соглашения в Риме свидетельствует о том, что оно не противоречит внешнеполитическим замыслам Муссолини.

Газета “Фюгтетленшег” посвятила этому вопросу более двух полос, в том числе передовую под заголовком “Путем реализма”. В ней подчеркивалось, что Венгрия не может идти против всего мира и “принципиально защищать почетный анахронизм”. Венгрия проявила готовность (сохраняя христианское мировоззрение и шовинистические представления), идя на уступку велению времени, осуществить то, что задумал еще Бетлен. Газета обращала внимание на то, что осуществило правое правительство Дюлы Гёмбёша, которому “нужно было решать исторический вопрос в условиях окружения урезанной Венгрии странами Малой Антанты и Балканским блоком и обеспечить себе поддержку на Востоке”⁸².

В газете “Фюггетленшер” проводилась идея о большой победе с точки зрения безопасности страны, поскольку “внешняя политика России стоит на позиции ревизии” мирных договоров, заключенных в Версале. Отмечалось и большое значение этого акта с экономической точки зрения. Установление дипломатических отношений с СССР, как отмечали руководители промышленной и сельскохозяйственной палат Пал Фелшнер и Михай Коош, открывает новые возможности, новые рынки для венгерских товаров.

“Будапешти хирлап” отмечала, что установление нормальных отношений с Советским Союзом не является неожиданным или изолированным шагом со стороны Венгрии, а естественным результатом и логическим следствием происходящих перемен в отношении к большевистской России во всей Европе, а в последнее время и в Америке. В Европе осталось лишь несколько малых стран, в том числе три страны Мялой Антанты, которые не решились на это.

Газета опровергала слухи о том, что Венгрия, установив дипломатические отношения с СССР, отошла якобы от ревизионистской позиции и желала создания Балканской Антанты. Литвинов заявил о незаинтересованности в антиревизионизме. Автор статьи в “Будапешти хирлап” рассуждал и о том, что отношения установлены с советским государством, которое окрепло, а не с большевизмом, который ослаб и у него нет сил победить национализм, он представляет собой лишь политическую фантазию.

“Пешти наплю” наряду с официальными сообщениями и рассуждениями о полезности установления отношений обратила внимание на активизацию внешней политики Советского Союза, о больших его успехах после последних поездок Литвинова в Вашингтон, Рим, на конференцию в Лондоне. Советская Россия с ее 170-миллионным населением, с ее армией — это страна, с весом которой уже не могут не считаться ни в одном министерстве иностранных дел. А если Россия, как это видно из последнего заявления Сталина, вступит в Лигу наций, то ее политическая сила получит важную международную трибуну. Поэтому для Литвинова широко открыты двери в

Лондоне, Париже, Нью-Йорке и даже Берлине. Позицию СССР упрочили и заключенные полгода тому договоры о ненападении почти со всеми соседями. После этого страны Малой Антанты всеми силами стремятся примириться с Россией. Но это не привело к успеху даже на конференции в Загребе. И сегодня ни Чехословакия, ни Югославия, ни Румыния не признали де-юре Советский Союз. В этой газете высказывалась мысль, что именно вытекающая из этого неуверенность привела к созданию Балканского блока, острие которого направлено не только против Венгрии, но и против России. Поскольку в правящих кругах долгое время объясняли отказ от установления нормальных отношений с СССР страхом возможной пропаганды с территории советской миссии в Будапеште, то на этот раз проправительственные издания считали, что это невозможно в новых условиях.

Газета же Христианской хозяйственной партии продолжала пугать население возможностью именно усиления коммунистической пропаганды. Она выступила против нормализации отношений с Советским Союзом. В первый же день, как только стало известно о подписании документов в Риме, газета "Немzeti уйшаг" утверждала, что "христианское общественное мнение обязательно резко это осудит и отвергнет". Она считала, что правящие круги не ответили на вопрос, зачем и почему это было нужно. По ее мнению, у Венгрии нет ни экономических интересов, нет у нее и колоний, ни мировых политических амбиций, которые каким-либо способом могли бы обусловить решение правительства. Газета утверждала, что и США признанием СССР совершили себе хакари и посрамили весь христианский мир. Но это еще можно объяснить их отношениями с Японией, а у Англии есть Индия. У манчестерской фабричной промышленности или у Уолл-стрита есть большие дела, которые они хотели бы осуществить вместе с Советами. И такие два больших государства, как Франция и Германия, с их противоречиями в своей большой игре временами разыгрывают друг против друга карту соглашения с Советским Союзом. Советские же посольства в других странах

ведут подрывную работу, занимаются подстрекательством против государств, их общественного строя, наций и культур.

Затем автор статьи в “Немzeti уйшаг” писал, что другие страны еще не знают, что такое большевизм, “а мы познали его на собственном опыте 133 дней, когда советы пытались нас растерзать”.

Христианская партия считала, что установление дипломатических отношений с Советским Союзом во внутренней политике Венгрии станет препятствием к достижению национального единства, за создание которого столь настойчиво ратовало правительство. По мнению сторонников этой оппозиционной партии, признание Советского Союза вызвало в политических кругах большое беспокойство, оно усилилось в результате неожиданного созыва совещания правящей Национальной партии единства; замешательство стало всеобщим. В христианской партии в отличие от правящей партии самым активным образом выступили против нормализации отношений с СССР. Руководство ее решило изложить свою позицию в парламенте, в комиссии по иностранным делам. Лидер этой партии К. Вольф тут же заявил корреспонденту газеты “Немzeti уйшаг”: “Было бы большой наивностью полагать, что связь с Советским Союзом предоставит Венгрии какие-либо торговые преимущества”. Он утверждал, что СССР и международный капитал понимают друг друга, и признал, что “некоторые страны” уже заключили торговые соглашения с Советским Союзом, но с точки зрения пропаганды “это очень опасно”. Данный вопрос в комиссии по иностранным делам поднимался не раз, но К. Вольф все время считал его опасным. Его поражало то, что премьер-министр Д. Гембей “со своими взглядами, которых он придерживался в прошлом”, согласился на этот “сомнительной ценности” шаг. К. Вольф укорял правительство за то, что теперь в Венгрии будет место, где под видом экстерриториальности смогут скрываться от полиции обвиняемые коммунисты.

В “Мадярорсаг” сообщалось, что К. Вольф, а также признанный знаток Советской России Бела Фабиани подадут в парламенте интерпелляцию; “Что побудило Венгрию устано-

вить отношения с Россией?” и “Какие гарантии, что она не будет вести пропаганду в Венгрии?”⁸³. Газета “Мадяршаг” озаглавила свою статью так: “Оппозиция готовится к острой борьбе против соглашения об установлении дипломатических отношений между Венгрией и Россией”.

Против этого соглашения выступила и либеральная оппозиция, руководимая Кароем Рашпаи. Высказывали опасения и некоторые члены правящей Партии национального единства. Газета “Эшти курир”, ссылаясь на высказывания ряда участников совещания правящей партии, отмечала, что они “не с симпатией” принимают соглашение, “только ссылка на дипломатические соображения сдерживает их антипатии и аргументы против” налаживания нормальных отношений с СССР⁸⁴.

“Уй немзедек” собрала воедино высказывания контрреволюционеров, пострадавших в период Венгерской советской республики. Ее корреспондент привел интервью приговоренного к смерти за контрреволюционную деятельность в Солноке Андраша Эньеди, а также подобных ему лиц в Дьендьеше, Эгере, Чорне, Дунафелдваре, Дунапатае, Сентэндре, Чесаре, Сексарде, которые высказывались против соглашения, считая его “опасным экспериментом”, “игрой с огнем”⁸⁵.

8 февраля 1934 г. состоялось расширенное заседание (совещание) руководства правящей Партии национального единства, на котором выступил Калман Каня. Он рассказал о том, что побудило правительство установить дипломатические отношения с Советским Союзом, выделив внешнеполитические, экономические и общенациональные интересы. После выступления графа Дюлы Кеглевича высказался и премьер-министр Д. Гёмбёш⁸⁶. Председатель Партии национального единства Шандор Странявски, поддерживая поставленный на повестку дня вопрос, заявил, что во внешней политике необходимо руководствоваться не настроениями и чувствами, а интересами нации, что и сделало “смелое и ответственное правительство Гёмбёша”⁸⁷. В результате в правящей Партии национального единства заключение соглашения об установлении диплома-

тических отношений с СССР было поддержано без открытого возражения.

Среди тех, кто поддерживал установление нормальных отношений с СССР, был и бывший премьер-министр Иштван Бетлен, который в 1924—1925 гг. не смог провести через парламент соглашение от 1924 г., столкнувшись с сопротивлением правительства и регента М. Хорти. На этот раз он опубликовал большую статью⁸⁸. Установление нормальных дипломатических отношений Бетлен считал нужным прежде всего с политической точки зрения, ибо Россия в последнее время начала играть, несомненно, большую роль в мировой политике. Установление связи России с Францией, поездка Э. Эррио через Софию в Москву, русско-польский договор, а также договор о ненападении России с рядом других стран наглядно показывают, что СССР на своем западном фронте сумел развернуть успешную дипломатическую деятельность. К успеху привело и стремление России в противовес спорам с Японией договориться с США и добиться дипломатического признания с их стороны. Бетлен считал нужным указать и на то, что деятельность СССР в Женеве на конференции по разоружению — это свидетельство того, что “Русская империя” стоит на пути к тому, чтобы и в политике Лиги наций рано или поздно получить большую роль.

Трезвая оценка всех этих обстоятельств, по мнению Бетлена, делает для Венгрии невозможным игнорировать этот фактор, который уже нельзя сбросить со счетов в мировой политике, как и ту роль, которую в ближайшем будущем будет играть Россия. И Малая Антанта ведет с ней переговоры в интересах установления нормальных дипломатических отношений. В интересах Венгрии было опередить страны Малой Антанты и установить нормальные отношения с Россией. Именно этому требованию соответствует опубликованное решение, которое несомненно означает внешнеполитический успех венгерского правительства.

И с экономической точки зрения Бетлен считал желательным установление этих связей, ибо и в этой области Венгрия не могла игнорировать те возможности, которые открываются

перед промышленным и сельскохозяйственным экспортом. Установление дипломатических отношений при наличии соответствующих условий в значительной мере может поддерживать наш экспорт в Россию, особенно принимая во внимание, что дунайский путь подходит для обмена товаров в этом направлении. В результате Венгрия получит большую свободу вывоза, а венгерская торговля, промышленность и сельское хозяйство будут иметь большие возможности, что ни в коем случае нельзя приуменьшить сегодня, когда со всех сторон воздвигаются таможенные барьеры на пути венгерского экспорта. Племенной скот, лошади, посевное зерно, фруктовые саженцы, продукция сельскохозяйственного машиностроения и др. могут найти значительный рынок сбыта в России, в каком размере — это зависит от договаривающихся сторон и их взаимопониманий.

Установление дипломатических отношений с СССР И. Бетлен считал желательным и потому, что был уверен в способности правительства обеспечить, чтобы “пропаганда III Интернационала не нашла почву в Венгрии”⁸⁹.

Газета И. Бетлена опубликовала также мнения руководителей экономики страны, в том числе Антала Эбера, председателя Будапештской промышленной и торговой палаты, Ференца Хорина, члена верхней палаты парламента, председателя Всевенгерского союза заводчиков и фабрикантов, а также директора этого Союза, депутата парламента Микши Феньё. Они одобряли установление дипломатических отношений с Советским Союзом в надежде использовать российский рынок для размещения венгерских промышленных и сельскохозяйственных товаров⁹⁰.

В Венгрии тех дней большое значение придавали откликам на этот акт за рубежом, прежде всего в Италии, Германии, да и в соседних странах. Об успехе венгерского правительства писала итальянская печать: “Трибуна”, “Лаворо фашиста” и др. Главный редактор “Джорнал д’Италия” Гайда одобрял эту “реальную политику” по трем причинам: во-первых, Италия уже с 1921 г. находится в нормальных и дружественных отношениях с московским правительством и в то же время Венгрия

— одна из ее близких друзей; во-вторых, Италия давно отвергла несправедливую политику, направленную на изоляцию России, в-третьих, венгерско-советский договор — это не чисто венгерское, а общеевропейское дело⁹¹.

Аналогично высказывалась и немецкая печать. Но если газета “Берзенцайтунг” особое внимание уделила мысли, что Венгрия подписала соглашение в противовес Балканскому пакту, осуществленному без Болгарии и Албании, то “Дойче альгемайне цайтунг” оценивала соглашение, подписанное в Риме, как противовес антиревизионистскому подходу стран Малой Антанты. “Берлинер тагеблат” считала, что этим актом прежде всего перечеркнуты расчеты Малой Антанты; Венгрии с Италией удалось упредить своих противников на юго-востоке. “Келнише цайтунг” отмечала, что этот поворот полностью соответствует замыслам Муссолини⁹².

Австрийская печать, в том числе “Винер нойсте нахрихтен”, подчеркивала, что полностью потеряла почву пропаганда, якобы Россия перешла на антиревизионистскую позицию, а “Нойе фрае прессе” отметила то большое значение, которое придает Венгрия экономическому прогрессу⁹³.

Некоторые болгарские газеты предлагали своему правительству последовать венгерскому примеру⁹⁴. Румынская печать писала, что венгерско-советские переговоры велись в Риме в обстановке полной секретности, и делала вывод, что этот дипломатический успех Венгрии предполагает быть шахматной игрой против планов Малой Антанты⁹⁵. Лондонская “Таймс” отмечала спокойствие и прочное внутреннее положение Венгрии, роль ее полиции, “подавлявшей коммунистическое подстрекательство”, и выражала уверенность, что она справится и с еще большим врагом — большевизмом⁹⁶.

9 февраля венгерский посланник в Германии Силард Маширевич встретился с Константином фон Нейратом, министром иностранных дел Германии, который заявил, что немецкая сторона установление советско-венгерских отношений считает отрадным явлением. Герхард Кепке, руководитель политического отдела МИД Германии, также подчеркнул, что Германия с радостью принимает этот шаг, он напомнил, что

еще в бытность Калмана Кани посланником в Берлине с немецкой стороны рекомендовали уладить советско-венгерские отношения как только позволит венгерское внутривластическое положение⁹⁷.

8 февраля 1934 г. М. Юнгерт-Арноти встретился с заместителем министра иностранных дел Италии Фулвио Сувичем и обсудил с ним вопрос о сотрудничестве двух посольств (венгерского и итальянского) в Москве. Затронули также и германо-советские "неудовлетворительные", с венгерской точки зрения, отношения изменения в которых пока не предвиделись⁹⁸.

10 февраля К. Каня и Д. Гёмбёш информировали комиссию по иностранным делам палаты представителей венгерского Государственного собрания о соглашении. За исключением Кароя Вольфа, Кароя Рацшаи и Иштвана Фридриха, все одобрили установление дипломатических отношений с Советским Союзом. Даже Тибор Экхардт полностью поддержал его⁹⁹.

12 февраля министр иностранных дел Калман Каня на закрытом заседании комиссии по иностранным делам верхней палаты парламента изложил те доводы, под влиянием которых правительство решилось на этот шаг. Не рассчитывая на поддержку парламента, он подчеркнул, что эти доводы по своей природе не годятся для того, чтобы на пленарном заседании стали предметом дискуссии.

Он упомянул о парафированном в 1924 г. соглашении, переговоры о котором велись с представителями Советского Союза. О причинах того, почему договор и соглашения не были ратифицированы (даже на закрытом заседании комиссии парламента он не решился рассказать о позиции М. Хорти), К. Каня заявил: наступило время вновь вернуться к этому вопросу.

Он сообщил членам комиссии, что все великие державы признали Советскую Республику исходя из того, что неразумно не принимать во внимание государство со 150-миллионным населением, особенно тогда, когда эта огромная империя все в большей мере интересуется европейскими делами, часто

принимает участие в международных конференциях и оказывает возрастающее влияние на ведение европейских дел. Сегодня уже и те державы, которые в свое время и слышать не хотели о Советах и у себя дома беспощадно подавляли и сегодня подавляют всякое малейшее коммунистическое движение, изменили свое мнение, и многие из них ищут дружбы с Советским Союзом, несмотря на то, что мировоззренчески они от него далеки. "И нас внутривполитически от советской системы отделяет пропасть, которую ничто не может преодолеть"¹⁰⁰.

Это всем ясно, однако противоречия мировоззренческие и вытекающие из государственной формы, никогда не могли оказать решающего влияния на межгосударственные отношения. В современной истории много тому примеров.

Но мы не только потому решились установить дипломатические отношения с Советским Союзом, заявил Каня, что он, так сказать, вошел сейчас в моду и с Москвой ищут дружбы вследствие роста его влияния великие и малые державы. Есть еще одна важнейшая причина. Очень прискорбно, но несомненный факт, что Венгрия из-за своих национальных устремлений находится в состоянии постоянной тяжелой борьбы с Малой Антантой, один из ведущих руководителей которой недавно в Копице решительно заявил, что "ревизия означает войну"¹⁰¹. Каня констатировал, что в последнее время отношения между Венгрией и Малой Антантой вследствие активности противоположной стороны значительно обострились. Малая Антанта стремится привлечь Россию на сторону антиревизионистского фронта, а ее политики, в частности Титулеску, развивают активную деятельность вокруг создания Балканского пакта, надеясь тем самым упрочить идеи неизменности границ.

В навязанной Венгрии тяжелой дипломатической борьбе нельзя позволить себе роскошь не принять во внимание 150-миллионную страну с ее возросшим авторитетом и толкнуть ее в объятия противника, "ведущего против нас беспощадную борьбу". Уже в официальном коммюнике было отмечено, что во внешнеполитическом плане между Москвой и Будапештом нет противоречий. Многие скажут: Советский Союз, который

ранее не признавал договоров Версальской системы и даже объявил против них беспощадную борьбу, в прошлом году смелым поворотом направил внешнюю политику в новое русло и присоединился к так называемому антиревизионистскому блоку. К. Каня доложил, что осведомлен о появлении в московской официальной печати статей, которые наглядно подтверждали эти взгляды. По его мнению, столь однозначное утверждение не соответствует действительности. Несомненно, что советская внешняя политика в прошлом году значительно изменилась. Однако было бы ошибочно делать вывод, что советское правительство якобы отказалось от своих основных внешнеполитических принципов. Министр сослался на высказывание наркома М. М. Литвинова, в котором отмечалось, что почти все международные проблемы затрагивают или могут затрагивать Советский Союз, как, например, вопрос о ревизии границ. Советский Союз выступал против мирных договоров и не скрывал своей симпатии к тем нациям, по отношению к которым мирные договоры совершили откровенную несправедливость. Исходя из этого, СССР не имел ничего против ревизии, естественно, при условии, если она проводится мирным путем.

К. Каня обратил внимание комиссии еще на один, с его точки зрения, важный момент. Большевизм сознательно порвал со всеми традициями и беспощадно вытравил все, что напоминало старые времена. В результате этого порвал он и с панславизмом, т. е. с тем политическим направлением, которое в течение многих лет полностью господствовало во внешней политике русских царей. Насколько это верно, показывает позиция отдельных славянских государств, которые связаны с русским народом давними и теплыми узами дружбы. Несмотря на то, что их правительства постоянно ищут поддержки в Москве в борьбе против ревизионизма, несмотря на то, что они в прошлом году подписали с Советской Россией договоры о ненападении, эти государства с большим трудом могут решиться на восстановление дипломатических отношений с Москвой.

В Праге против этого выступает партия национальных демократов во главе с К. Крамаржем, которые надеются ожив-

лением панславизма упрочить государственную жизнь. В Белграде до сих пор королевская семья и правительство уклоняются от признания Советского Союза, ибо они достигли успеха лишь благодаря поддерживавшемуся довоенными русскими правительствами панславизму. Все свои амбициозные устремления они полагают осуществить путем возрождения этого панславизма, шансов на восстановление которого в современной России нет. К. Каня утверждал, что и в Советском Союзе, несомненно, есть свой империализм, но он не панславистского характера. Это подтверждается, по его мнению, тем обстоятельством, что Польша в полном противоречии с Прагой и Белградом уже нашла способ примирения с Советским Союзом, более того, как на днях заявил министр иностранных дел Ю. Бек, уже поддерживает с ним дружеские отношения, с целью их углубления он в ближайшее время посетит Москву.

Министр иностранных дел в своем докладе остановился и на румынско-советских отношениях, которые долгое время были напряженными. Их несколько смягчил договор о ненападении, подписанный в 1933 г., хотя неуверенность румын он не рассеял, несмотря на обязательство Москвы не применять оружие против Румынии, ибо она не отказалась от Бессарабии.

Определенную роль в подписании соглашения о нормализации венгерско-советских отношений сыграли теплые, почти союзного характера связи между Советским Союзом и Турцией. Последняя с большой радостью приветствовала нормализацию советско-венгерских отношений как осуществление ее старых пожеланий. Это приведет к еще теснейшим отношениям Венгрии с Турцией, в чем Венгрия, хотя не в ближайшее время, будет очень нуждаться, если бы осуществилась мечта Югославии и она объединилась с Болгарией (эти идеи сильны были в период режима Стамболийского) и на Балканах возникло бы 20-миллионное славянское государство. Оно угрожало бы и Турции, поэтому она борелась против подобного плана всеми мирными средствами.

Обобщая сказанное, К. Каня подчеркнул, что сделать шаг в сторону Москвы венгерское правительство побудила

объективная оценка действительного положения. Но этот шаг не означает проявления симпатий к большевизму, который “сейчас мы, как и прежде, отвергаем”¹⁰².

В отношении коммунистической агитации министр иностранных дел высказал мысль, что там, где уже есть советские миссии, эта агитация не сильнее. К тому же, успокаивал он членов комиссии, высокий уровень венгерской полиции является гарантом того, что такое движение будет задушено в зародыше. К. Каня не обошел молчанием и утверждение, что установление дипломатических отношений вызвано и экономическими причинами. Он довольно трезво заметил, что в “сегодняшнем мире” не очень-то можно достичь больших результатов, хотя не исключал возможности несколько расширить торговлю. При этом он предупреждал, что “было бы ошибкой связывать с ней чрезмерные надежды”¹⁰³.

В комиссии по докладу выступило шесть человек. Все они поддержали этот шаг правительства, считая его важным. Балог и Эндре Пуки, которые первоначально планировали выступить против, не критиковали этот шаг, хотя и высказали определенные опасения по поводу прибытия советской миссии в Будапешт¹⁰⁴.

Так, без серьезных осложнений правительству удалось на закрытых заседаниях парламентских комиссий (без перенесения дискуссии в Государственное собрание) считать совершение этого акта принятым общественностью.

К этому времени, по мнению М. Юнгера-Арноги, министр иностранных дел не занимался вопросом учреждения миссии в Москве. Он предложил К. Кане еще до июля послать кого-нибудь в Москву для установления контакта с русскими и выяснить, намерен ли М. М. Литвинов открыто сотрудничать с Венгрией или нет и во что обойдется открытие миссии в Москве. Исходя из этого, М. Юнгера-Арноги предлагал: если М. М. Литвинов готов к открытому сотрудничеству, тогда нужно послать в Москву одного из самых выдающихся венгерских дипломатов и большую миссию, если же нет, тогда следует учредить небольшое представительство во главе с тонким дипломатом, обладающим политическим чутьем. Ведь ко-

ридор, по которому можно идти вместе с русскими, не очень широк¹⁰⁵.

К. Каня обратил внимание на то, что в парламентской комиссии он выдвинул две задачи, которые нужно достичь в Москве: 1) не допустить, чтобы русские присоединились к антиревизионистскому фронту и 2) чтобы они “кооперировались с нами против Румынии на основе нерешенного бессарабского вопроса”¹⁰⁶. В отношении миссий К. Каня высказался в том смысле, что он не хочет, чтобы до июня прибыл кто-либо в Будапешт или из Венгрии кто-то выехал в Москву. Однако вскоре венгерская сторона свою позицию изменила, и в апреле посланники вручили верительные грамоты в Будапеште и в Москве. Правда, венгерской стороне удалось затянуть вопрос об открытии советской миссии в Будапеште до начала 1935 г., а венгерской в Москве — до конца того же года¹⁰⁷.

Об итогах переговоров с М. Юнгерт-Арноти В. П. Потемкин сообщил в Москву в своем донесении из Рима 15 февраля. Он отметил, что обеим нотам дана была совершенно тождественная редакция. “Предлагая такую унификацию нот Юнгерт, очевидно, руководствовался желанием избежать акцентирования венгерской инициативы в деле установления отношений между нашими странами”. В. П. Потемкин не возражал, считая достаточным тот факт, что венгерское предложение начать переговоры было передано через третью страну, т. е. Италию.

Полпред подчеркивал, что посредничество итальянцев объективно оказалось “для нас отнюдь не бесполезным”.

Потемкин высказался и о впечатлении: в дипломатических кругах в Риме, которое было далеко неодинаково. Турки радовались открыто. Если германский посол фон Хассел и австрийский представитель Ринтелен одобрили этот акт с точки зрения общих интересов своей политики, то о французе Шамблоне или представителях Малой Антанты “сказать это, разумеется, нельзя”¹⁰⁸.

Еще в феврале 1934 г. венгерский посланник в Берлине Силард Маширевич доносил в МИД Венгрии о посещении им советского полпреда Л. М. Хинчука в связи с нормализацией

отношений с СССР. Последний заявил, что в современных нестабильных условиях всем нужно объединяться. Маширевич отметил, что полпред разговаривал с ним как “хороший европеец”, который Советский Союз считает членом европейского сообщества.

Посланник сообщил Кане и об ответе Хинчука по поводу германско-советских отношений. Последний подчеркивал, что обе стороны желают, чтобы они были такими, как и прежде, но Москве не ясно, отказалась ли Германия от пропагандированного ранее плана “Дранг нах Остен”. В случае положительного ответа отношения могут быть такими хорошими, как и до прихода национал-социалистов к власти, в противном случае перспектив для этого нет¹⁰⁹.

Вручение верительных грамот временным поверенным в делах в Венгрии полпредом в Австрии А. М. Петровским прошло 9 апреля 1934 г. Тексты речей Хорти и Петровского не публиковались. Н. Н. Крестинский прислал текст речи для последнего с опозданием. В нем содержалось заверение о стремлении укрепления и углубления всестороннего сотрудничества между СССР и Венгрией¹¹⁰.

В письме заместителю наркома Н. Н. Крестинскому он отмечал, что его приезд в Будапешт явился исключительной сенсацией. Все газеты отвели этому событию много места, причем более солидные (“Пестер лloyd”, “Пешти наplo”, “Мадяршаг” и др.) держались вполне корректно. Явно враждебно вела себя только клерикальная пресса, она предупреждала советских представителей о недопустимости ведения коммунистической пропаганды.

На пресс-конференции венгерских журналистов интересовал вопрос об отношении СССР к ревизии границ. А. Петровский в ответ зачитал им выдержку из речи М. М. Литвинова, произнесенной им на сессии ЦИК СССР 29 декабря 1933 г., в которой отмечалось, что вопрос ревизии договоров как будто не касается СССР, ибо он не участвовал в них не только формально, но и морально. “Мы их не одобряли. Более того, мы не скрывали своих симпатий к тем народам, в отношении которых в этих договорах были совершены явные несправед-

ливости, и не нам поэтому возражать против ревизии этих договоров, но, конечно, только в том случае, если эта ревизия может иметь место мирным путем, на основе добровольных соглашений и если, устранив существующие несправедливости, она не создаст других и, может быть, еще больших несправедливостей”¹¹¹.

Журналисты заявили, что они удовлетворены позицией Советского Союза, и интересовались перспективой торговых отношений Венгрии с СССР. Но А. Петровский как перед журналистами, так и в беседах с официальными лицами — премьером Гёмбёшем и заместителем министра иностранных дел Андрашем Хори — уклонялся от ответа, ссылаясь на свою некомпетентность.

В связи с вручением верительных грамот А. Петровский беседовал с регентом Миклошем Хорти, премьер-министром Д. Гёмбёшем и дважды встречался с министром иностранных дел К. Каней. В беседе с последним А. Петровский осторожничал, имея информацию, что тот придерживается германской ориентации, но вскоре усомнился в этом, когда Кания “отзывался о нацистах довольно критически” и заявил о кровной заинтересованности Венгрии в независимости Австрии. На Петровского произвел хорошее впечатление “простой и живой” Д. Гёмбёш, с которым он беседовал больше часа, в основном о Советском Союзе. Из вопросов, касающихся советско-венгерских отношений, Д. Гёмбёш затронул лишь вопрос о торговле. Он сказал, что возобновление отношений с Советским Союзом потребовало от него преодоления больших трудностей и было бы очень хорошо, если бы СССР поддержал его теперь какими-нибудь, хотя бы единовременными покупками в Венгрии¹¹².

Нанося официальные визиты своим коллегам в Будапеште и принимая ответные, полпред выделил встречу с английским посланником Патриком Рамсеем и чехословацким посланником Милошем Кобром, выразившим “восторг по поводу моего ответа журналистам на вопрос о ревизии границ”. Судя по балканской прессе, этот ответ, как писал Петровский

(о сущности, цитата из речи наркома) “одинаково удовлетворил и ревизионистов и антиревизионистов”¹¹³.

В 20-х числах мая 1934 г. заместитель наркома иностранных дел Н. Н. Крестинский дал обед в честь назначенного в Москву венгерским посланником Михая Юнгерта-Арноти. Обедом в этот день с Н. Н. Крестинским венгерский посланник направил в МИД Венгрии донесение и просил разрешения прибыть в Будапешт для более детального устного доклада. В донесении Юнгерт отметил основные пункты беседы. В первую очередь он отмечал, что “русские на стороне ревизии”, но считают возможным ее осуществление мирным путем. Венгерский посланник в связи с этим заметил, что ревизия мирным путем возможна, если этого захотят великие державы, в том числе Советский Союз. В отношении Бессарабии Н. Н. Крестинский заявил: Советский Союз дал обещание не воевать за нее, но высказал мысль, что Румыния неспособна проглотить эту часть страны и “она рано или поздно возвратится к ним”.

Балканская Антанта, по мнению Крестинского, не восстановила порядка на Балканском полуострове, а Советский Союз, не желая быть втянутым в итало-югославский конфликт, стремится держаться в стороне от этого комплекса вопросов. СССР в принципе не возражает против вступления в Лигу наций, если заинтересованные западные страны его пригласят. В поиске гарантий против Германии Франция ищет путь соглашения с Россией. Н. Н. Крестинский информировал М. Юнгерта-Арноти о стремлении советской стороны к разоружению, но, поскольку Япония не склонна к этому, СССР вынужден вооружаться. Он отметил готовность восстановить с Германией прежние хорошие отношения, однако на этом пути стоит непреодолимое препятствие — политика экспансии на Восток. По имению Н. Н. Крестинского, поведение немецкого правительства представляет угрозу всем странам. С Малой Антантой М. М. Литвинов начинает переговоры в Женеве, и можно рассчитывать на установление дипломатических отношений Советского Союза с этой группой стран.

М. Юнгерта особенно поразило, что заместитель наркома отношения России с Италией квалифицировал как “непло-

хис", в то время как с Францией — улучшающимися во многих отношениях. Учитывая тот факт, что между Венгрией и СССР нет разногласий, отношения между ними могут развиваться положительно¹¹⁴.

8 июня 1934 г. на закрытом заседании комиссии по иностранным делам палаты представителей Государственного собрания министр иностранных дел К. Каня сделал доклад, вернее, остановился на некоторых вопросах, которые, по его мнению, заслуживают разъяснения, в том числе на деятельности М. М. Литвинова в Женеве, точнее, на той критике, которой она подвергалась. "Некоторые у нас", сказал он, ползают, что его выступления рассеяли надежды, возлагавшиеся еще несколько месяцев тому назад на установление венгерско-советских дипломатических отношений. Министр решил исправить эти утверждения. Ссылаясь на свою последнюю речь в парламенте, Каня сказал, что события на Дальнем Востоке оказали неблагоприятное влияние на европейскую политику, он подчеркнул, что Россию любой ценой хотят вовлечь в антиревизионистский фронт. В отношении надежд, которые связывались с установлением венгерско-советских отношений, министр заявил, что он никогда не утверждал, что после этого акта сразу начнется огромный товарооборот между двумя странами или уже в ближайшее время Венгрия может рассчитывать на политическую поддержку СССР. Он всегда в качестве основной причины, побуждавшей к установлению нормальных отношений, указывал, что нельзя не признавать великую державу, влияние которой постоянно возрастает, и что учреждение венгерской миссии в Москве нужно уже хотя бы по соображениям хорошей информированности.

К. Каня отмечал, что в Советском Союзе, как и в Венгрии, имеются территориальные претензии и, по мнению всех руководящих деятелей Венгрии, он никогда не откажется от Бессарабии. При этом Каня добавлял, что сейчас это обстоятельство использовать нельзя, ибо бессарабский вопрос в настоящее время отошел на задний план и все внимание советского правительства сосредоточено на опасности на Дальнем Востоке и германского фашизма. Поэтому оно желает любой

ценой обеспечить безопасность своих границ в Европе и готово ради этого пожертвовать частью прежних своих политических принципов. Этим объясняется тот факт, что советские руководители, которые прежде вели решительную борьбу против договоров Версальской системы, стали сторонниками принципа мирной эволюции и полного исключения применения вооруженной силы. Поэтому СССР стремится удовлетворить Францию и соглашается выступать в пользу безопасности в Женеве, хотя тон Литвинова там никому не нравится, за исключением сторонников Франции. Каян выражал уверенность, что до тех пор, пока японская опасность на Дальнем Востоке будет сохраняться, политика Москвы будет идти в этом направлении. Но как только она будет устранена и возникнет новая ситуация, внешняя политика СССР изменится и больше внимания вновь будет уделяться европейским делам¹¹⁵.

17 июня 1934 г. М. Юнгер-Арноти просил М. М. Литвинова высказаться о политике СССР вообще, и в частности в отношении Германии, Малой Антанты и ревизии договоров. Нарком изложил историю отношений Германии с СССР и причины их изменения. В записи беседы об этой встрече отмечено, что СССР только интересуется вопросом сохранения мира в Европе и он не намерен вмешиваться во взаимоотношения Малой Антанты с Венгрией или с другими странами. Советский Союз сам всегда выступал против послевоенных мирных договоров как несправедливых, но когда Германия стала на путь империализма и агрессии, СССР, естественно, должен был занять определенную позицию по отношению к Германии и ревизии договоров в нынешнем германском понимании.

Поскольку приближался срок организации миссий, М. Юнгер в ходе беседы упомянул, что идет поиск здания для миссии, и говорил о возможности ее открытия в сентябре¹¹⁶.

В письме М. М. Литвинова полпреду СССР в Италии от 27 июня 1934 г. отмечалось, что Венгрия в свое время настаивала на аккредитации в Москве какого-либо посланника из другой столицы и "предлагала нам сделать то же самое. Мы согласились на такой порядок только до июля", так как Венгрия аргументировала свое предложение отсутствием кредитов

на организацию миссии в Москве до нового бюджетного года, начинающегося в июле. В настоящее время венгры готовы назначить своего посланника, и это задерживается лишь необходимостью подыскания подходящего помещения в Москве¹¹⁷.

Прошло всего полгода после условленного срока, как Венгрия и СССР наконец обменялись дипломатическими миссиями и постоянными посланниками.

Оппозиция в парламенте, как было принято считать, в целом поддерживала планы хортистов о возвращении отторгнутых в войну территорий. Действительно, националистический угар в стране был столь силен, что не только партия либеральной буржуазии, но и социал-демократы и коммунисты не осмеливались открыто выступать против этих целей хортистов. Правда, нюансы в их политике все же были. Оппозиция не возражала против планов ревизии, но считала, что достичь поставленных целей можно лишь в том случае, если повернуть курс в сторону дружбы с Францией и странами Малой Антанты. По мнению одного из лидеров СДП — Эрне Гарамы, это было неосуществимо, пока в Венгрии сохраняется внутренний реакционный режим.

После прихода к власти Д. Гёмбёша в правящей партии и правительстве разрабатывалась программа, ставившая целью “освободить народы Дунайского бассейна” от чрезмерного влияния и вмешательства могущественных соседей. Она предполагала не только присоединение к Венгрии венгерского населения, проживавшего в соседних странах, но и первоначальный вариант “Все обратно!”, т. е. восстановления империи св. Иштвана. Возвращение всех живущих по границе венгров требовалось без всякого голосования, а бывшим угнетенным народам предполагали добиваться следующего: словакам и закарпатским украинцам (русинам) такой автономии, “какую они сами себе требуют от чехов”, а потом уже, под международным контролем, эти народы могут решить вопрос о своей принадлежности (конечно же, правящие круги полагали, что те выскажутся за вхождение в состав Венгрии). Предлагалось добиваться плебисцита о государственной принадлежности Баната, Бачки (Сербской Воеводины), где ни у одной нации не

было большинства. Интересно, что в этой программе не ставился еще вопрос о Трансильвании в смысле передачи ее Венгрии. И. Бетлен настаивал лишь на предоставлении ей самостоятельности. Он рассчитывал на это как на временное явление, до принятия окончательного решения.

В программе говорилось о необходимости “согласовать ее с угнетенными народами”, о “стремлении к их освобождению”, а “не к порабощению”, о желании сделать эти народы бывшей империи союзниками в борьбе за ревизию. Причем в документе содержалась такая фраза, которая раскрывала истинные намерения хортистов: “Стать руководителем этих народов на пути достижения культуры и цивилизации”.

Открыто все еще говорилось об осуществлении поставленной цели мирными средствами, однако на тайных совещаниях, в том числе в беседе с канцлером Германии А. Гитлером, Д. Гембёш заявил, что достижение цели он считает возможным только военным путем.

Таким образом, Венгрия, одержимая неосуществимыми тогда планами, двигалась в направлении, которое советник МИД Венгрии Сент-Ивани назвал “на пути к оси”.

¹ О причинах см. : *Пушкаш А. И.* Внешняя политика Венгрии. М., 1981. С. 228—304. Текст опубликован в ДВП СССР. Т. VII. С. 221.

² PIA. 685. f. 4, 9.d, 6. 1. Jungerth Arnóthy Mihály. Feljegyzések diplomáciai életéből.

³ HL. Vkf. 1933, 118 242. eln. , 257—259. 1. (Донесения Д. Стояковича в венгерский генштаб.).

⁴ A magyar ellenforradalmi rendszer külpolitikája. Bp. 1967. 440—441. old.

⁵ Az Est. 1934. 8. II.

⁶ 8 órai Újság. 1934, 8. II.

⁷ Evening Standard. 1934. 7. II. The Soviet et Hungary.

⁸ OL. K—64. 1933. 41. 505

⁹ Документы внешней политики СССР (ДВП СССР). М., 1970. Т. XVI. С. 713.

- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. С. 721.
- ¹² *Пушкаш А. И.* Указ соч. С. 300—305.
- ¹³ *Pritz Pál.* Magyarország külpolitikája Gömbös Gyula miniszterelnöksége idején. 1932—1936. Bp., 1982, 143—144. oíd.
- ¹⁴ OL. K—64. 1934, 34, 43 /543. res. /, 91—91. 1.
- ¹⁵ ДВП. Т. XVII. С. 44.
- ¹⁶ Там же. С. 25; АВП РФ. Ф. 5. Оп. 14. П. 97. Д. 111/Ве. Л. 2—8.
- ¹⁷ OL. K—64. 1934, 24, 3, 85—86, 95. 1.
- ¹⁸ ДВП СССР. Т. VII. С. 44.
- ¹⁹ РІА. 685. f. 39. ѓе, 1. 1.
- ²⁰ ДВП СССР. Т. VII. С. 42—43; РІА. 685. f. 4/39. ѓе, 1—2. 1.
- ²¹ РІА. 685. f. 4/39. ѓе, 2. 1; АВП РФ. Ф. 5. Оп. 14. П. 57. Д. 111/Ве. Л. 11.
- ²² Ibid. 9. 1.
- ²³ РІА. 685. f. 4/39. ѓе, 10—11. 1.
- ²⁴ OL. K—64. 1934. 24, 16 /15. fön. pol. /, 57—58. 1.
- ²⁵ РІА. 685. f. 4/39. ѓе, 13—14. 1.
- ²⁶ Ibid. 14—15. 1.
- ²⁷ Ibid. 15. 1.
- ²⁸ Ibid. 4/27. ѓе, 4. IV, 1933; 4/39. ѓе, 16. 1.
- ²⁹ Ibid. 16—17. 1.
- ³⁰ Ibid. 17—18. 1.
- ³¹ Ibid. 18. 1.
- ³² Ibid. 18—19. 1. ; OL, K—64, 1934, 24, 32, 107—109. 1.
- ³³ АВП РФ. Ф. 5. Оп. 14. П. 97. Д. 111. Ве. Л. 12.
- ³⁴ ДВП СССР. Т. XVII. С. 71—72.
- ³⁵ OL. K—64. 1934. 24, 43, 132—136. 1. Ноты, протоколы и обмен секретными письмами.
- ³⁶ ДВП СССР. Т. XVII. С. 72.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ РІА. 685. f. 4/39. ѓе, 21. 1.
- ³⁹ OL. K—64. 1934, 24, 32, 29. 1.
- ⁴⁰ Ibid. 30. 1.
- ⁴¹ Ibid. 31. 1. ; РІА, 685. f. , 4/39. ѓе, 21. 1.

-
- ⁴² Ibid. 23., 32. 1.
⁴³ Ibid. 32. 1
⁴⁴ PIA, 685. f. , 4/39. де, 24. 1., OL. К—64. 1934, 24, 32, 148. 1.
⁴⁵ АВП РФ. Ф. 5. Оп. 14. П. 97. Д. 111. Ве. Л. 32—37.
⁴⁶ ДВП СССР. Т. XVII. С. 771.
⁴⁷ PIA, 685. f. , 4/39. де, 25. 1.
⁴⁸ OL. К—64. 1934, 24, 32, 38. 1; 107—109. 1
⁴⁹ Ibid.
⁵⁰ ДВП СССР. Т. XVII. С. 72.
⁵¹ OL. К—64. 1934, 24, 32, 109.1.
⁵² PIA, 685. f. , 4/39. де, 29. 1.
⁵³ OL. К—64. 1934, 24, 32, 40—42. 1.
⁵⁴ PIA, 685. f. , 4/39. де, 30. 1.
⁵⁵ OL. К—64. 1934, 24, 32, 42—43. 1.
⁵⁶ ДВП СССР. Т. XVII. С. 72—73.
⁵⁷ Там же.
⁵⁸ OL. К—64. 1934, 24, 32, 43—44. 1.
⁵⁹ Ibid. 44. 1.
⁶⁰ Ibid. 44—45. 1. ; PIA, 685. f. , 4/39. де, 32. 1.
⁶¹ OL. К—84. 1934, 30. res. pol. , 19—20. 1.
⁶² Ibid. 1934. 24, 32, 142—144. 1.
⁶³ PIA, 685. f. , 4/39. де, 37. 1.
⁶⁴ Ibid. 39—40. 1.
⁶⁵ Ibid.
⁶⁶ Ibid. 40—41. 1.
⁶⁷ Ibid. 45. 1.
⁶⁸ Ibid. 47—48. 1.
⁶⁹ Ibid. 49—50. 1.
⁷⁰ Ibid. 52—54. 1.
⁷¹ Ibid. 55. 1.
⁷² Ibid. 56. 1.
⁷³ Ibid. 58—62. 1.
⁷⁴ Ibid. 63. 1.
⁷⁵ Ibid. 64. 1.
⁷⁶ Ibid.
⁷⁷ Ibid. 65—68. 78. 1.

- ⁷⁸ ДВП СССР. Т. XVII. С. 106—107.
- ⁷⁹ OL. K—64. 1934, 24, 32, 98. 1.
- ⁸⁰ PIA, 685. f. , 4/30. őe, 73—75. 1.
- ⁸¹ Pester Lloyd. Budapesti Hirlap. Pesti Napló. Újság. Függetlenség. Nemzeti Újság. Pesti Hirlap. Magyarság. Magyarország. Az Est. Esti Kurir. 1934. 7. II.
- ⁸² Függetlenség. 1934. 7. II.
- ⁸³ Magyarország. 1934. 8. II.
- ⁸⁴ Esti Kurir. 1934. 9. II.
- ⁸⁵ Új Nemzedék. 1934. 9. II.
- ⁸⁶ Pesti Hirlap. 1934. 9. II.
- ⁸⁷ Budapesti Hirlap. 1934. 9. II.
- ⁸⁸ 8 órai Újság. 1934, 8. II.
- ⁸⁹ Ibid.
- ⁹⁰ Ibid.
- ⁹¹ Giornal d'Italia. 1934. 7. II.
- ⁹² Börsenzeitung. Deutsche Allgemeine Zeitung. 1934. 7. II. Berliner Tageblatt. Kölnische Zeitung. 1934. 8. II.
- ⁹³ Wiener Neueste Nachrichten. Neue Freie Presse. 1934, 7. II.
- ⁹⁴ Zaria. 1934. 8. II.
- ⁹⁵ Pesti Hirlap. 1934. 9. II.
- ⁹⁶ Times. 1934. 8. II.
- ⁹⁷ OL. K—83. 1934, 39/pol. , 1—2. 1.
- ⁹⁸ PIA, 685. f. , 4/9. őe, 75. 1.
- ⁹⁹ Ibid.
- ¹⁰⁰ OL. K—61. 1934, 44. biz. , 1. 1.
- ¹⁰¹ Ibid. 1—5. 1.
- ¹⁰² Ibid. 6. 1.
- ¹⁰³ Ibid. 7. 1.
- ¹⁰⁴ PIA, 685. f. , 4/39. őe, 81. 1.
- ¹⁰⁵ Ibid. 79. 1.
- ¹⁰⁶ Ibid. 80. 1.
- ¹⁰⁷ Pritz Pál. Op. cit. 148—149. 1.
- ¹⁰⁸ АВП РФ. Ф. 5. Оп. 14. П. 97. Д. 119. Ве. Л. 59—62.
- ¹⁰⁹ OL. K—83. 1934, 43. pol. , 1—2. 1.
- ¹¹⁰ АВП РФ. Ф. 77. 1934. Оп. 10. П. 4. Д. 5. Л. 1—3.

-
- ¹¹¹ ДВП СССР. Т. XVI. С. 785.
¹¹² ДВП СССР. Т. XVII. С. 266—269.
¹¹³ Там же. С. 270.
¹¹⁴ OL. К—81. 1934, 196. biz. , 1—3. л.
¹¹⁵ OL. К—64. 1934, 126. biz. , 4—6. л.
¹¹⁶ ДВП СССР. Т. XVII. С. 399—400.
¹¹⁷ Там же. С. 416.

Заключение

Опыт мирового развития 20-х годов XX в. мало чему научил правителей Венгрии, ослепленных идеей ревизии Трианонского мирного договора и озлобленных за поражение в войне. После подписания договора о дружбе с Италией хортисты настойчиво и лихорадочно искали пути выходы из довольно непростого положения, усугублявшегося экономическим кризисом.

Во внешней политике продолжали воплощать замыслы Иштвана Бетлена, хотя и не прямолинейно, с колебаниями и чувствительными осложнениями. Оставаясь до осени 1931 г. во главе правительства, а затем, сохраняя пост лидера правящей Партии единства, Бетлен оказывал заметное влияние на развитие событий в стране.

В первые годы после соглашения в Риме МИД Венгрии и венгерское правительство прилагали немало усилий, направленных на осуществление секретных договоренностей, связанных, прежде всего, с поставками оружия из Италии в Венгрию в обход предписаний Трианонского мирного договора. Но эта затея постоянно наталкивалась на препятствия, и, прежде всего, на оппозицию со стороны социал-демократов в Австрии. Много неприятностей пришлось пережить правителям Венгрии на международной арене, в частности в Лиге наций, в связи с раскрытием в Сентготхарде тайных поставок оружия в Венгрию. С тех пор венгерские и итальянские правящие круги поставили перед собой цель сменить власть в Австрии, способствовать приходу в этой стране к управлению такого правительства, которое не препятствовало, а по возможности содействовало бы транзиту оружия и боеприпасов из Италии в Венгрию через Австрию.

Отношения Венгрии с последней свидетельствуют о том, что хортисты сначала поддерживали там силы (хаймвер), которые, по замыслу итальянского диктатора должны были не только вытеснить и затем разгромить марксистов (так он на-

звал социал-демократов), но и обеспечить в Австрии гегемонию Италии, воспрепятствовать усилению австрийских нацистов, не допустить аншлюса и присоединения этой страны к Германии. Однако после прихода в Германии к власти Гитлера Д. Гёмбёш готов был пожертвовать своим соседом и союзником в обмен на сближение с Германией.

Италия всегда много обещала Венгрии и мало что выполняла. Как Бетлен, так и Гёмбёш ревниво относились к колебаниям и маневрам в итальянской политике, они опасались возможного сближения Италии с Францией и отказа с ее стороны поддерживать венгерские территориальные претензии.

Другие соседствующие с Венгрией государства — Чехословакия, Югославия и Румыния, объединенные в Малой Антанте, опирались на поддержку Франции и имели целью не допустить осуществления основных внешнеполитических целей Венгрии, сохранив статус-кво. Правители Венгрии рассматривали эти государства и Францию в качестве главного препятствия, которое мешало пересмотру Трианонского мирного договора и восстановлению “Великой Венгрии”. Хортисты предпринимали неоднократные попытки оторвать ту или иную страну — Югославию или Румынию — от Малой Антанты и тем самым развалить ее. Однако это им не удалось. Им удалось лишь заручиться моральной поддержкой Италии (1927 г.), а затем и Германии (1933 г.) в борьбе, прежде всего, против Чехословакии. Венгрия осуществляла эту политику, несмотря на то что ей была известна договоренность стран Малой Антанты не вести переговоры с Венгрией по одиночке.

Последняя выступала против любых инициатив Франции и стран Малой Антанты, в том числе против плана пан-Европы, Дунайской федерации или конфедерации. И это несмотря на трудное экономическое положение, в котором находилась Венгрия, несмотря на ее участие в переговорах по сбыту сельскохозяйственной продукции, которые предполагали присоединение к преференциальному союзу.

Выступая против планов таможенной унии дунайских стран в любой форме, МИД Венгрии не поддерживал идеи таможенной унии Австрии и Германии. Одновременно Венгрия

была инициатором тесного экономического сотрудничества трех-четырёх стран: Италии, Венгрии, Австрии, а по возможности и Германии, и готова была создать таможенный союз, маскируя его под различные соглашения.

Когда венгерское правительство И. Бетлена убедилось, что без Франции невозможно получить иностранного займа и спасти страну от финансового краха, оно проявило склонность идти на сближение с Францией, что должно было осуществить уже новое правительство — родственника венгерского диктатора Миклоша Хорти — Дюлы Каройи. Но ситуация на международной арене и внутри страны, особенно внутри правящей Партии единства, была такова, что не прошло и года, как регенту пришлось, спасая положение, дать отставку Д. Каройи и назначить новое правительство во главе с Дюлой Гёмбёшем, которое восстановило дружественные отношения с Италией, порвало налаживающиеся контакты с Францией и открыто начало проповедовать ревизию Трианонского мирного договора.

Как и правительство И. Бетлена, кабинет Гёмбёша в угоду Муссолини и его политике на Балканах пытался наладить хорошие отношения с Турцией и Болгарией и не допустить складывавшейся в то время Балканской Антанты.

Спорные вопросы Венгрии с Румынией решались с трудом, для посредничества привлекались Польша и Италия. Но дальше соглашения об опгантах венгерская и румынская сторона не пошли, к тому же на практике оно не осуществлялось.

Одной из внешнеполитических целей венгерского правительства было найти во Франции и Англии сторонников своей политики, направленной на пересмотр мирных договоров. Правда, когда один из видных английских печатных магнатов — Ротермир открыто выступил в поддержку венгерских территориальных претензий к ее соседям, венгерское правительство отмежевалось от него по двум причинам. Во-первых, он выступал за исправление границ на этническом принципе, учитывая неактуальность их требований в целом. Они стояли на позиции "все или ничего". Во-вторых, Ротермира манил вакантный венгерский престол, в крайнем случае, он готов

был уступить его сыну. Против этого единым фронтом выступили как легитимисты — сторонники законного короля Габсбурга, так и те, кто стоял на позиции свободного выбора короля (они выступали против Габсбургов, за избрание королем знатного венгра, т. е. своего, национального, а не импортированного).

В исследуемые годы в Венгрии произошли изменения в отношении к Трианону. Если в первые годы после войны хортисты готовы были идти на авантюру, силой отнять потерянные территории, то позже пропагандировался тезис о том, что Венгрия не считает решение мирной конференции окончательным.

Далее наступил этап критики Трианонского мирного договора, подчеркивалась его несправедливость в отношении Венгрии и делались заявления о необходимости его ревизии. Но тогда еще было не ясно, какой смысл вкладывался в понятие “ревизия”. Не одинаковыми были позиции правящих кругов и инспирированных ими общественных организаций, в частности Ревизионистской лиги. В это же время и итальянский союзник настойчиво просил от своего венгерского партнера карту с обозначением претензий к тем или иным странам. Единства взглядов не было и в том, требовать пограничные районы соседних стран, компактно заселенных венграми, или настаивать на восстановлении страны в довоенных границах. Официальным лицам приходилось согласовывать свои взгляды на отдельных этапах, учитывая весь комплекс проблем в Европе.

Условные сокращения

АВП РФ — Архив внешней политики Российской Федерации
ДВП СССР — Документы внешней политики СССР. М., 1970.
Т. 16; 1971. Т. 17.

ИВП — История внешней политики СССР. М., 1976. Т.1.

АА — Aussenpolitische Archiv

ААД — Auswärtiges Amt Deutschland

Аbt. — Abteilung

АМР КР. IET. IV.k. — Iratok az elleforradalom történetéhez. A magyar ellenforradalmi rendszer külpolitikája. 1927. január 1 –1931. augusztus 24. Bp., 1967.

ААН — Archivum Akt nowych w Warszawie

ВI — Bethlen István gróf beszédei és irásai Bp., 1933. I.k.

D — Dossie

DZ — Deutsche Zentralarchiv. Potsdam

F — Fond

Főn — Főnöki

FT — Filmtár

685.f — Jungert Arnóthy Mihály Naplója

ННSA — Haus-, Hof- und Staatsarchiv

ННL — Hadtörténelmi Intézet levéltára. Bp.

Ibid. — Ibidem

Ikt. n. — Iktatás nélküli iratok

Jkv — Jegyzőkönyv

K — Kötet

K-63 — Külügyminisztérium levéltára. Politikai iratok

K-64 — Külügyminisztérium levéltára. Reservált politikai iratok

K-66 — OL. KÜM. Kabinet

K-74 — Külügyminisztérium levéltára. Számjeltáviratok

K-80 — Külképviseltek. Magyar követség. Athén

K-81 — Külképviseltek. Magyar követség. Bécs

K-83 — Külképviseltek. Magyar követség. Berlin

K-99 — Külképviseltek. Magyar követség. Róma

K-513 — Országgyűlési levéltár

K-609 — KÜM. Sajtó
KN — Képviselő Napló
KÜM — Külügyminisztérium levéltára
L — Lap
ME — Miniszterelnökségi
Msz — Ministerstwo Spraw zagranicznych
MT — Minisztertanács
MTI — Magyar Távirati Iroda
Nsz — Nemzetközi szerződések. 1918–1945. Bp., 1966.
OgyL — Országgyűlési levéltár
OL — Magyar Országos levéltár
Old — Oldal
Osz — Osztály
Öe — Örzött egység
P III — Departament polityczny
PB — Poselstwo RP w Budapeszcie
PIA — Párttörténeti Intézet Archivuma
Pol — Politikai
Res — Reservált
Saj — Sajtó
Sz — Szám
Sz. n. — Számnéküli iratok
Vkf — Vezérkari főnök

Указатель имен

А

- Абрахам Т. Дежё 36
Авереску, генерал 101
Александр, король 114, 191
Алоизи Помпео 247
Алт Валдемар 114
Амбрози Лайош 12, 44, 134, 135, 136, 149, 161, 175, 201
Андрашши Дюла 27, 35, 58
Андрашши Щандор 58
Андян Бела 155
Ангал Иштван 184, 185
Апор Габор 24, 43, 44, 46–48, 51, 162, 189, 192, 234, 252, 253, 255, 267
Апони Алберт 28, 35, 54, 59, 60, 128, 129, 144, 165, 170, 171
Арас, Рюштю Тевфик 23, 24, 77–82, 87, 91–98, 113, 246, 249, 251, 270
Ардьропулос 105
Арлотта Марио 133
Астахов Георгий Александрович 245
Астис де Джовани 43
Аттолико Бернардо 249, 252
Аурити Геоцинто 133

Б

- Байчи–Жилински Эндре 166, 174, 210, 211, 230
Балог 286
Баранья Липот 187
Бакач–Бешпенъен Дьёрдь 200
Бардошши Ласло 58
Барклай Корвилл 30
Бартель Казимир 146
Барца Дьёрдь 153
Барцаи Б. 185
Бауэр Отто 38

- Бек Лайош 151
Бек Юзеф 285
Беличка Шандор 60, 61
Бенеш Эдвард 40, 137, 147, 148, 161, 168, 171, 182, 186, 194, 210, 222, 231
Бёсермени Золган 204
Бетлен Иштван 5, 7, 10, 11, 13–15, 17–25, 27–36, 38, 40–46, 51–53, 55–58, 60, 61, 64, 66–70, 78–85, 128, 130–134, 136–142, 145–148, 150, 152–155, 160–164, 167–170, 174, 178–181, 183–186, 188, 189, 191, 193, 194, 196, 197, 199, 203, 208–213, 215, 217, 223, 226, 227, 234, 235, 245, 279, 280, 294, 300, 301
Белич (Бехидь) Эркин М. 81
Биркаш Геза 204
Бломберг Вернер 215
Блом Леон 217
Бодя Янош 151
Болдуин Стенли 28
Бонкур Поль 230
Борах Уильям 168
Бриан Аристид 8, 13, 56, 60, 80, 82, 85, 95, 109, 116–118, 128, 151, 160
Брюнинг Хайнрих (Генрих) 136, 139, 140, 153
Буреш Карл 169
Буров Анастас Димитров 80, 81, 83
Бурш Карл 135, 136
Бути Джино 255, 262–265
Бухингер Мано 170, 212
Бюлов Бернхард 206

В

- Вейнберг 248
Валко Лайош 13, 15–18, 25, 29, 30, 32, 47–50, 53, 55, 58, 59, 61–63, 66–71, 79–81, 105, 111, 116–118, 124, 125, 132, 145, 154, 163, 172, 174, 204, 205, 213
Вамбери Армин 86
Вашш Йозеф 145

Векерле Шандор 66, 69, 70,
Велич Ласло 203, 204
Венизелос Елефтернос 23, 83, 104, 105, 113
Веттштгейн Янош 9, 219, 222
Винн де Луис 153, 216
Виллиани Фридьеш 68, 140, 166, 171, 175, 181
Винклер Иштван 254
Винклер Франц 201, 202
Водянер Андор 47, 48
Вольф Карой 151, 277, 282

Г

Габор Эрнё 204
Габсбург Албрехт 27, 35, 179
Габсбург Иосиф 27
Габсбург Отто 27, 35, 153
Гайда 280
Гарами Эрнё 293
Гельфанд Леон Б. 256–262, 264, 267, 269
Гёмбеш Дюла 5, 34, 37, 86, 94, 161–163, 178–180, 182–190, 192–
201, 203, 204, 211–216, 218–220, 222–231, 233–237, 245, 246,
253, 263, 264, 274, 277, 278, 282, 289, 293, 294, 300, 301,
Гендерсон Артур 150, 151
Гика, князь 186
Гиндербург Пауль 138
Гитлер Адольф 5, 6, 27, 86, 95, 96, 115, 170, 202–204, 210, 211,
214, 215, 217–220, 223–229, 274, 294
Гранди Дино 10, 18, 25, 39, 42–44, 46, 48, 56, 61, 62, 67, 133, 140,
149, 150, 152, 167, 169
Грац Густав 35, 171, 173, 174, 181, 182
Гувер Герберт Кларк 66, 106, 109

Д

Давила 65
Дайц Вернер 224
Данчев 101

Дауэс Чарлс Гейтс 53, 66
Дольфус Энгелберт 196–202, 217–220, 223, 226, 228, 229, 233–
237, 274
Дучич Йован 221
Дурини Эрколе ди Монза 28, 42, 62

Е

Евтич (Ефтич) Бошко 115, 231

З

Залеский Август 21, 60–63, 143, 146
Зайпел Игнац 12, 19, 30, 37, 40, 43, 45, 46, 49–51, 129, 131–133,
170
Зига, Бурбон 153,
Зичи Янош 34, 35
Золф 205, 206

И

Имреди Бела 185, 253
Исмет-паша (Иненю) 80, 82, 87, 89, 90–92, 95, 97, 110, 245
Иштван I, Святой 48, 293

К

Кадоган Александр Жорж 30
Каллаи Тибор 154
Каня Калман 86–91, 93–95, 97, 138, 161, 166, 173, 203, 205, 214–
219, 221, 223, 224, 235–238, 244, 246, 251–255, 257, 260, 264,
265, 267, 269–271, 274, 278, 282–287, 289, 291, 292
Каройи Дюла 25, 57, 64, 134, 149, 150–152, 155, 156, 160, 163–
166, 169, 170, 174, 178–180, 186, 187, 194, 205, 213, 301
Каройи Дюла, младший 156
Каройи Лайош 58
Каройи Михай 3
Карпай Элек 17, 48
Квариджилия 130
Кеглевич Дюла 278

Келлог Фрэнк Биллингс 8, 80, 95, 128, 146
Кёлчел И. 185
Кемаль-паша Мустафа (Ататюрк) 80, 82–86, 88, 111
Кётке Герхард 219, 220, 281
Керестеш-Фишер Ференц 163, 178, 253
Киралди-Лукач Дьёрдь 248, 252, 253, 255, 256, 262, 263
Кобр Милош 289
Ковач Эндре 147, 229
Козма Миклош 155, 171, 202, 203
Колонна Асканио 263, 265
Коош Михай 275
Корани Фридьеш 67–70, 166, 179
Корниш Дюла 187
Корнфельд Мориц 187
Кошут Лайош 98
Крамарж Карел 210, 284
Крестинский Николай Николаевич 251, 255–260, 262, 264, 266, 288, 290
Курциус Юлиус 138–140, 148, 234
Кун Бела 259
Куэн-Хедервари Шандор 17, 42, 55, 60, 66, 133, 134, 153, 206, 208, 224

Л

Лаваль Пьер 171
Лазар Миклош 223
Латкаш Дюла 151, 171
Ланг Болдижар 1541
Лепковский Станислав 224, 229
Литвинов Максим Максимович 112, 113, 246, 247, 249–253, 257, 260, 265–268, 271, 275, 284, 286, 288, 290–292
Лукач Дьёрдь 145, 151
Ляпчев Андрей 81

М

Макдональд Джеймс Рамсей 30, 36

Милашич Геза 152
Мария, герцогиня 153
Мартон Бела 185
Масарик Томаш Г. 182, 210
Матушевский Игнаций 144
Маширевич Силард 38, 194, 222, 138, 281, 287, 288
Мешко Золян 223
Мечер Андраш 224
Миклас Вильгельм 45, 132
Миронеску Георге 146
Михалакопулос 100, 102, 104
Михаловский Зигмунт 144
Молдовани Шандор 103, 105, 110, 111, 114
Мусолини Бенито 5–7, 10, 17, 18, 20–27, 34, 40, 42–45, 47–50, 52,
60, 61, 67, 71, 78, 81, 86, 87, 102, 129–133, 136, 137, 148–150,
153, 166, 167, 169, 170, 175, 188–199, 201, 209, 215, 218, 219,
223, 226, 231–234, 236–238, 246, 250, 255, 262, 263, 270, 274
Мушанов Никола 89–93
Мюллер Герман 136

Н

Надолни 267
Надь Эмил 28, 29, 32, 34, 36
Наполеон III 45
Нейрат Константин 95, 215, 281
Нелки Енё 217
Немеш Дежё 138

О

Одесгалхи Каройне 35
Олаи Ференц 204

П

Пабст Валдемар 217, 218
Павелич Анте 198
Пакоч Йозеф 151

Паллавичини Дъёрдь 27, 152, 211, 230
Пангалес, генерал 103
Папанастасиу 112, 114
Папен фон Франц
218, 219
Пейер Карой 70, 152
Перени Жигмонд 32, 36, 163
Петё Шандор 143
Петровский А. М. 288, 289
Пингер Ласло 152
Пилсудский Юзеф 20, 60–62, 141, 144, 145
Потемкин Владимир Петрович 246–248, 251, 255, 258, 260–262,
264–271, 287
Прибичевич Светозар 192
Приц Пал 184
Прокопиус Бела 99–101
Пуанкаре Раймонд 146
Пуки Эндре 182, 190, 202, 203, 286

Р

Радаи Геден 163
Раковски Иван 27
Рамсей Патрик 289
Ракоци Ференц II 98
Ракоши Виктор 32
Ракоши Енё 34, 36
Рашпан Карой 16, 35, 70, 180, 187, 230, 278, 282
Рац Енё 185
Рёдер Вилмош 136
Ринтелен Антон 49, 287
Розенберг Алфред 204, 227
Ротермир Герольд Сидней 19, 26–34, 36, 142
Рудишич Элемер 204
Рубидо–Зичи Иван 12, 29, 30, 32, 33, 56, 68, 161
Рюштю–бей Тевфик. См. Арас

С

- Свигальский Казимир 146
Сект Ханс 136
Сент-Ивани Домокош 294
Сент-Миклоши Андор 9
Стамболлийский Александр 285
Стерени Йожеф 63–65, 173
Стояи (Стоякович) Дёме 244
Странявский Шандор 278
Сувич Фулвио 197, 198, 232, 236, 246, 262, 263, 282
Суриц Яковь Захарович 112, 245, 249–251, 265, 268
Сцитовски Бела 147
Сцитовски Тибор 25, 153, 154

Т

- Тардье Андрю 5, 70, 171–175, 180, 181, 187, 213, 230, 231
Тахи Ласло 76, 77, 79, 81, 82, 91–93, 110, 112, 113, 245
Телеки Пал 32, 57, 182, 206
Телески Шандор 154
Титулеску Николае 15, 58, 59, 87, 98, 222, 231, 283
Тураи 223

У

- Уильямс Алфред Чарлс (Портклифф) 26
Унгер Франтишек 142
Устинов Алексей Михайлович 100

Ф

- Фабiani Бела 277
Фабри Даниел 48
Фаркаш Тибор 211
Фаугойн Карл 41, 46, 48, 132–134
Фелшнер Пал 275
Феньё Микша 233, 280
Франсуа-Понсе Андре 95
Фридрих Иштван 171, 186, 282

Х
Хаммерштайн, генерал 244
Хармсворт Эсмонд Сесил 32–37
Хассел Улрих 218, 230, 287
Хевеши Пал 56
Херцег Ференц 28, 29, 32, 36
Хинчук Лев Михайлович 287, 288
Хоман Балинт 160, 185, 187, 253
Хори Андраш 13, 17, 24, 25, 41, 42, 47, 61, 62, 67, 68, 71, 110,
132, 140, 167, 188–192, 196, 202, 215, 232, 235, 236, 246, 289
Хорин Ференц 187, 280
Хорти Миклош 3, 4, 7, 27, 31, 32, 37, 63, 154–156, 163, 164, 174,
180, 183, 184, 196, 247, 250, 254, 263, 271, 279, 282, 284, 301
Хорти (Карой) Паулетта 156
Хугенберг 170
Хуняди Йозеф 35, 177
Хусар Карой 32

Ц
Цанков Александр 81

Ч
Чаки Карой 37, 50
Чемберлен Остин 10, 13, 15, 29, 31, 54, 56, 59, 60, 65
Чичери-Ронаи И. 185

Ш
Шамбронс 287
Шиграи Антал 154, 223
Шипец Енё 32
Шоен Ханс 162, 163, 206, 207, 221, 229, 230
Шобер Йоханнес 38, 40, 46, 49, 50–53, 121, 130–136, 148, 149,
168, 169, 234–236
Шойбнер-Рихтер 214
Штайдле Рихард 39, 41–43, 45, 46, 48–52

Штаремберг Эрнст Рюдигер 39, 132, 133, 196, 217, 219
Штаремберг, младший 52
Штразман Густав 53, 60, 103, 136, 137, 145
Шушниг Курт 223

Э

Эбер Ангал 280
Эгри Аурелл 58
Эндер Отто 132, 134, 135
Экхардт Тибор 162, 171, 174, 187, 203, 204, 211, 282
Эньеди Андраш 278
Эррио Эдуард 175, 214, 215, 279

Ю

Юнг Оуэн 53, 66, 109
Юнгерт-Арноти Михай 247, 249–274, 282, 286, 287, 290, 292
Юхас Дюла 71

Я

Янки Бела 41, 45–47, 51
Янки Кочард 39, 41, 45, 50, 51, 136

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение.....	3
Глава первая. Активизация внешнеполитической деятельности правительства Бетлена	7
<i>Скандал в Сентготхарде.....</i>	11
<i>Встреча Бетлена и Муссолини в Милане.....</i>	17
<i>Пропаганда ревизии границ и акция лорда Ротермира</i>	25
<i>Венгерско-итальянские отношения и Австрия.....</i>	37
<i>Дело оптантов. Венгерско-румынские отношения</i>	53
Глава вторая. Венгрия и Балканы.....	76
<i>Венгерско-турецкие отношения</i>	76
<i>Венгерско-греческие отношения</i>	99
Глава третья. Мировой экономический кризис и нюансы венгерской внешней политики	108
<i>Усиление дипломатической активности в Центральной Европе и на Балканах.....</i>	108
<i>Внешняя политика Венгрии и парламентские комиссии по внешнеполитическим делам.....</i>	116
<i>Венгерско-австрийские отношения.....</i>	129
<i>Венгерско-германские отношения</i>	136
<i>Венгерско-польские отношения.....</i>	141
<i>Поиск иностранных кредитов. Отставка И. Бетлена....</i>	149
Глава четвертая. Колебания во внешней политике правительства Д. Каройи	160
Глава пятая. Первое правительство Дюлы Гёмбёша и изменения во внешней политике Венгрии.....	178
<i>Курсом Иштвана Бетлена</i>	178
<i>Сближение с гитлеровской Германией и визит Дюлы Гёмбёша в Берлин.....</i>	199

Глава шестая. Установление дипломатических отношений между Венгрией и Советским Союзом	244
Заключение.....	299
Условные сокращения	303–304
Указатель имен.....	305–314

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения и балканистики**

**Пушкаш А. И.
Внешняя политика Венгрии.
Апрель 1927 г. — февраль 1934 г.**

**Ответственный редактор
доктор исторических наук И. И. Поп**

ЛР № 020935 от 9 ноября 1994 г.

**Оригинал макет подготовлен в редакционно-
издательском отделе Института славяноведения и
балканистики РАН**

Подписан в печать 12. IX. 1995. Усл.-печ. л. 16,5

Тираж 300 экз. Заказ № 308.

Цена договорная

